

КРИСТИНА
РОЙ

Счастье

КРИСТИНА РОЙ

Счастье

СВЕТ НА
ВОСТОКЕ

Перевод с немецкого

Kristina Roy
«Glück»

К. Рой

Счастье

Пер. с нем. — Корнталь: «Свет на Востоке», 1999. — 304 с.

Перевела с немецкого Луиза Герман
Редакторы Е. Бошман, Т. Лимаренко
Корректор М. Романова
Художник О. Зверева
Компьютерная верстка А. Кодака

Изд. № 01.348

© Русское издание:
«Свет на Востоке», 1999.

ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ

Наше издательство «Свет на Востоке» продолжает публикацию произведений словацкой писательницы Кристины Рой (1860—1937). Сегодня читательский спрос на христианскую художественную литературу весьма велик, поэтому мы подготовили к изданию новую серию из восьми книг, среди которых есть и автобиография под названием «И стал Свет». Надеемся на то, что читатель, уже знакомый с некоторыми произведениями К. Рой, с теплотой воспримет и эти работы, впервые издаваемые на русском языке.

ДОРОГА В НЕБО

Когда читаешь рассказы К. Рой, попадаешь под обаяние ее искренности. В своей писательской манере она многое переняла от проповедей Христа: афоризмы, вопросы, логические доводы, традиционные формы священной библейской поэзии, притчи. Ее афоризмы звучат мягко, они как будто окутаны дымкой печали («Ах, в мире нет блаженства без примеси горечи»; «Иногда дни летят, как мысли, а недели — как сон»; «Настоящая любовь уходит с нами в вечность»), а рассуждения героев логичны и полны житейской мудрости.

Несмотря на то, что писательский стиль К. Рой формировался под влиянием романтизма, в ее книгах описывается повседневная жизнь простых людей. Герои выращивают и собирают урожай, косят траву, пасут скот, ходят в лес за грибами и ягодами, плотничают, ведут домашнее хозяйство, занимаются рукоделием, нанимают работников и сами работают в кузницах и на мельницах. Но главное, что находится в центре внимания писательницы, — это внутренний мир ее героев. Она

умеет посвятить нас в тайны их души, и мы знаем, о чем они думают, что чувствуют, о чем говорят в молитвах. Религиозности, подчиненной обычаю, К. Рой всегда предпочитает искреннюю беседу с Богом, когда открывается все, что лежит на сердце. Ее герои молятся простыми словами, с любовью и доверием, слова иногда переходят в стихи, ярче всего отражающие их переживания.

Библейская притча — органичная часть многих рассказов К. Рой. Притча о заблудшей овце, включенная в такие произведения, как «Счастье», «Три друга», заостряет наше внимание на отношении Бога к отдельно взятому человеку. Характер этих отношений проиллюстрирован в рассказе «Без Бога на свете», где овечки являются объектом особой любви и постоянной заботы главного героя — мальчика Мартынка, сироты, пастушка «с красивым загорелым лицом и большими темными глазами», а сам он оказывается «овечкой», найденной Пастырем Иисусом. «Одно нехорошо, — говорит Мартынка женщинам перед своей смертью, — жил я на земле без Бога, а вы ничего не рассказывали мне о Нем...» По глубокому убеждению писательницы, жить без Бога — большой грех. Поэтому жизнь ее маленького героя, узнавшего о Хрис-

те, превращается в одно постоянное ожидание Его прихода. Смерть для Мартынка — это последняя ступенька к Богу. В конце рассказа не говорится, что мальчик умер. «Он ушел в тот далекий край, о котором мечтал на земле. Он нашел Бога, и Бог нашел его».

Дети — любимые герои К. Рой. Она хорошо понимает, что имел в виду Спаситель, когда говорил ученикам: «Будьте, как дети». Открытость и доверчивость детской души есть образ доверия человека своему Небесному Отцу. Доверие ее маленьких героев Богу и верность Ему беспредельны. Поэтому в рассказах писательницы дети — цельные личности.

События рассказа «Мальчик-рыбак из Галилеи» переносят нас во времена последних лет правления царя Ирода. Два старших друга маленького Ионафана — Манассия и старик Иаков — понимают слабость своей веры, когда видят, как горячо верит Ионафан в то, что Сын Божий не был убит в Вифлееме.

Христос говорит: «Не бойся, только веруй». Но страх пережить разочарование останавливает старого Иакова, а Манассию сдерживает клятва верности, данная Иоанну Крестителю. И только серд-

це мальчика-рыбака сразу и навсегда принимает Христа. В конце рассказа, когда Ионафан приносит Иисусу «дар детской любви» — хлебы и рыбки, совершается самое важное событие в его жизни: он встречает долгожданного Мессию.

В основе рассказа «С ним был Бог» лежит библейская история об Иосифе и его братьях. Размышления писательницы о преображении главного героя становятся особенно волнующими, когда она говорит о результате внутренней борьбы в Иосифе и его отказе от «ветхого человека» в себе. Иосиф произносит слова: «Да будет воля Твоя!». «И на этом Бог завершил его воспитание», — пишет К. Рой. Она не скрывает, как труден отказ от себя даже во имя Бога, даже ради обретения себя в Боге в более высоком качестве. Иначе, по мнению писательницы, и не может быть. Ведь зло живет в самом человеке: воля к господству, подавлению и насилию дремлет на дне души, готовая в любой миг вырваться наружу.

Все творчество К. Рой наполнено ее желанием помочь нам избавиться от нравственной слепоты. На страницах рассказа «С ним был Бог» писательница вступает в очень личную и откровенную беседу с читателем, с «дорогой душой», обнажая глу-

бинный смысл происходящего, заглядывая в будущее и предостерегая от непоправимых ошибок.

Труден путь заблудшего человека к Богу. И, усиливая эту мысль, герои К. Рой странствуют, скитаются, страдают от непонимания и одиночества. Писательница переживает за них, заставляя переживать и нас, переживать не только и не столько за литературный персонаж, но за каждого человека, отвернувшегося от Бога и потерявшего дорогу к своей Небесной родине.

Творчество К. Рой оптимистично. Герои ее рассказов обычно находят Бога, как нашла Его и сама писательница. С тех пор ее жизнь и творчество посвящаются Тому, Кто взял на себя ее грех, подарив прощение и вечную жизнь. «Жить для Иисуса, с Ним умирать» — и сегодня мы поем ее гимн, наполняющий наши сердца утешением и желанием трудиться для Него, как трудилась К. Рой.

Татьяна Лимаренко

*ПРИНЯТЫЕ В КНИГЕ
СОКРАЩЕНИЯ*

Быт. — Бытие (Первая книга Моисеева)

Пс. — Псалтирь

Ис. — Книга пророка Исаии

Мих. — Книга пророка Михея

Зах. — Книга пророка Захарии

Мф. — Евангелие от Матфея

Ин. — Евангелие от Иоанна

Деян. — Деяния святых апостолов

Рим. — Послание римлянам

Флп. — Послание филиппийцам

2Тим. — Второе послание Тимофею

Евр. — Послание евреям

Отк. — Откровение Иоанна Богослова (Апокалипсис)

У подножия Муртина

Люди говорили, что в мире не найти двух других братьев, которые жили бы так дружно и так любили бы друг друга, как Павел и Андрей Муртины.

Им не было еще четырнадцати лет, когда умер их отец, и они стали помогать матери вести небольшое хозяйство. А когда умерла мать, им пришлось научиться все делать самим.

Жили они у подножия высокой горы рядом с городком Ц. в доме, вокруг которого рос фруктовый сад. Братьям принадлежало небольшое поле, где они сеяли хлеб, зерно отвозили к мельнику Леготскому, жившему неподалеку — нужно было по склону горы спуститься в долину. Рядом с полем находился луг с густой сочной травой, и это давало братьям возможность держать двух коров и выкармливать телят, которых они ежегодно продавали на базаре.

Рядом с домом Муртиных протекал кристально чистый ручей. Из него пили воду не-

сколько овец, которых держали братья. Из шерсти, собранной за две зимы, пряли пряжу, делали из нее ткань и отдавали портному, и у братьев всегда была хорошая верхняя одежда.

Павел с Андреем росли крепкими, стройными, широкоплечими, как деревья в лесу. Каждый из них на своих плечах легко мог внести слабого горожанина на вершину Муртина. Так называлась гора, у подножия которой стоял их дом.

Андрей Муртин очень любил свое жилище, потому что не встречал лучшего. Бывая в городе, он смотрел на дома, выстроенные вплотную друг к другу, и ему казалось, что здесь не хватало простора, а без него человек может задохнуться. Андрей знал, что не променял бы собственный дом на городскую квартиру. Из окон квартиры можно увидеть лишь серый бе-

тон да уличную грязь, а в домике Муртиных хотя и маленькие окна, но из них круглый год видна красота Божьего мира. По весне их цветущий сад уподоблялся раю, все лето на деревьях созревали плоды, а осенью ветви сгибались под их тяжестью.

В городе все приходилось покупать, а в Муртине всего было вдоволь: молоко, фрукты и грибы, за которыми было недалеко ходить. Мясо, правда, ели редко, только когда резали барана или кролика. И домашнюю птицу разводили, чтобы продавать ее в городе, а на вырученные деньги покупать все, что необходимо для ведения хозяйства.

Павел Муртин не разделял мнения брата и считал, что к их дому нужна пристройка. Он смотрел, как построены другие дома, и планировал, как перестроить собственный. Братья уже хотели приступить к строительству, как вдруг получили повестку из военкомата. В ней сообщалось, что Павла призывают на службу в армию. Это известие поразило братьев. Лучше бы их взяли обоих, не разлучая! Расставание казалось им невозможным, ведь они были почти ровесниками! Друг другу они иногда го-

ворили: «Если нам придется идти в армию, мы будем служить вместе», но в глубине души они надеялись, что эта участь их минует. Но братьям никогда не приходило в голову, что одного из них могут взять, а другого оставить. Что понимали господа из военкомата, высмеявшие Андрея, когда тот попросил, чтобы его взяли вместе с Павлом? Они не знали, что чувствовали два этих парня: как Павел будет служить без Андрея и как Андрей останется без Павла?

«Вот если бы я не упал, когда был ребенком, то мог бы идти в солдаты, — горевал Андрей. — Если бы Павел упал тогда вместе со мной, то нас бы обоих сейчас не взяли...»

Из военкомата братья вернулись домой опечаленные.

— Не горюй, Андрей, — немного успокоившись, сказал Павел. — Все к лучшему. Если бы нас обоих взяли в армию, то некому было бы присмотреть за нашим домом и он бы совсем развалился. Мы, конечно, могли бы на время сдать его кому-нибудь, но лучше тебя его никто не сбережет. Бог даст, вернусь здоровым, и заживем лучше прежнего. А я передам тебе все, чему научусь в армии.

— Пожалуй, — согласился Андрей, немного утешенный, — за эти три года я один дострою все, как мы задумали.

— Ты не сумеешь все сделать сам, одному тебе не справиться, — рассуждал вслух Павел. — Да и нельзя тебе оставаться одному. Может быть, возьмешь к себе тетю Звару? Ей, несчастной, не на что жить, потому что дядька все промотал, а теперь и второй ее муж умер.

— Ты прав, она добрая женщина. От первого мужа у нее осталась дочка. Пусть по воле Божьей все так и будет: ты там переживешь разлуку, а я здесь.

Братья успокоились и, так как призыв был еще не скоро, начали забывать о случившемся, как о кошмарном сне.

Но прошло некоторое время, и страшный сон стал явью. Когда Андрей прощался с Павлом около родного дома, то смотрел на брата так, будто хоронил его заживо, будто в это мгновение умирало их счастье. Крепко обнявшись, братья стояли и плакали, и Павлу тоже почему-то казалось, что он сюда больше не вернется.

Кто знает, сколько бы они так проплакали, если бы не друзья, которые пришли попрощаться с Павлом.

Андрей проводил брата до вокзала, где они и расстались. Его утешало лишь то, что Павел не один, что, когда он будет служить с молодыми ребятами, его печаль рассеется. О себе он не думал.

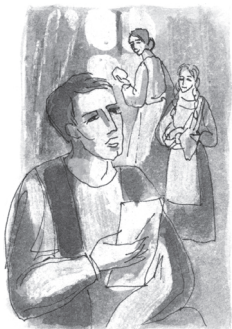
Проводив брата, Андрей сразу отправился к тетушке Зваре и помог ей собрать вещи, чтобы потом увезти их на подводе. Ему не хотелось одному возвращаться домой. Тетя Звара в своем сердце благословляла племянника за то, что он берет ее к себе. Оставшись вдовой, она во второй раз вышла замуж за вдовца, но его дети от первой жены относились к мачехе очень плохо и еще хуже к ее дочери от первого брака. Маленькая Илонка Звара из-за тяжелой работы и плохого питания в свои четырнадцать лет выглядела намного младше своих сверстников, потому что отставала от них в физическом развитии. И мать, и дочь облегченно вздохнули и, как птички, вылетевшие на

волю, ушли из дома, в котором им так нелегко жилось.

Илонка была худенькой девочкой с большими синими глазами на бледном осунувшемся личике. Ее глаза с печалью и нежностью смотрели на окружающий мир и словно говорили о том, что девочка в своей жизни уже столкнулась со злом. При каждом взгляде на дочь у матери сжималось сердце: она понимала, что, второй раз выйдя замуж, она сделала свое дитя несчастным. Мать надеялась, что хоть теперь они будут счастливы!

Поселившись в домике у подножия Муртина, девочка бегала за своим двоюродным братом, который ее не бил и не ругал, как собачка за добрым хозяином. Понадобилось немало времени, чтобы душа ребенка привыкла к свободе и к огромному счастью, так неожиданно подаренному ей. Но девочка быстро наверстала упущенное. Изменение условий и образа жизни подействовало на нее, как только могут действовать солнечные лучи на зачахшее в тени растение.

Илонка начала расти и крепнуть, личико ее округлилось, щечки порозовели. В глазах ис-

чез страх, и на губах появилась улыбка, она начала даже подпевать птичкам, которые щебетали вокруг. Во всем помогая матери и Андрею, она своим теплым чувством благодарности словно согревала дом.

— Знаешь, тетушка, я так боялся, что не перенесу разлуки с Павлом. Боялся, что каждый день будет казаться мне вечностью, но даже не заметил, как пролетел год, так помог нам Господь, — говорил Андрей.

— Это за то, сынок, что ты нам сделал столько добра, — говорила с чувством благодарности женщина.

Всегда большой радостью в доме Муртиных были письма, приходившие от Павла. Вначале они были короткими, но со временем стали длиннее. Андрей удивлялся, что Павел теперь пишет почти как в книгах.

— Посмотрите, тетя, как наш Павел научился писать, значит, служба в армии пойдет ему на пользу.

В первую же зиму Андрей начал учить Илонку читать и писать, вспоминая все, чему его научили в школе. Тетя Звара достала отцовскую Библию, и теперь они вслух читали ее, размышляя над интересными и мудрыми историями Священного Писания.

Они любили ходить в церковь, несмотря на то, что идти туда было целых два часа. Летом им удавалось бывать там чаще. Им нравилось, когда пастор читал текст, который они уже прочитали дома, хотя из проповеди они мало что понимали, как и дома из прочитанного. Но никто из остальных слушателей, наверное, не понимал больше, чем они. Люди, с которыми они слушали проповедь, были довольны своей жизнью и никогда не задумывались, что будет с ними после смерти. Они говорили, что это известно одному Богу, и продолжали считать себя порядочными и честными, ведь никто не мог сказать о них ничего плохого. Они обращались к Богу заученными молитвами и пели одни и те же гимны из

своих песенников. Три или четыре раза в год исповедовались и чувствовали себя в эти дни удрученными. Совершив этот обряд, люди радовались, что сделали для Бога что-то очень хорошее, и надеялись, что, может быть, за это попадут прямо в рай.

А что делал Павел? На его долю выпали все тяготы солдатской службы. Подчас ему казалось, что он заключенный. В такие минуты он начинал завидовать даже верховым лошадям. Как о них заботились! Офицеры, глядя лошадей, называли их ласковыми именами, а солдат ругали самыми скверными словами, даже не разобравшись, виноваты они или нет.

Выросший в малонаселенной местности, молодой человек страдал от большого скопления солдат в казарме и от строгого режима, от чужого языка и жестокого, унижительного обращения, но больше всего от того, что его, как растение, вырвали из родной почвы и пересадили туда, где он никак не мог пустить корни. Он страдал больше, чем это можно выразить словами, страдало не только его тело, но и

душа. В армии он впервые услышал грубые выражения, от которых краска стыда выступала на его лице. Иногда ему не хватало сил на выполнение какого-либо задания, а порой он маялся от безделья. Он не мог привыкнуть к чужой пище. В душной казарме в свободные часы им овладевали такие желания и посещали такие мысли, которые были ему незнакомы, пока он жил дома.

Позднее ему стало казаться, что он может ко всему привыкнуть и со всем смириться. На самом же деле было не так — в его сердце умирала чистота. Из самобытного и неиспорченного сельского парня он превращался в грубого солдата.

Но что-то в Павле противилось этому превращению. Этим «что-то» было обещание, которое он дал Андрею перед уходом в армию. Он хотел сдержать слово и старался в любой ситуации учиться всему, чему только было возможно. Шло время, и у Павла оставалось лишь одно желание — поскорее вернуться домой, к Андрею. Ему казалось, что у себя на родине он снова станет таким, каким был прежде, и вместе с солдатской одеждой снимет с себя все чужое, что так его тяготило.

Через некоторое время Павла перевели в военный оркестр. Он оказался музыкально одаренным, к тому же ученье давалось ему легко, и он достиг немалых успехов. Преподаватели хвалили Павла, так что некоторые из ребят даже стали завидовать ему, особенно после того как его повысили в звании.

На втором году службы Павла отправили в пограничные войска, и он служил в Боснии. А на третий год он попал в большой город, где с другими солдатами обошел все доступные им рестораны и пивные.

Но вскоре он узнал, что за небольшую плату можно покупать книги. Времени у него было достаточно, денег ему хватало, и он начал читать. Перед ним раскрылся смысл всего происходящего в мире. Теперь он понял, почему так обращаются с солдатом или резервистом из крестьян, и узнал, что хуже всех относятся к словацкому мужику. И Павел решил изменить свой образ жизни. «Мы с Андреем тоже станем господами. Почему мы должны быть хуже других? Укрупним свое хозяйство, найдем работников, обзаведемся книгами и журналами и будем жить, как господа, чтобы с

нами не смели обращаться, как с простыми мужиками».

И Павел начал копить деньги на дорогой костюм. Это было нетрудно, так как его перевели на службу к офицеру. «В одежде знатного господина я должен научиться ходить и разговаривать, как господин», — решил Павел и стал перенимать манеры своего офицера, с которым был одинакового роста и телосложения. За короткий срок он научился точно так же, как тот, кланяться, садиться, курить сигару и разговаривать. Очень довольный собой, брат Андрея готовился к возвращению на родину. «Вот уж там я себя покажу, — думал он, — я не хочу, чтобы меня называли просто Павлом Муртиным».

Возвращение

Между тем Андрей, как и обещал, старался все сделать к возвращению брата. Осенью они пристроили к дому новую комнату, которую задумал Павел, привели все в порядок внутри дома и на подворье, проредили фруктовый сад, заго-

товили дрова, и Андрей купил еще несколько хороших коров. Каждый день они говорили о Павле, с радостью ожидая его возвращения.

Илонка подросла и стала Андрею хорошей помощницей. Она так окрепла и изменилась за три года, что никто бы ее теперь не узнал. Она во всем помогала Андрею. Работая вместе, они привыкли друг к другу, и работа у них спорилась. Часто Андрей рассказывал Илонке о Павле, а она постоянно придумывала что-то новое, чтобы развеселить брата.

— Когда мы с тобой пойдем встречать Павла, — мечтал Андрей, — тетя приготовит для нас ужин, и мы устроим пир, какого еще не было в нашем доме.

Пришло последнее письмо от Павла, в котором он просил не встречать его на вокзале, так как он хочет идти пешком через горы. Андрей с Илонкой решили встретить его хотя бы неподалеку, у межевого камня. Андрей надел новый костюм, а Илонка — красивый праздничный наряд. В саду они нарвали для Павла вишен, чтобы он мог освежиться после долгой дороги.

Они шли навстречу Павлу вдоль ручья. Радостно было смотреть на эту пару. Андрей на-

поминал крепкую сосну в горах, а Илонка с сияющими от счастья синими глазами и почти детской улыбкой на нежном лице напоминала цветущий куст шиповника. Белые рукава блузки, розовая жилетка, передник и платочек — все это сочеталось, создавая прекрасный образ.

Андрей еще никогда не видел Илонку такой красивой, хотя все эти годы она постоянно была рядом с ним, росла под его защитой, как цветок на солнечной полянке. Он шагал рядом с ней и придерживал ветки кустов, чтобы они не хлестали ее. В эти минуты в нем проснулось странное чувство, которое, как он себе объяснил, наверное, вызвано предстоящей встречей с Павлом.

По берегу ручья они дошли до водопада. Там, среди папоротника и незабудок, можно было передохнуть. В горах было тихо, слышалось лишь жужжание жуков. Даже водопад не шумел, потому что вода со скалы стекала по мшистым кочкам.

Илонка, наслаждаясь тишиной, взглянула на Андрея и, встретившись с его задумчивым взглядом, спросила:

— Андрей, как ты думаешь, будет ли Павел ко мне так же хорошо относиться, как ты? Я не помешаю ему?

— Ты хочешь сказать, понравишься ли ты ему?

Молодой человек нежно взял руку Илонки и посмотрел в ее глаза. Затем он отвел взгляд, словно спрашивая у всего, что их окружало: «Как вы думаете, может ли она кому-то не понравиться?»

— Мама сказала, что, когда вернется Павел, вы справитесь и без нас, — тихо промолвила Илонка.

— А что мы без вас будем делать?! — воскликнул Андрей, сделав нетерпеливый жест руками. — Я удивляюсь, как тетя могла такое сказать! Кто о нас позаботится, если мы будем жить без вас?

— Но раньше вы без нас обходились...

— Ах, тогда все было совсем иначе. Сейчас я и представить себе не могу, чтобы тебя не было в нашем доме.

Радостное чувство охватило девушку, и она успокоилась. Заметив красивый цветок, она

подошла к краю обрыва и наклонилась, чтобы сорвать его, но пошатнулась и чуть не упала вниз.

— Илонка! — испуганно вскрикнул Андрей, успев крепко схватить ее в тот миг, когда земля уже уходила у нее из-под ног. Они отступили в сторону на небольшой выступ скалы, где вдвоем едва могли поместиться. Вокруг них шумела вода, а внизу, под ногами, распахнулась бездна.

Андрей ухватился за дерево, выросшее в расщелине скалы, крепко прижимая к себе Илонку, сердце которой стучало так громко, будто хотело вырваться из груди.

— Посмотри, ты же могла упасть.

— Вижу, я разбилась бы... Спасибо тебе, Андрейка! — дрожащим голосом прошептала она, вытирая слезы, капавшие из ее глаз.

— Не плачь, все хорошо, — успокаивал он ее. — Посмотрим, как нам отсюда выбраться. Давай по этому выступу перейдем на другую

сторону скалы, и я полезу наверх, тот край не такой обрывистый. Не бойся, вот так, а теперь дай мне обе руки.

Через несколько минут они уже стояли на твердой почве, но Илонка от страха еле держалась на ногах.

— Оставайся здесь. До межевого камня совсем недалеко, я пойду один. Ты жди нас здесь, только к краю больше не подходи, а то сорвешься!

Девушка, сидя на траве, глядела вслед Андрею, пока тот не скрылся из виду. Ей показалось странным, что он ни разу не обернулся. Работая с ним вместе, она знала, что если он уходил куда-то, то всегда несколько раз оглядывался назад. Илонка не догадывалась, что Андрей с трудом преодолевал желание оглянуться. Он знал, что если сделает это, то вернется. «И что тогда? — спрашивал себя Андрей. — Обнять ее, прижать к себе и смотреть в ее прекрасное лицо... Как я до сих пор не замечал, что она такая красивая?! И чтобы она ушла из моего дома? Нет, только не это! Я пережил разлуку с Павлом, но эту разлуку не перенесу... Но почему?» Горы не могли дать ответа, а сердце и не

требовало его, потому что оно было наполнено новым невыразимым чувством.

Андрей шел, погруженный в свои мысли. Издали он заметил какого-то приближавшегося господина, которым в другой раз, наверное, заинтересовался бы, но сейчас не обратил на него никакого внимания. Но господин, уже совсем близко подойдя к Андрею, вдруг остановился и, поставив свой саквояж на землю, протянул к нему руки:

— Андрей!

Андрей словно окаменел. Он узнал родной голос, но не мог поверить своим глазам: неужели этот молодой господин — его брат Павел? Да, это был он, потому что уже заключил брата в объятия.

— Андрей, Андрейка! Неужели ты не узнал меня?

Немного смутившись и словно извиняясь, Павел добавил:

— В городе не так одеваются, как у нас. Мне не нужно было появляться здесь в таком наряде. Но ты знаешь, что свою одежду я отослал домой. Думаю, что скоро ты привыкнешь к моему костюму.

— Верно, в этой одежде ты мне показался таким чужим, что я не узнал тебя, — признался, облегченно вздохнув, Андрей и оглядел брата со всех сторон.

— Разве я тебе не нравлюсь? Правда же, неплохо выгляжу? — пошутил тот.

— Хорошая на тебе одежда, да только господская. Новая рубашка, которую я для тебя приготовил, подойдет тебе больше.

Павел давно решил, что не будет носить крестьянскую одежду, но не хотел сразу говорить об этом, чтобы не омрачить радость первой встречи. Павел радовался, что они опять вместе, и не мог наглядеться на родного брата. Каким красивым парнем он стал! Андрей рассказал все домашние новости и сообщил, что Илонка тоже пошла его встречать, но по дороге отстала. Разговаривая, они вышли на опушку леса.

— Посмотри! — радостно воскликнул Андрей, указывая на спешащую им навстречу девушку. — Посмотри на нее!

Павел, взглянув в том направлении, куда указал брат, застыл от удивления. Он все еще представлял себе Илонку ребенком, забыв, что прошло три года.

— Не удивляюсь, что она тебе во всем помогала, ведь она так выросла, — заметил Павел.

Девушка, увидев братьев, растерялась. «Неужели это Павел с Андреем идут?» — подумала она и остановилась, смутившись.

— Илонка, ты не хочешь со мной поздороваться? — услышала она незнакомый голос. — Или я так изменился, что меня нельзя узнать?

— Теперь узнаю, — промолвила она наконец, запинаясь от смущения, и нерешительно пожала протянутую Павлом руку.

— Не обращай внимания на то, что Павел в господской одежде, — подбодрил ее Андрей. — Это потому, что военную форму нельзя было брать с собой, а свою одежду он еще раньше отослал домой.

— И почему вас так пугает мой черный пиджак? — засмеялся Павел. — Разве вы никогда не видели, как одеваются господа?

— Конечно, видели. Но в нем ты кажешься таким чужим и неприступным.

Чтобы их развеселить, Павел стал рассказывать, как добирался домой, вспоминал смешные случаи из солдатской и офицерской

жизни. Наслаждаясь вкусом вишен из сада, он расспрашивал Андрея и Илонку о знакомых. Разговаривая, они не заметили, как дошли до дома. И прежде чем тетя успела подать ужин, сбылась давняя мечта Андрея показать брату все, что он сделал за время его отсутствия. Павел все хвалил, хотя в низенькой комнате ему приходилось иногда пригибаться из-за своего высокого роста. Здесь он чувствовал себя орлом, запертым в клетке.

Когда все сидели за столом, тетя Звара сказала, что мимо их дома проходил мельник из долины и спрашивал, дома ли Павел.

— Какой, тетя, мельник: старик или Юрий?

— Старик.

— Он еще жив?

— Жив. Этот старый дракон в огне не горит и в воде не тонет.

— А остальные Леготские как поживают?

— Старуха умерла, мы писали тебе об этом. Жена Юрия теперь за хозяйку в доме, о чем она давно мечтала. Но жене Даниша у них, видно, несладко живется.

— Разве Даниш женился?

— Три года назад, недели через три после твоего отъезда. У них растет чудесный малыш,

ему всего два года, но он уже бегают и хорошо говорит.

— А кого Даниш взял в жены?

— Какую-то Терновскую.

— Помнишь, на ярмарке в М. мы купили у ее дяди корову?

— Да, вспомнил! С ними был еще какой-то парень нашего возраста.

— Это ее брат. Когда их родственники умерли, он перебрался сюда, купил дом Малковых и стал плотником, говорят, очень хорошим. Если бы я узнал об этом пораньше, то заказал бы у него двери и окна.

— А Даниш тоже плотничает?

— Конечно, они живут богато. С тех пор как Имрих дома, они работают вместе. Старик построил для Даниша мастерскую, а для Имриха кузницу. Когда я отдавал им в ремонт нашу повозку, они меня как липку ободрали. Ничего удивительного в этом нет: яблоко от яблони недалеко падает — это же сыновья Леготского.

— А давно Имрих вернулся?

— В начале весны.

— Жена Юрия жаловалась, — заметила тетя, убирая со стола посуду, — что старик по-

мыкает Имрихом и хочет его женить, чтобы привязать к дому.

Разговор продолжался до позднего вечера. Тетя с Илонкой первыми ушли спать, а Павел с Андреем беседовали до самого утра. После трехлетней разлуки они снова были вместе!

— Послушай, Павел, — заговорил Андрей, — я слышал, что у этого господина Терновского не такая вера, как у нас.

— Он что, католик или реформат¹?

— Ни то, ни другое...

— Так кто же он?

— Не знаю, люди по-разному о нем говорят, но все охотно предлагают ему работу, потому что он не обманывает и не ругается. Но какое нам дело? Мы тоже не бранимся. Ну ладно, давай спать.

«Вот послать бы Терновского на военную службу, — подумал Павел сквозь сон. — Посмотрел бы я, как он выжил бы без обмана и брани».

¹ Реформат — сторонник преобразований в церкви в духе протестантизма. — *Здесь и далее примечание редактора.*

У Леготских

В тот вечер, когда Павел Муртин вернулся домой, старый мельник Леготский осматривал поврежденную плотину, стоя на перекинутом через ручей мосту, соединявшем его дом с долиной. Хотя старик уже не работал на мельнице, а присматривал за хозяйством, ему было приятно заметить какую-нибудь неполадку и, придравшись к ней, побраниться. Без брани он не мог жить. Мельник был статным высоким мужчиной крепкого телосложения. Его румяное лицо говорило о здоровье, и только по седине в волосах и бороде можно было догадаться о его возрасте. Ему было за шестьдесят. Из двенадцати детей у него остались только три сына. Юрий был старшим, а Имрих и Даниш помладше.

У Юрия росли два сына и две дочери. Старший сын Юрия учился в гимназии. И дед очень хотел, чтобы внук стал адвокатом, потому что завидовал господам, живущим богато. Другой его внук учился портняжному делу. Одна внучка мельника уехала в город и устроилась там прислугой. А другая, что помладше, жила с матерью и отцом. В ее обязанности входило пасти гусей, но она предпочитала сидеть на берегу ручья и болтать загорелыми ногами в чистой прохладной воде.

— Ты что там делаешь, лягушонок? Иди лучше присмотри за гусями! — крикнул дед внучке, сдвинув густые седые брови.

Девочка нехотя встала и, громко зевнув, направилась к гусям. Мельник, отвернувшись от нее, смотрел теперь на покосившуюся гонтовую¹ крышу старой мельницы, которая от старости накренилась к новой крыше красивого дома. С моста мельнику открывался вид на все его имение.

«Да, — думал он с гордостью, — все это я нажил своим горбом. Вначале у нас с женой

¹ Гонт — кровельный материал в виде специальных дощечек.

была одна старая хибара. А теперь — новый дом, хлев, где полно скотины. Все здесь — луга, сады, поля — все мое. Сыновей я воспитал как следует, каждого обучил ремеслу, которое прокормит, да и сам я порядочный человек». Подумав об этом, он сдвинул брови так, как будто угрожал всем, кто может усомниться в его порядочности.

Вдруг со двора донеслись громкие крики. Резкий женский голос обрушивал на весь белый свет поток самой грязной и ядовитой брани.

— Что она опять орет? — пробурчал мельник и поспешил во двор. — Что у вас тут? Что случилось?

Держа в одной руке мертвого утенка, а другой рукой угрожающе размахивая, посреди двора стояла хозяйка, на вид уже немолодая женщина. Ее серые, колючие от злости глаза сыпали искры ненависти.

— Что ты, Катерина, так ругаешься?

— Как же не ругаться?! Третий утенок издох, и виновата во всем девчонка! Она накормила их чем-то горячим, чтобы мне досадить.

И снова ругательства полились потоком.

— Да не кричи ты! — мельник так рявкнул, что цепной пес, до этого мирно спавший, вздрогнул от испуга. Из хлева прямо на птичий двор выскочил теленок. Куры, обезумевшие от страха, с громким кудахтаньем разлетелись во все стороны, а петухи, спасаясь, взмыли на навозную кучу.

Мельник Леготский еще был способен показать, кто в доме хозяин. Ему одному было по силам утихомирить сноху. Когда он начинал браниться, все вокруг умолкали.

Но сейчас он не стал ругаться. Размашистыми шагами мельник направился к боковой двери дома и вошел в небольшую чистую кухню, где у плиты стояла молодая женщина. Ее руки были сложены, как для молитвы. По ее глазам было видно, что она недавно плакала. Прелестный мальчик в белой рубашонке прятал свою кудрявую головку в складках ее юбки. Когда дверь за стариком с треском закрылась, молодая женщина вздрогнула. Ребенок от испуга выпустил из рук юбку и упал бы, если бы мать его не подхватила.

— Что это ты опять натворила? Чем разозлила Катерину?

— Ничем, отец. Меня и дома-то не было, — спокойно ответила молодая женщина. — Вы сами знаете, что, как только мы вернулись с луга, я сразу пошла готовить ужин.

— Ну не зря же она жалуется. Наверное, ты ей мстишь за то, что твои утята не удались, поэтому и ее птенцов погубить хочешь.

— Зачем мне брать такой грех на душу? Прошу вас, отец, поверьте мне, я никому зла не желаю. Я не виновата в том, что Катерина меня ненавидит и всегда на меня наговаривает.

Крупные слезинки скатились по ее щекам и упали на головку ребенка.

— Я не собираюсь выслушивать твои жалобы и плач. Знаю, ты хочешь нам досадить, — угрюмо продолжал мельник. — С тех пор как вернулся твой брат, который продал свою веру и душу, ты стала другой. Ты нам уже так опротивела, что и смотреть на тебя не желаем. Удивляюсь, как мой Даниш терпит, что ты постоянно бегаешь в хижину брата и просиживаешь там до полуночи.

— Отец, Даниш знает, что ничего плохого мы там не делаем. Мы читаем Слово Божье, поем в Его славу и молимся за вас.

— А что вам за меня молиться? Я сам за себя молюсь, этого довольно. Если бы моя жена все время куда-нибудь уходила, я бы ей показал, кто в доме хозяин. И Данишу скажу, чтобы он навел порядок у себя в семье.

Молодая женщина вздрогнула. Прижав ребенка к себе, она взмолилась:

— Отец, не настраивайте Даниша против меня, умоляю! Я все буду делать, все обиды стерплю, только не запрещайте мне ходить к Яну. Я не могу вам объяснить, да вы и не станете меня слушать, но поверьте, когда я туда прихожу, мне кажется, что я уже в раю, о котором знаю от брата. Какая радость у меня на сердце! Хотя Даниш говорит, что я могла бы читать и молиться дома, но у нас с раннего утра до поздней ночи нет покоя, поэтому нет и благословения. А мне так хочется, чтобы Господь Иисус Христос простил мне грехи, чтобы Он принял меня и даровал мне мир и радость, как Яну.

— Замолчи! Что ты все о своих грехах говоришь?! Что они не дают тебе покоя? Ты что, хотела бы, чтобы мы ничего не делали, а только сидели бы над Библией? Сколько ни мо-

лись, из пустой чашки не напьешься. Если тебе тяжело работать, надо было выходить замуж за попа, — сердито проговорил мельник, направляясь к двери.

— Вы хорошо знаете, отец, что я никогда не боялась никакой работы, — защищалась сноха. — Целый день я служу вам верой и правдой, но вечер оставьте мне для спасения души. От этого вам убытка не будет.

— Спорить с тобой не хочу, одно только скажу: если Даниш привыкнет каждый день бегать в пивную пропивать твои и мои деньги, потому что ты от него уходишь, то, если не он, так я сам выброшу тебя из дома. Выбирай!

Разгневанный мельник ушел. Вскоре он уже был в кузнице у младшего сына. Имрих прилаживал обод к колесу повозки, только что сделанному Данишем. Мельник залюбовался своими бравыми сыновьями и тем, как они слаженно работали, и даже забыл о снохе. Когда сыновья заметили отца, Имрих, шутя и громко смеясь, начал браниться, не уступая в выборе слов старику-мельнику. Отец уже хотел одернуть шутника, как вдруг открылась

дверь и на пороге показался Юрий Леготский. Он привез на мельницу зерно и пришел просить братьев, чтобы они помогли разгрузить телеги. Трое сыновей вместе с отцом принялись за дело и быстро с ним справились. Вскоре мельница работала в полную силу.

Между тем молодая сноха приготовила ужин и накрыла на стол. Она с ребенком и мужем питались отдельно, а старик — вместе с Имрихом и семьей Юрия. Так захотел сам мельник еще в прошлом году, чтобы было меньше ссор, особенно между Катериной и Данишем. Юдка была благодарна за это свекру, так как за общим столом всегда чувствовала себя скованно.

Сейчас она, накормив ребенка, укладывала малыша в кроватку, которую Даниш сделал своими руками для их первенца. Едва она уложила малыша, как в комнату вошел Даниш. Он склонился над засыпающим сыном, поцеловал его, а затем сел за стол. Все, что было приготовлено женой, он съел с большим аппетитом. За ужином они дружелюбно разговаривали, и было видно, что они любят друг друга, что общими у них были не только пахотные уголья.

— После ужина я схожу к Яну, договорюсь, чтобы он сделал верх для коляски судьи, — сказал Даниш.

— Подожди, я тоже пойду с тобой, — попросила жена.

— Только не замешкайся. А как же ребенок?

— Ты же знаешь, что он до утра будет спокойно спать.

— Хорошо. Подброшу коровам травы и пойдем.

Юдка быстро управилась с делами, и они с мужем пошли через луг к дому Яна. С огорода им вслед глядела невестка. «Как они идут, словно жених и невеста, а не муж с женой, — нашептывал ей голос зависти. — Наверное, она его уговорила идти к Яну. Тоже мне, матерью называется — запирает ребенка и убегает

на всю ночь! Куда только Даниш смотрел, когда выбирал себе жену? Я в молодости была красивее Юдки. Юрий любил меня до безумия, но никогда от любви не терял голову. Поживем, увидим, что у них будет дальше. Я постараюсь хоть теперь открыть глаза Данишу на все, что творится у него в семье».

Недалеко от хижины Яна навстречу супругам выбежал огромный пес, который от радости чуть не сбил Юдку с ног.

— Ладно, Дунчо, перестань, — успокоила она пса, глядя его по лохматой голове.

— Смотри-ка, какой у тебя друг! — засмеялся Даниш.

— Он меня помнит еще с того времени, когда мы жили у родителей и ходили с ним пасти овец.

— Да, теперь уже песик на пенсии. Ну что, старина, хозяин-то дома?

Будто поняв вопрос, пес поднял хвост трубой и побежал к небольшой, но красивой хижине. Дверь сразу же открылась, и на пороге показался обаятельный молодой человек. Он не обладал такой красотой, как его сестра, но в нем было что-то необычайно привлекательное. Как сказали бы образованные люди, в его

лице и во всем внешнем облике проглядывала прекрасная душа.

— Сядем здесь, под орешником, — поздоровавшись с Яном, предложил Даниш.

— Вы побудьте здесь, а я немного приберусь в доме. Плохо все же без хозяйки, — голосом, не терпящим возражения, сказала молодая женщина.

— О, спасибо, Юдка. Тогда уж и корову подои, — попросил Ян.

— Не понимаю, как ты можешь жить один, Ян? — удивлялся молодой каретник. — Я бы не смог.

— Я ведь не один, Даниш. Когда-нибудь ты узнаешь, что можно жить одному, но не в одиночестве: *«Не бойся, ибо Я с тобою»*¹, — спокойно ответил он.

— Ты в самом деле думаешь, что Бог здесь живет? — спросил Даниш, ухмыляясь.

— У меня нет права сомневаться в Его словах и обетовании.

— Но уверен ли ты, что они имеют к тебе отношение?

¹ Быт. 26:24.

— Вся Библия имеет к нам отношение, значит, все обетования Божьи для меня неоспоримы, и я в них верю.

— Хорошо, если ты так уверен в этом. Но знаешь, мне бы не хотелось считать истиной то, что написано в Библии. Священники говорят, что Бог всегда с нами, а иногда человек говорит и делает нехорошее. Если бы я верил, что Бог меня постоянно слышит и видит, мне бы это не понравилось.

— А зачем вы тогда говорите при встрече друг другу: «Бог в помощь»? Если с вами нет Бога, то как Он может помочь?

— Это просто такой обычай, и никто не обращает внимания на эти слова, — смущенно ответил Даниш.

Они немного помолчали.

— Почему вы призываете Господа, если ничего про себя при этом не думаете и даже не верите, что Он есть?

— Чуть не забыл, зачем пришел, — постарался сменить тему разговора Даниш. — Ты закончил делать сундук? Мне он будет нужен к субботе.

— Да, он почти готов. Имрих может забрать его завтра вечером.

— Ну и искусный же ты мастер, Ян! На тебя можно положиться, ты всегда держишь слово, — от всего сердца похвалил плотника Даниш.

— Если я что-то пообещаю и не исполню, значит, солгу, а это грех.

— Грех? Для тебя все грех! Пойти с молодежью послушать музыку, выпить рюмочку — все грех! Тебя ругают, над тобой смеются, а ты молчишь. Что ты за человек?! Живешь как отшельник. Может, по-твоему, и жениться грех?

— Этого я не говорил.

— Так почему не женишься?

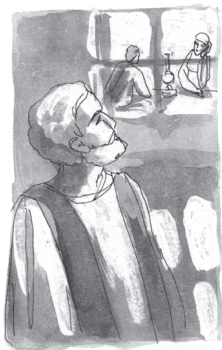
— Не вижу в этом необходимости.

Даниш покраснел.

— Или ты думаешь, что не найдется девушки, которая согласится жить с тобой в такой хижине? В горах у Муртиных есть не девушка, а просто цветок. Правда, она бедная, но ведь богатство для тебя тоже грех, оно тебя не интересует. Хочешь, я с ней поговорю?

— А ты уверен, что Бог предназначил ее для меня?

— Не знаю, но если она рождена для тебя, то никуда не денется, — настаивал Даниш.

— Ну, тогда нечего беспокоиться, — засмеялся Ян, — чему быть, того не миновать!

Разговор прервался, когда пришла Юдка.

— Нам пора домой, — заторопился Даниш, — а вы даже не успели поговорить. Я пойду один, а ты, Ян, проводишь Юдку попозже.

— Оставайся с нами, — просили брат с сестрой, но Даниш ушел.

«Я знаю, что у них на уме, они хотят читать и молиться, а я этого не хочу», — размышлял Даниш, выходя за калитку. Он оглянулся и увидел, как Ян зажег в доме лампу и сел с сестрой за стол.

Коротко помолившись, Ян открыл Священную книгу и начал читать. Юдка, склонив голову, внимательно его слушала. Данишу она показалась похожей на жаждущего, который припал губами к источнику.

«И что он там читает такое интересное, что она так внимательно его слушает?» — подумал

Даниш. Ему казалось, что кто-то подсказывает ему: «Иди! Иди!» Его внутренний голос тоже звал: «Приди!» С трудом заставив его замолчать, он пробормотал: «Если Юдке это доставляет радость, пожалуйста, а мне и моей веры хватает. Жить, как Ян, я не могу и не хочу». Он быстро шагал к дому, но ему еще долго казалось, что там, в горах, в его сердце что-то проснулось.

Через открытое окно в тишине летней ночи звучал мягкий голос, возвещавший слова вечной истины: *«Жаждущие! Идите все к водам; даже и вы, у которых нет серебра, идите, покупайте и ешьте; идите, покупайте без серебра и без платы вино и молоко. Для чего вам отвешивать серебро за то, что не хлеб и торговое свое за то, что не насыщает? Послушайте Меня внимательно, и вкушайте благо, и душа ваша насладится туклом. Приклоните ухо ваше, и придите ко Мне; послушайте, и жива будет душа ваша»*¹.

¹ Ис. 55:1 – 3.

Дочитав главу до конца, брат внимательно посмотрел на слушающую сестру:

— Приди и ты, Юдка, это приглашение касается и тебя. Иисус Христос зовет тебя, чтобы ты пришла к Нему. Он, Которого Сам Бог сделал для нас Свидетелем и Повелителем, протягивает к тебе руки и зовет: «Приди!»

— Мне бы так хотелось прийти к Нему. Поверь, Ян, с тех пор как я слышу истину Божью, у меня такая тоска на сердце. Я хотела бы убежать к Нему, но мои грехи не пускают. Разве Он примет меня такой, какая я есть?

Слезы ручьем потекли по ее бледным щекам.

— Ах, Юдка, Иисус Христос Сам сказал, что Он пришел, чтобы звать к покаянию грешников, а не праведных. Вот как написано о покаянии: *«Да оставит нечестивый путь свой и беззаконник — помыслы свои, и да обратится к Господу, и Он помилует его, и к Богу нашему, ибо Он многомилостив»*¹.

— Так в самом деле написано?

— Да, сейчас я прочитаю тебе еще один стих, а ты послушай, что написано о Божьих

¹ Ис. 55:7.

мыслях, которые намного выше наших. Особенно прислушайся к той, что слово из уст Бога не возвращается к Нему напрасно. Если сердце человека примет слово как семя Божье, то оно сделает сердце способным принять Иисуса Христа.

Юдка поняла брата и пошла на зов Иисуса: *«Итак, вы выйдете с веселием и будете провожаемы с миром»*¹. Она открыла Христу свое греховное сердце, доверившись Ему полностью, и получила из Его рук обещанное — милость и прощение, вечную жизнь и Духа Святого. Сердце Юдки наполнилось радостью и любовью.

В Топловой долине

В то самое время, когда Даниш с женой отправились к Яну Терновскому, во двор своего дома вышел Имрих Леготский. Его трудно было узнать, после того как он смыл с себя копоть и сажу и надел чистую одежду. Только теперь стало видно,

¹ Ис. 55:12.

какой он красавец! У ворот Имрих неожиданно столкнулся с отцом.

— Куда направился? — проворчал старик.

— Какое вам дело? Вы ведь тоже идете, и никто вас не спрашивает, куда, — нахмурившись, ответил сын.

— Смотри, чтобы домой пришел на своих ногах да с целой головой.

Имрих захлопнул калитку с такой силой, что та чуть не соскочила с петель. Насвистывая себе под нос, он быстрыми шагами направился к городку. Вскоре он вышел на тропинку, что вела от дома Муртиных вниз, а потом свернул с нее в Топлову долину. Никто не знал, почему это место так называлось, тополей здесь никто отродясь не видел. Но на все есть свои причины, наверное, когда-то в здешних местах росло много этих деревьев. Подворья в долине строились просторные, и в них жили богатые, почтенные крестьяне. Среди них были несколько человек, сведущие в Священном Писании, и с ними самому пастору было нелегко вести споры. Да, топовцы любили спорить и, собираясь в пивной, нередко пустословили о Боге.

Старый мельник знал, что у сына в городе есть подруга, и отцу хотелось, чтобы Имрих нашел себе богатую невесту. Но та, за которой ухаживал Имрих, не была богатой. Отец этой девушки когда-то был зажиточным крестьянином. После его смерти жена с дочерью снимали квартиру и зарабатывали на жизнь рукоделием и шитьем.

Сузанка Грубик была красивой и стройной девушкой, всегда веселой и разговорчивой, как когда-то ее отец. Молодежь любила у нее собираться. Имриху Леготскому однажды досталось от парней за то, что он захотел стать единственным претендентом на сердце Сузанки. Но Имрих всех победил и стал первым. Мать девушки, старая больная Грубик, давно уже потеряла власть над дочерью. Эта женщина прожила тяжелую жизнь. Все ее дети, кроме Сузанки, умерли, а богатство сменилось бедностью. Мать часто плакала, вспоминая свое прошлое. Последней ее надеждой было выгодно выдать дочь замуж, поэтому для Сузанки она ничего не жалела. У девушки была самая красивая одежда в Топловой долине, а работая иглой, дочь сохранила изящество рук и нежность лица.

В гостях у Сузанки Грубик молодежь веселилась от души. Когда Имрих издали увидел знакомый домик, сердце его вспыхнуло, как угли в горне его кузницы. Имрих обрадовался, что пришел сегодня раньше других. В доме горел свет, и через распахнутое окно было видно, что в комнате находилась только мать Сузанки с молитвенником в руках. Сузанка же сидела на скамье под яблоней, свесившей свои длинные ветви до самой земли. Имрих неслышно подкрался к девушке.

— Добрый вечер!

Сузанка от испуга вскочила.

— Имрих, это ты?!

— А ты еще кого-то ждешь? — спросил он мрачно.

— Как знать, кто из вас придет первым, — засмеялась она.

— И тебе все равно, кто будет первым? — допытывался парень, не то сердясь, не то робея.

Он подсел к ней. Как он ждал момента, когда останется с Сузанкой наедине! Она хорошо поняла его вопрос, но не подала виду.

— Вижу, у тебя сегодня плохое настроение, — засмеялась девушка. — В таком случае лучше сиди дома и не показывайся мне на глаза. Наверное, у вас дома опять был скандал. Говорят, что они у вас частенько бывают, что вы постоянно бьете посуду и кидаетесь стульями.

— Кто тебе такое сказал? — испуганно переспросил Имрих. — Это правда, что мой отец — ворчун, а жена Юрия — настоящий дракон, но мне до них нет никакого дела. Я кузнец и хотел бы посмотреть на того, кому захочется покомандовать мною.

— Ты становишься красивее, когда сердисься, — подсмеивалась над парнем Сузанка. — Но я не променяла бы свой скромный домик на ваш богатый. Ты знаешь, что мы его уже купили?

— Что ты говоришь?! Когда вы успели?

— Вчера мать была в городе и купила дом на мое имя. Те гроши, которые мне оставил отец, все еще находятся у моего опекуна, поэтому пришлось отдать деньги, заработанные шитьем.

— Но зачем тебе, Сузанка, этот дом? Ведь ты... — он вдруг замолчал.

— Что я? — Девушка глядела на свои белые руки, перебирая кольца, украшавшие ее пальцы. — Что не договариваешь?

— Ты же знаешь, о чем я хочу сказать, зачем притворяешься?

— Откуда мне знать. Ты ведь не знаешь, что у меня на уме. Вот я купила себе этот дом и буду жить в нем одна, как Ян Терновский. Никто ко мне не придет, и сама я на танцы не пойду. Натанцевалась. И тогда не только у парней будет свой святой, но и у девчат тоже. Только представь, как хорошо будет: у вас в Запотоцкой долине — святой Иоанн, а у нас в Топловой долине — святая Сузанка.

Она так заразительно засмеялась, что никто не смог бы сохранить серьезность рядом с ней.

— Ну что ж, твоя воля! — поддержал ее шутку Имрих. — Если к Яну ходит наша Юдка, то к тебе буду ходить я!

Он зашептал что-то Сузанке на ухо и хотел было ее обнять, как вдруг послышались громкие голоса и топот тех, кто пришел на вечеринку. Девушка выскользнула из рук Имриха и убежала в дом.

В комнате сразу стало тесно. Имрих вошел последним, все еще находясь под впечатлением своего последнего разговора с Сузанкой. Он говорил себе, что надо действовать решительно, и тогда Сузанка будет принадлежать одному ему, и никто, кроме него, не посмеет сюда приходить.

В доме Грубик до поздней ночи слышались пение, шутки и смех. Молодежь высмеивала Яна Терновского.

— Давайте, — предложил Юрий Суров, — сыграем с ним шутку, которая выведет его из себя. Ведь он учит, что человек не должен сердиться и мстить.

— Побьем ему стекла! — предложил кто-то.

— Нет, снимем у него дверь с петель и утащим ее к реке!

— Выгоним его корову в огород, пусть она там попасется!

— Ребята, — вмешалась вдруг тетушка Грубик, — какая вам польза от этого баловства? Оставьте Терновского в покое. Что он вам сделал плохого?

— Мы только хотим, тетушка, посмотреть: разозлится он или нет, будет ли дознаваться, кто это сделал.

— Знаете что, — заговорил вдруг Имрих, — давайте сегодня ночью не будем ничего затевать, потому что нас учует его пес. Он почти каждый день прибегает к нашей Юдке. Когда в следующий раз эта псина появится у нас, я запиру ее в сарае, и тогда мы сможем повеселиться.

— Может, поставим ему майское деревце? — засмеялась Сузанка. — Я дам вам ленты для украшения.

— Ленты? Мы ему поставим майское деревце с рванными штанами и сверху наденем веночек из соломы. Не беспокойтесь, тетушка, мы не тронем его добра, а только позлим. Стекла он снова вставит, дверь принесет обратно, а после позора не отмоется!

— Завтра так и сделаем! — закричали на все голоса молодые люди.

Сыграть злую шутку для ребят было большим удовольствием: Имрих считался хорошим главарем. Смех и шутки не смолкали до полуночи.

Задумчиво опустив голову, Сузанка стояла под яблоней. «Зачем я их надоумила сделать это? Что мне сделал этот молодой плотник? Мать права: он никого не трогает. Ведь я даже с ним не знакома, только слышала о нем. Завтра, когда пойду относить шитье Миковым, зайду к Яну Терновскому и закажу ему сундук. Если он такой, как о нем говорят, то не выдаст, что я до обручения заказала. Деньги у меня остались, как раз пригодятся. Неизвестно еще, выйду ли я за Имриха — ведь у них такая семья. Старик — настоящий скряга, еще станет после свадьбы упрекать, что я пришла к ним ни с чем, и станет требовать гнуть на них спину. Этого они от меня никогда не дождутся. Имрих нравится мне, но у него в отцовском доме кузница, вряд ли он сможет сюда перебраться. Ну что ж, можно пожить и у них. Но если дело будет плохо, то я не дам себя оби-

жать, как они обижают жену Даниша, а перетяну Имриха в мой дом. В субботу, когда он придет, поговорю с ним об этом».

П о с е щ е н и е

Н а другой день утром Ян Терновский заканчивал оконную раму. Рядом с ним на стружках уютно устроился Дунчо. Вдруг на улице рядом с мастерской мелькнула чья-то тень, и Ян поднял голову. Дунчо заворчал, но, подумав о чем-то, лишь поудобнее улегся на своем ложе.

Вдруг на пороге в лучах солнечного света появилась девушка, сводившая с ума многих парней. Сузанка сначала пристально осмотрела мастерскую, а затем вышедшего навстречу ей молодого человека.

— Добрый день! — поприветствовала она Яна.

— Даё Боже! — смущенно ответил он.

Справившись со смущением, Ян приветливо спросил гостью, чем может быть полезен.

— Я хотела бы заказать сундук для одежды, — ответила Сузанка, слегка покраснев.

Он пригласил ее войти и провел через мастерскую в комнату, довольно чистую и красиво обставленную. Девушка и здесь успела все рассмотреть: через распахнутые окна вместе с солнечным светом в комнату попадал свежий горный воздух. Здесь было тихо, как в церкви.

— Присядь, пожалуйста, и скажи: какой ты хочешь заказать сундук — с ящиками или простой? — поинтересовался Ян.

— Лучше с выдвижными ящиками, в них одежда не так мнется. А сколько он будет стоить?

— Это зависит от того, какой сундук ты будешь заказывать. Есть за шесть, есть и за шестнадцать гульденов. Последний я сделал для Суровых, можешь у них посмотреть, а потом передашь с кем-нибудь, какой бы ты хотела для себя.

— Мне не с кем передать, да и спешить мне незачем. Приду сама на следующей неделе, тогда и договоримся о цене. А сегодня я просто шла мимо и решила заглянуть, — как бы оправдываясь, ответила Сузанка.

— Теперь скажи мне, как тебя зовут и для кого я должен буду делать сундук? — спросил Ян, улыбаясь.

— Сразу видно, что ты не ходишь на вечеринки, если не знаешь меня. Я — Сузанка Грубик, — представилась девушка шуточно.

— Значит, ты часто ходишь на вечеринки? — переспросил он, откинувшись на спинку стула и скрестив на груди руки.

— Конечно, я всегда там в центре внимания. Почему ты так смотришь на меня?

— Потому что мне жаль тебя.

У Сузанки от удивления глаза стали почти круглыми.

— Жаль? Почему же? Что я в танце отвожу душу? Если бы ты знал, как это здорово! Или ты знаешь? Ты хоть когда-нибудь танцевал?

— Нет. В четырнадцать лет я отправился учиться в Вену, а в семнадцать меня нашел Господь, и я сразу последовал за Ним.

— Уже в семнадцать лет ты принял веру? Конечно, я многого еще не прочитала, — призналась Сузанка, — но зато я хожу в церковь.

— Если бы ты любила Слово Божье так же сильно, как танцы, то читала бы каждый день. Я слышал от людей, что ты хорошо шьешь. Тебе при твоей работе было бы легче выкроить полчаса на чтение, чем мне при моем ремесле.

— Скажи, какая польза тебе от этого чтения? Ведь пастором ты никогда не будешь, так зачем оно тебе? — допытывалась Сузанка, усмехаясь.

— А зачем тебе каждый день обед и ужин? — переспросил Ян, также улыбаясь.

— Это же совсем другое дело! — оторопев, поспешила она ответить. — Человеку нужно питаться, чтобы жить.

— Так вот, Слово Божье — это хлеб и вода для души. Без этого нельзя жить, душе тоже каждый день нужна пища.

— А мне она не нужна, я и так счастлива и живу хорошо!

— Прости, но я не хотел бы оказаться на твоём месте.

— Почему же? Чего мне не хватает? Я молодая, здоровая, у меня есть дом, деньги. Люди меня любят, и если бы я хотела, то могла бы из десяти лучших ребят выбрать себе мужа. Ответь мне, почему ты жалеешь меня?

Сузанка в своей юной соблазнительной красоте стояла перед Яном. Она описывала земное счастье с блеском в глазах, раскрывая все преимущества своего положения.

Он видел, что она говорит правду. Невольно он засмотрелся на нее: «Действительно, чего ей еще не хватает?»

— Я тебе верю, — проговорил Ян после недолгого молчания. — Верю, что у тебя есть все земное, но все это пройдет, как сон. Твое здоровье может быть разрушено болезнью, с годами пройдет молодость, завянет данная тебе Самим Богом красота, благодаря которой ты можешь себе выбрать одного парня из десяти. Но ты можешь выбрать и худшего, который разрушит твои надежды на счастье. И даже если ты до самой смерти проживешь в хорошем доме, тебе все же придется когда-нибудь его оставить. Да, после смерти все земные блага ни к чему. Поэтому я не хотел бы с тобой поменяться.

Пока Ян говорил, Сузанка на него не смотрела, но тут, вскинув голову, дрожащим голосом спросила:

— Почему ты так возносишься надо мной?

— Я не возношусь над тобой, — возразил Ян, — ведь то, что я имею, ты тоже можешь получить, если только пожелаешь.

— Ты имеешь в виду свою новую веру? — Она отрицательно покачала головой. — Нет, мне хорошо и с моей старой верой.

— Не о вере я говорю, а об Иисусе Христе.

— Этого я не понимаю, — созналась Сузанка. — Но я, наверное, отвлекла тебя от работы, не буду больше мешать. Только мне хотелось бы узнать, чем же ты сам можешь похвалиться, если тебе кажется мало всего того, что я назвала.

— Работы у меня, конечно, хватает, но я все успею сделать. А сейчас, если хочешь, с радостью расскажу тебе о моем великом счастье и моих сокровищах. Присядь! — еще более приветливо пригласил ее Ян.

— Спасибо, я лучше постою.

— Так вот, я тоже молод и, слава Богу, здоров. От родителей я унаследовал столько, что смог купить эту хижину и выучиться хороше-

му ремеслу, которое мне с Божьим благословением служит. Все это я считаю Божьим даром, за который каждый день благодарю Господа. Но по сравнению с тем, что я получил от Бога, все, что дали мне родители, ничего не стоит. Бог нас — тебя и меня — так возлюбил, что отдал нам Своего Сына — Иисуса Христа. И вот я принял этого Сына, и Он живет теперь в моем сердце и в моей хижине. Он всегда со мной, даруя мне прощение грехов, умиротворение и радость. Он дал мне вечную жизнь, и даже если бы здесь, на земле, я все потерял, я бы не обеднел, потому что мне остается вечное, непреходящее.

В комнате стало тихо. Девушка, до сих пор пристально глядевшая в окно, вдруг повернулась к Яну.

— А ты уверен, что Иисус живет у тебя?

— Я чувствую Его близость и знаю, что Он меня слышит, когда я обращаюсь к Нему в молитве. Я знаю, что Он наблюдает за всем, что я делаю. Если порой я забуду с Ним посоветоваться, прежде чем приступить к работе, то у меня исчезает уверенность, что я ее успешно завершу.

— А если ты делаешь что-то нехорошее, Он это видит?

— Зачем мне делать недоброе, когда Бог оберегает меня? Но если я все-таки был непослушен и оступился, но сожалею об этом и прошу прощения, то Он мне снова прощает и очищает мое сердце от всего злого.

— Ну, мне пора идти, — заторопилась девушка. — Сундук, значит, ты мне сделаешь. Я скажу тебе, какой мне понравится. Спасибо, что уделил мне так много времени.

— Наоборот, я благодарю тебя за посещение.

Ян проводил девушку на улицу, там она ему еще раз подала руку и скоро скрылась в дубовой роще. Он посмотрел ей вслед так, как будто она была из его сновидения, и вернулся в мастерскую. А Сузанка в это время спешила уйти подальше от хижины, где, как ей показалось, было больше святости, чем в церкви, и где она слышала такие непонятные для нее слова.

«Этот человек верит, что Иисус живет рядом с ним, наверное, так и есть. Если бы Бог захотел жить у меня, в моем доме все стало бы

по-другому», — размышляла Сузанка. Вчера в шутку она сказала Имриху, что если у парней есть святой Иоанн, то у девчат могла бы быть святая Сузанка, и теперь ей захотелось, чтобы эти слова исполнились и она стала бы такой, как Ян Терновский. Но тогда ей нельзя будет ходить на танцы и веселиться с молодежью, над ней будут насмехаться, как над Яном. Она попыталась думать о чем-то другом, но, как ни старалась, не могла забыть слова, услышанные в хижине Яна.

Чужой

Ео дня возвращения Павла Муртина из армии прошло три недели, и во всей округе уже знали, что Павел вернулся «господином». Одни подсмеивались над ним, другие завидовали, а третьи распространяли о нем сплетни, в которые трудно было поверить.

В доме привыкли к новым манерам Павла и к его городской одежде, хотя он надевал ее лишь по воскресеньям или когда отправлялся в город. Казалось, Павел совсем освоился в

доме. Он даже осуществил несколько нововведений, увиденных им в других краях: убрал со двора навоз, засыпал выгребную яму. Из плодородной земли, привезенной из леса, сделал для Илонки небольшой палисадник, где вместе с ней посадил рассаду, которую нашел в городе.

Тетушка Звара хвасталась своей кухне, что Павел очень добр к ним и что ни она, ни Андрей не противятся городским новшествам.

На заработанные им гульденy Павел купил в городе мебель, какой здесь, в горах, еще ни у кого не было. В новой пристройке у них теперь все выглядело, как у богатых. Немногие теперь осмеливались обращаться к Павлу по имени. Некоторые говорили ему «вы», другие вообще в разговоре с ним избегали обращений. Раньше над братьями подсмеивались, называя их «Муртиновыми сыночками», потому что Павел и Андрей сторонились сверстников. А теперь ребята не хотели, чтобы Муртины приходили к ним, так как не знали, как держать себя в их присутствии. При встрече с Андреем все старались заговорить с ним, а с Павлом лишь раскланивались издалека. Вот уже

три недели, как он вернулся в родное село, но для всех он оставался чужим, как будто раньше здесь не жил.

Теперь ему было еще труднее, чем на службе. В армии он был одинок, но хотя бы радовался, что его ждут дома. А оказавшись дома, Павел чувствовал себя чужим, но старался не подавать вида. Ему было больно оттого, что Андрей уже не так хорошо, как прежде, понимал его, особенно когда Павел рассказывал о несправедливом устройстве общества.

— Почему я должен быть недоволен тем положением, в котором нахожусь с рождения? — возражал брату Андрей. — Чего мне не хватает? Хлеба, как и всего остального, у меня, слава Богу, вдоволь. Я здоров, молод и никому не завидую.

— Я ведь тоже никому не завидую, — как будто защищался Павел, — я только хочу, чтобы господа не издевались над крестьянами, чтобы у всех людей были равные права.

— Если все будут равны, то нарушится порядок, — возражал Андрей. — Если я — господин и ты — господин, то кто будет пасти свиней? Кто-то ведь должен выполнять господ-

скую работу. Не хотел бы я, как они, целыми днями сидеть в канцеляриях. А те из них, которые не работают и, как ты говоришь, питаются нашим потом, они — как быки или свиньи на откорме. Ни за что на свете я не хотел бы уподобиться им. Если бы все были крестьянами, не хватило бы на всех земли. Если бы все стали господами, некому было бы обрабатывать землю. Я считаю, что все очень хорошо распределено, и нам нужно быть довольными.

В этом-то и была причина: Андрей был доволен и счастлив, а у Павла не было покоя в сердце, он чувствовал себя несчастным. Он соглашался с Андреем, но вновь и вновь возвращался к мыслям об армии, о царившей там несправедливости, когда один человек попирает права другого, и приходил к выводу, что в мире нужно что-то изменить. Может быть, ему нужен был человек, который бы его понял и объяснил, как сделать, чтобы все стало иначе. Но Павел не знал такого человека. В городе он встречался с некоторыми богатыми людьми, беседовал с учителями, пастором, но все они видели в нем человека, который отказался от своего сословия и пытался пробиться туда,

где ему нет места. Никто не хотел говорить с ним откровенно. Однако одно хорошее дело они для него сделали: предложили место лесничего. Он, дескать, бывший солдат, умеет обращаться с оружием и живет у подножия горы. Павел согласился. Вернувшись домой, он сказал:

— Вы три года обходились без меня и теперь справитесь. Мне нужен хороший заработок, и я с удовольствием поработаю в лесу.

Андрей был рад за Павла и одобрял его решение. Так Павел стал лесничим, купил себе специальный костюм, ружье. Андрею жалко было расставаться с нарядной одеждой, которую приготовил для Павла, но, видя радость брата, он согласился ее продать.

— Какая от нее польза, если он не хочет носить такую одежду, как наша, — пожаловался Андрей тетушке Зваре.

— Не огорчайся, — утешила она его, — костюм лесничего ему очень к лицу. По службе он будет встречаться с разными господами, и это ему будет интересно. И на селе его больше станут уважать, вот увидишь.

Прошла неделя с тех пор, как Павел стал лесничим. Он бродил в горах в тишине и одиночестве. Теперь у него было много времени, чтобы поразмышлять о том, какими должны быть люди и как изменить жизнь к лучшему. С собой в лес он брал книги и газеты, которые привозил ему учитель из города, но в них ничего не находил, кроме описания убийств и беззаконий.

Было воскресенье. Павел только что закончил очередной обход своего участка. Сегодня ему пришлось оштрафовать женщин, которые, собирая ягоды, повредили несколько саженцев хвойных деревьев. Вернувшись усталым и расстроенным, дома он никого не застал. «Наверное, все в церкви», — решил он и вышел в сад. Павел удобно расположился в тени орехового дерева и незаметно для себя задремал. Ему показалось, что он видит сон, как над ним, словно в сказке, склонилась красивая девушка.

— Илонка, это ты?! — не поверив своим глазам, он коснулся ее руки. — Ты уже пришла из церкви? А где остальные?

— Мне пришлось вернуться, — ответила она, усаживаясь рядом с Павлом, который тут же поднялся на ноги. — Перед уходом мама заперла кладовку и вспомнила об этом лишь в Топлове. Она поняла, что ты не позавтракал, и не хотела оставлять тебя голодным.

— Значит, ты вернулась из-за меня? — спросил он, разглядывая Илонку.

— Мама велела мне идти домой. Я в прошлое воскресенье была в церкви, — сказала она. — Иди поешь. Если хочешь, я принесу тебе сюда молока с хлебом.

— Принеси, пожалуйста.

«Как они внимательны ко мне», — думал Павел, усаживаясь под деревом. Вернулась Илонка, держа в одной руке буханку свежего хлеба, а в другой — кувшин молока. Глядя, с каким аппетитом ест Павел, она радовалась, что мать вовремя вспомнила о нем и отправила ее домой.

— Спасибо тебе, Илонка. Я и не подозревал, что так сильно проголодался, — поблагодарил он. Павел поставил кувшин на землю и бросил хлебные крошки птицам, летавшим над ними.

Илонка встала, чтобы унести кувшин, но Павел взял ее за руку:

— Останься со мной, тебе все равно нечего делать в доме. С Андреем бы ты посидела, но я тоже твой двоюродный брат.

Павлу хотелось, чтобы она побыла рядом с ним, приятный голос Илонки действовал на него, как лекарство на больного. На щеках девушки выступил нежный румянец, она попыталась высвободить свою руку, но Павел ее не отпускал.

— Почему ты меня так боишься, Илонка? Я ведь тебе ничего плохого не сделал. А может, я тебя чем обидел?

Илонка отрицательно покачала головой, но ей почему-то хотелось уйти. Рядом с Павлом она чувствовала себя как-то странно: одновременно радостно и грустно.

— Павел, почему ты всегда такой печальный? — спросила она.

Он с удивлением посмотрел ей в лицо, и на сердце у него потеплело от ее бесхитростного взгляда. Как это она догадалась, что он огорчен?

— Кто тебе сказал, что я печален? — спросил он ласково.

— Я все вижу. Ты почти никогда не улыбаешься, а когда остаешься один, то часто, задумавшись, подпираешь голову, как будто она тяжелая от печали и забот.

Илонка удивлялась самой себе, что смогла все это ему сказать. Но ей было так жалко Павла!

— Если я скажу, что не печалюсь, это будет неправдой. Почему я тебе должен лгать? Но как тебе объяснить причину моей печали? Если я попытаюсь объяснить, ты меня все равно не поймешь.

— А может быть, и пойму, — проговорила Илонка, теребя в руках веточку орехового дерева.

— Хорошо, попробую тебе объяснить. Я мог бы быть таким же счастливым, как Андрей, — сознался Павел. — У меня все есть, но все-таки я несчастлив, потому что у меня нет покоя в сердце. Мне кажется, что должна быть еще

другая жизнь, кроме той, которую ведем мы и люди вокруг нас. Сначала я думал, что как только стану богатым и у меня все будет, как у господ, то сразу стану счастливым. Но потом я убедился, читая газеты, что знатные люди несколько не счастливее меня. Я стал сравнивать себя с Андреем, вспоминать все, что мне пришлось пережить в армии, и понял, что стал другим, не таким, каким был прежде, и мне совсем расхотелось жить на этом свете. Несмотря на то что я совершенно здоров, мне иногда кажется, что вот здесь (он прижал к своей груди руку девушки) что-то болит, и, пока эта боль во мне, я не могу быть счастливым. Вот я тебе все рассказал, но какое тебе до этого дело?

Илонка сидела молча, опустив голову. Лучи солнца играли в ее светлых волосах, румянец выступил на ее щеках. Глядя на нее, Павел вдруг ощутил приятное, незнакомое чувство, которое на мгновение прогнало тоску. На милом лице девушки Павел увидел не только участие, но и что-то другое. Странное

тепло согрело его сердце, уставшее от тоски. Илонка жила в их доме, была его сестрой, но он еще ни разу ее не приласкал. Теперь он невольно обнял ее, привлек к своему сильно бьющемуся сердцу. Удивленная и испуганная, она взглянула ему в лицо и сделала молчаливую попытку высвободиться из его объятий. Он отпустил ее.

Взяв кувшин, Илонка быстро пошла к дому. Павел не удерживал ее, а только задумчиво глядел вслед, и она почувствовала этот взгляд. Остановившись у забора, она оглянулась. Их взгляды встретились и запали друг другу в души. В сердце девушки взгляд Павла разбудил дремавшее до сих пор чувство, а Илонкин взгляд зажег в парне новое, доселе ему неизвестное.

В горах

Воскресная служба в церкви подходила к концу. Андрей слушал, изредка поглядывая на пустовавшее место, где обычно сидела Илонка, и ему казалось, что богослужение тянется очень долго. В церкви

было жарко, пастор монотонно читал проповедь, а прихожане на скамейках почти засыпали. Парни на балконе коротали время, бросая бумажные шарики в Сузанку Грубик и ее подруг, которые без конца хихикали. Церковный служитель заметил это и погрозил им пальцем.

Наконец богослужение закончилось. Усталый пастор вытер со лба пот и через боковую дверь первым вышел из церкви.

Да, нелегко было целый час говорить о том, что никого не воодушевляло, даже самого оратора. Прихожане спешили к двери, оттесняя друг друга от выхода. Вспотевшие и разморенные, они торопливо расходились в разные стороны. Учитель и мальчики-хористы должны были играть и петь до тех пор, пока церковь не опустеет. Когда все ушли, учитель, раздраженный и совершенно обессиленный, вlepил звонкую оплеуху мальчику, уронившему партитуру, и дал тумака другому за то, что тот плохо играл. Так закончилось воскресное богослужение. В церкви остались только нищие и дьякон, собиравший пожертвования.

Андрей с тетей заторопились домой, там их ждал накрытый стол. Илонка хлопотала на кухне, Павел сидел в комнате и читал книгу,

содержание которой он сегодня понимал так же мало, как Андрей проповедь.

Павел с Илонкой не обменялись больше ни единым словом. Войдя в дом, Павел только один раз взглянул на нее, и она, заметив это, смущенно улыбнулась.

— Ну и жарко сегодня было в церкви, — нарушил молчание Андрей. — Как у нас прохладно!

Тетушка Звара поддакнула ему и пошла на кухню помогать Илонке.

— Что ты читаешь, Павел? — Андрей подошел к брату и с интересом заглянул в его книгу.

Павел, чего с ним раньше никогда не бывало, вдруг обнял Андрея и привлек к себе.

«Какой-то он сегодня другой, даже веселый», — подумал Андрей, поговорив с Павлом.

Тетя позвала к столу, и поскольку все пребывали в хорошем настроении, то беседа продолжалась и за столом.

— Мне сегодня нужно еще раз обойти участок, — сказал Павел. — Женщины приходят за ягодами и топчут саженцы.

— Илонка тоже могла бы пойти с тобой и набрать для нас земляники. Ведь это недалеко.

С начала лета мы не пробовали ягод, — предложил Андрей.

— Да, конечно, пусть идет! — обрадовался Павел. — Я вчера заметил хорошее местечко, и, если его еще не нашли, мы наберем два кувшина.

— А ты пойдешь с нами, Андрей? — спросила Илонка.

— С удовольствием бы, но мне нужно сходить к мельнику, он меня ждет. Я встречу вас на обратном пути, — ответил Андрей.

— Значит, ты нас догонишь? Мы будем ждать тебя под дикой вишней, — пояснил Павел.

Андрей, немного проводив их, направился в долину, а Павел с Илонкой стали подниматься в гору.

Придя на мельницу, Андрей первой увидел жену Юрия, она сидела в комнате и читала молитвенник.

— А где остальные? — спросил он, поздоровавшись.

— Юрий уехал за пшеницей в Топлову долину, отец работает в саду, а Имрих пошел гулять с ребятами.

— А Даниш?

— Даниш еще не возвращался из церкви, наверное, на обратном пути зашел в пивную.

— Неужели? — удивился Андрей. — Раньше он туда не захаживал.

— Да он и сейчас там нечасто бывает, но приходится. Что ему остается делать при такой жене? Какая с ней жизнь?

— А что она такое делает? — удивленно спросил Андрей, представив себе красивое и бледное лицо жены Даниша. Ему не верилось, что она кому-то может испортить жизнь.

— Что она делает?! — возмутилась жена Юрия. — Ну посуди сам, понравилось бы тебе, если бы твоя жена каждый вечер до полуночи убегала из дома?

— Разве Юдка так может? А куда она уходит?

— Куда? Да к своему брату! Что-то там у них нечисто, околдовал он ее, что ли. Она словно одеревенела: ее ругаешь, а она только улыбается и не говорит ни слова. Или втемяшится ей в голову, что то или это — грех. Вот сегодня нам нужно было испечь хлеб, а она сказала, что грех работать в воскресенье. В

другое воскресенье она отговорила Юрия молоть зерно и упросила отца не ехать продавать телок. Отец ее послушался, и вот хочет предложить одну из телок тебе, жалко ее забивать. Вот такая у нас Юдка! Злит всех с утра до вечера, испортила даже мою Бетку. Девчонка привязалась к ней и делает все, что та скажет. Даниша начали раздражать постоянные ссоры в доме. Он обычно поддерживал Юдку, но сегодня утром сам ее отругал, когда она спросила, зачем мы ходим в церковь, если дома не хотим служить Богу. Разве мы язычники? Разве только она служит Богу со своим братцем, который продал веру своих отцов и душу?

— А в какую веру он перешел? — спросил Андрей задумчиво.

— А кто его знает! Он говорит, что такой же верующий, как и мы. Но кто ему поверит, если он живет совсем не так, как другие?

— А он бывает у вас?

— Давно уже не приходил. Я его, лицемера, и видеть не хочу. Даже издали не могу спокойно на него смотреть.

В комнату вошел мельник, и разговор прекратился. Поздоровавшись с гостем и косо

взглянув на Катерину, старик повел Андрея в хлев посмотреть телку.

— Я бы купил ее, телка хорошая, — согласился Муртин, — но сейчас у меня нет денег, а продать нечего. Да и наши коровы еще неплохие, я буду продавать их только на следующий год. Знаете, у нас теперь много расходов: Павел хочет, чтобы у нас в комнатах был дощатый пол. Не знаете, кто умеет настилать полы?

— Посмотрите на этого господина! — засмеялся мельник. — Если бы ваш дед Фома Муртин, который зимой и летом ходил в одних штанах и сапоги надевал только по праздникам, услышал, что его внуку в комнатах понадобился дощатый пол, он бы...

Андрей покраснел. Хотя он и сам не соглашался с Павлом, но не мог позволить, чтобы над братом насмехались, да еще такие, как этот мельник-скупердяй.

— Знаете, мой дед всю жизнь прожил в горах, и если бы не выпивал, то мог бы носить лучшую одежду и обувь. Но Павел не придет к вам просить взаймы, и никто ему не может запретить настелить полы в своем доме. Если бы

он гулял по ночам, как ваш Имрих, у него, уж конечно, не было бы на это средств.

У мельника как раз защекотало в носу, он громко чихнул и поэтому не выругался, хотя его очень рассердило, что Муртин упрекнул его шалопайством сына.

— Ну, всяк по-своему, — примирительно проговорил мельник. — Ты спросил, кто бы вам помог сделать дощатый пол. Так вот я думаю, что плотник Терновский. Живет он от вас недалеко, и досок у него много.

«Пусть он их позлит, — думал, усмехаясь про себя, мельник. — Он начнет уличать их в грехах, без этого не обойдется. Хотелось бы посмотреть в тот момент на рожу Павла!»

Мельник в молодости был таким же шалопаем, как Имрих, поэтому он всегда защищал своего сына.

— Знаешь, — начал миролюбиво говорить мельник, когда они шли по саду, — у вас в доме живет хорошенькая девушка, предложите-ка ее Терновскому. Ян вообще парень неплохой, и до денег этот святой не жадный. Не забудьте потом пригласить нас на свадьбу! Ну что ты на меня так смотришь, будто с луны

свалился? — засмеялся мельник. — Ты воспитал Илонку и неужели не подумал о том, что ее придется выдать замуж? Взаяся за гуж — не говори, что не дюж.

— До этого еще далеко. Чтобы я предложил кому-нибудь Илонку, этого никто не дождется. Ей у нас неплохо живется, она еще молодая, и ей нет нужды уходить из дома, — угрюмо ответил Андрей.

— Это сегодня, — продолжал мельник, — но скоро вы оба женитесь, и ваши жены не захотят, чтобы двоюродная сестра жила у вас в доме. Тем более они не допустят, чтобы вы ей приготовили приданое. Поэтому послушайся моего совета: отдай ее первому, кто об этом попросит, и лучше сделай это до своей свадьбы.

Сразу же после разговора с мельником Андрей пошел встречать Илонку и Павла. Всю дорогу в его ушах звучали слова старика, с которыми трудно было не согласиться. Илонка не была их родной сестрой. А что если они с Павлом действительно женятся и жены будут

плохо относиться к ней? Но ведь они с братом еще не думали о женитьбе, Илонке тоже рано об этом думать. А вдруг у нее появится кто-нибудь и сделает ей предложение, и она согласится? Разве у него с Павлом будет право ее удерживать? Он уже представил себе свадьбу: Илонка в венце рядом с женихом идет к алтарю, а потом обратно. Но возвращается из церкви уже не к ним, а в чужой дом. Эта мысль не давала Андрею покоя и жгла, как огонь.

«Что наговорил мне старый мельник! — вздохнул он, сжимая руками виски. — Я этого не переживу. Да и зачем? Разве я должен смотреть, как ее уводит другой, чтобы потом?.. Разве я сам не могу на ней жениться? Неужели для чужого человека я ее берег, воспитывал и учил? Ведь мне самому нужна жена и хозяйка. Илонка будет моей и только моей! Она станет женой, лучше которой не сыскать. Ей не нужно будет мучиться у чужих людей и выслушивать брань злой све-

крови. Мы заживем с Илонкой, как Адам с Евой в раю! И как я своим умом не дошел до этого, нужно было старику меня надоумить? Хорошо, что я пошел к нему! Теперь я докажу, что о нашей Илонке есть кому побеспокоиться. Взятся за гуж — не говори, что не дюж. Я воспитал ее и до конца своей жизни буду заботиться о ней. Я так люблю эту девушку, что готов носить ее на руках. Как здорово, что она станет моей женой!»

Андрей не заметил, как поднялся на гору. Он запыхался и остановился, чтоб немного передохнуть. Издали он увидел ту самую дикую вишню, под которой его должны были ждать Павел с Илонкой. Но там никого не было. «Я пришел первым!» — радостно подумал он. Его сейчас радовало все: зеленые горы, цветущие луга, безоблачное небо, ручей, журчащий у ног. Где-то внизу женщины, собиравшие ягоды, затянули протяжную тоскливую песню:

*Не хочешь быть моею,
За брата выходи.
Но буду я любить тебя,
Как и всегда любил.*

Андрея тронула эта незамысловатая деревенская песня. В ответ вдруг раздался другой, умоляющий, женский голос:

*Пустите нас, пустите,
Мы в счастье будем жить.
Наш брак благословите,
Навек нам вместе быть!*

Сбоку слышались шаги, и через некоторое время ветки кустов раздвинулись... и у Андрея чуть сердце от радости не выскочило из груди — перед ним с полными кувшинами ягод стояла Илонка, разрумьянившаяся и сияющая от счастья. Она была так хороша, что у Андрея закружилась голова. Он представил себе их предстоящее счастье. Следом за Илонкой с ружьем, перекинутым через плечо, шел Павел. Он выглядел счастливым, но немного печальным. Увидев Андрея, они ускорили шаги. И вот уже Илонка сидит рядом с Андреем и доверчиво и ласково смотрит на него. Не успел он протянуть руку к ягодам, как она уже подставила кувшин. Павел расположился рядом с ними на траве. Он отложил ружье в сторону и прислонился головой к колену брата.

Андрей чувствовал, что эти двое счастливы, что они его любят и за все благодарят. Он знал, что брат с Илонкой для него самые дорогие люди на свете. Не в силах сдержать нахлынувшего на него чувства, он обнял Павла.

— Андрей, на земле нет ничего прекраснее наших гор! — проговорил Павел. — Зачем нам весь мир, когда у нас здесь, как в раю?

— Вот видишь, — обрадовался Андрей, — я знал, что ты привыкнешь и не захочешь отсюда уходить.

— Уходить? Куда? Я хотел бы жить здесь вечно, особенно в горах.

Андрей не мог понять, почему Павел счастлив, но был рад за брата. Стараясь не выдать своего счастья, он рассказал, зачем ходил на мельницу, что узнал от жены Юрия и что мельник посоветовал обратиться к плотнику Терновскому. Павел слушал Андрея и плохо понимал, так как все еще находился под впечатлением своего последнего разговора с Илонкой. Сначала он рассказывал ей о своей солдатской жизни, а она внимательно слушала, потом она рассказала Павлу о жизни в доме отчима и затем у Андрея. С какой любо-

вью и благодарностью Илонка говорила о брате! Павел не знал, как отблагодарить его за все, что он для нее сделал.

Затем он привел девушку на поляну, где было много земляники, а сам пошел осмотреть свой участок. К тому времени, как он вернулся, Илонка наполнила ягодами один кувшин, а второй они уже собирали вместе. На обратном пути они очень торопились, так как не хотели заставлять Андрея ждать. Павел шел впереди, раздвигая и придерживая ветки кустов, чтобы они не задели Илонку. Их взгляды часто встречались. В одном узком месте им нужно было подняться по склону горы. Павел сначала отнес наверх кувшины, а затем подал девушке руку. Вверху они остановились, чтобы отдышаться. Илонка стояла так близко от Павла, что он уступил минутному побуждению и крепко ее обнял. Сердце у него сильно стучало, и он чувствовал у своей груди биение другого сердца. Илонка, желая освободиться от объятий, взглянула на Павла и не могла воспротивиться его умоляющему взгляду. Она робко положила свою голову ему на грудь.

Это мгновение предрешило дальнейшую жизнь двух нашедших друг друга молодых людей. Их любовь была настолько чиста, что ангелы, наверное, с благоговением смотрели бы на счастье Илонки и Павла. Именно эта чистота отношений отразилась на их счастливых лицах в тот момент, когда они встретились с Андреем у дикой вишни. «Знаешь, Андрей, — казалось, говорили глаза Илонки, когда она увидела своего верного защитника, — Павел любит меня, и я его люблю».

— Ой, я чуть не съел все ягоды! — спохватился Андрей и накрыл кувшин листом.

— А ты ешь, я еще соберу, — проговорила Илонка и высыпала оставшуюся землянику на траву. Не дождавшись ответа, она скрылась в кустах, оставив братьев одних.

— Ты только послушай, что мне сказал сегодня старый Леготский, — начал Андрей, подождав, пока Илонка отойдет подальше. Он передал Павлу смысл своего разговора с мельником, не предполагая, что его рассказ может оскорбить брата.

А Павел от возмущения даже вскочил на ноги. В глазах у него сверкали молнии гнева.

— Ему нечего осуждать нас! Пусть лучше учит своих родственников, а нам его совет совершенно не нужен! Жаль, что не я с ним разговаривал!

— Не злись, — успокаивал его Андрей, — в какой-то мере он прав. Мы когда-нибудь женимся, другие в наши годы уже завели семью. Что ты молчишь?

Андрей удивленно взглянул на брата, а тот стоял, как громом пораженный. Павел еще не думал о женитьбе, и мысль, высказанная братом, застала его врасплох.

Внизу, в долине, тот же умоляющий женский голос снова затянул песню:

*Наш брак благословите,
Навек нам вместе быть!*

Павел с волнением подумал о своем предстоящем счастье. В нем сразу пробудились желания мужчины, которые ему не раз приходилось в себе заглушать.

«Да, нам нужно жениться! — хотелось ему кричать. — Особенно мне!» Если бы братья еще несколько минут остались наедине, Павел рассказал бы Андрею, какое решение он толь-

ко что принял. Но к ним подошли несколько женщин, и среди них они увидели Илонку. Втроем они возвращались домой.

Тревожные раздумья

Недалеко от Муртина в тот же день собирала землянику Сузанка Грубик. Для нее это было делом непривычным, скорее всего, она, сама не зная почему, искала в лесу тишины и уединения. Оказавшись в небольшой живописной долине, девушка поставила кувшин, наполненный ягодами, на землю и села отдохнуть на срубленное дерево. Она рассеянно смотрела на кольцо с зелеными камушками, которое красовалось на ее правой руке рядом с другими колечками.

«Ну вот я выбрала Имриха, — думала девушка, — но меня это не радует. Может быть, я остановила свой выбор на нем лишь потому, что хочу попасть к Леготским? Почему Ян сказал, что из десяти я выберу худшего? А что если мне не только у них, но и с ним будет плохо? Вдруг Имрих станет таким, как старый мельник? Говорят, тот свою жену даже не

кормил досыта, люди видели, как она бегала к матери за хлебом. Юрий бьет Катерину во время ссор. Если бы Имрих хоть раз меня ударил, я бы никогда к нему не вернулась. Но сбежавшую от мужа женщину никто не уважает... До сих пор я жила, как хотела, а после свадьбы Имрих начнет мной командовать. Он много пьет и любит драться, а уж браниться умеет лучше всех. Страшно мне становится, как подумаю об этом. И пусть я ему обещала, лучше подожду до осени. Как жалко терять свою молодость и свободу! А может быть, мне выйти за другого? Нет, в хижине жить я не хочу. А Имрих — самый красивый из всех парней! Если уж выходить замуж, то за такого, чтобы все мне завидовали».

Потирая пальцами виски, Сузанка вспоминала события прошедшей недели вплоть до последнего воскресного утра. Парни поставили Терновскому майское дерево, на которое снизу повесили рваные штаны, сверху надели соломенный венок, а вместо розмарина украсили дерево чертополохом. Направляясь утром в церковь, люди увидели чучело, и одни посмеялись, а другие выругались. Но никто не пожа-

лел Яна, все с любопытством ждали, что он будет делать с майским деревом.

А Ян его просто оставил на месте, даже не подошел к нему. Когда грузчики, которые привезли ему доски, добродушно предложили снять и увезти чучело, он ответил: «Зачем губить чужое добро? Это не мое дерево, оно принадлежит тому, кто его поставил. У меня нет рваных штанов, а эти на танцах порвались. Соломенный венок, очевидно, знак чести, которую кто-то ночью потерял».

Три дня стояло майское дерево на месте, а потом ночью исчезло. Никто из молодых людей не осмеливался напоминать о нем, так как грузчики были на стороне Яна.

Сузанка часто вспоминала слова матери: «Не трогай никого, и тебя не тронут!» Почему она ее не послушалась? Зачем посоветовала парням поставить майское дерево? Сами они, наверное, не додумались бы до этого. Она не желала зла, а вышло...

Сузанка чувствовала себя виноватой. Если бы Ян узнал, что она являлась зачинщицей, что бы подумал о ней? Она должна была пойти к нему и договориться насчет сундука, но те-

перь ей было стыдно. И она решила подождать, пока утихнут разговоры о майском дереве, а потом обязательно сходить, тем более что ей так хотелось еще раз услышать про новую веру. После разговора с Яном Сузанка уже несколько раз принималась за чтение Евангелия, но почти ничего не понимала.

«Понимает ли он, что там написано? Наверное, да. Если Христос действительно с ним, то Он его учит. Неужели правда, что Бог вседушен? Наверное, сегодня Он был в церкви, ведь церковь — Его дом. Тогда Он видел все, что там делалось!» — размышляла Сузанка.

Она почувствовала смутный страх, смешанный с желанием освободиться от чего-то злого. Девушка вдруг поняла, что везде, где она появлялась, совершалось что-то плохое. Сегодня в церкви стоило ей взглянуть на балкон, и все богослужение парни смотрели на нее, подталкивая друг друга локтями. А потом стали бросать с балкона бумажные шарики. Выйдя из церкви, они побежали за ней и, если бы не споткнулись, гнались бы за ней до самого дома.

Не зная почему, Сузанка вдруг упала на траву и зарыдала. Выплакавшись, она спохва-

тилась: «Слезами горю не поможешь. Завтра все будет точно так же, как сегодня. Но, если я выйду замуж, все изменится, — утешала она себя. — В церкви я буду сидеть среди молодых женщин, и никто больше не посмеет улюлюкать мне вслед и гнаться за мною».

Но на душе было все также беспокойно, жизнь казалась ей пустой.

Сузанка взяла кувшин и, накрыв его листьями, пошла домой. По дороге у нее появилось странное желание — прямо сейчас пойти к Яну Терновскому и рассказать ему о своей боли. Она не знала, какие слова подберет, но если он так ее растревожил, то, наверное, найдет слова утешения. Однако по пути к хижине ей могут встретиться люди. Что они подумают о ней? «А какое мне до этого дело? — решила она. — Лишь бы застать Яна дома».

Сузанка ускорила шаги и не заметила, как оказалась в сосновом бору, на тропе, ведущей к Малковым, как люди все еще называли хижину Яна. От грустных мыслей ее отвлекло собачье рычание. Оглянувшись на этот звук, она увидела три пенька, на одном из которых с раскрытой книгой в руке сидел Ян, пес лежал

у его ног. Девушка покраснела до корней волос, но молодой человек читал так внимательно, что не заметил Сузанку.

Она остановилась и всмотрелась в его красивое и печальное лицо. «Внешне Имрих красивее, Яну с ним не сравниться, но у Терновского лицо, словно созданное Богом для молитвы. Ухаживал ли он когда-нибудь за девушкой, как вел бы себя с той, которая ему понравилась? Наверное, от него она бы не услышала таких грубых слов, как от Имриха и других парней. Тогда какими словами он объяснился бы в любви?»

«Научи его! — шептал тот же голос, который подсказывал Сузанке плохое. — Если многие парни в тебя влюблялись, то и этому ты понравишься!»

Девушка, поправив на голове платок, под глухое рычание пса подошла ближе.

— Замолчи, Дунчо, — старался Ян успокоить собаку.

Девушка заметила, как порозовели у него щеки.

— Добрый день! — улыбнувшись, бойко поздоровалась Сузанка. — Хорошо ты здесь устроился.

— Да, неплохо, — ответил Ян, приветствуя ее улыбкой. — Устала, наверное. Присядь, отдохни!

— А пес меня не укусит?

— Не бойся, он добрый.

Дунчо, будто поняв похвалу хозяина, завилял хвостом и, улегшись на траву, закрыл глаза.

— Ты молился? — спросила девушка, указывая на книгу.

Она села на пенек напротив Яна, прислонившись головой к стволу рядом стоящего дерева. Зеленые ветви, пронизанные лучами солнца, как будто обрамляли ее красивое лицо. Она знала, что в этот миг была особенно хороша и могла очаровать каждого, кто смотрел на нее. Сузанка игриво взглянула на молодого человека. Но взгляд Яна был так привет-

лив, словно в глазах отражалась его прекрасная, чистая душа, которая притягивала к нему людей. «Какой прекрасной создал ее Бог!» — думал Ян, восхищенно глядя на творение своего небесного Создателя.

— Ты спросила, молился ли я? Вообще я молюсь не по книге, но когда читаю о великом историческом прошлом чешского народа, то не могу удержаться от хвалы и благодарения Иисусу Христу.

— Значит, ты читал не Библию? — спросила она с удивлением. — Я думала, что другие книги ты в руки не берешь.

— Почему же? Апостол Павел пишет: *«Что только истинно, что честно, что справедливо, что чисто, что любезно, что достославно, что только добродетель и похвала, о том помышляйте»*¹. Детям Божьим можно читать все, что не наводит на злые мысли и чему можно поучиться для земной и небесной жизни. И только что я прочитал о том, как чешским братьям ради Христа приходилось страдать, покидать дом и родину. Думаю, что у них можно

¹ Флп. 4:8.

поучиться терпению и верности. Я очень ценю их умение не привязываться сердцем к тому, что нельзя отдать ради моего Господа.

— Ты можешь рассказать мне о том, что прочитал? — спросила Сузанка с любопытством.

Она забыла, о чем хотела поговорить с Яном, теперь у нее появилось желание узнать новое, чему ее никогда не учили. А Ян был рад, что может с кем-нибудь поделиться своими знаниями, что его кто-то внимательно выслушает. Он рассказал, с какими трудностями встречались христиане в Богемии, как тяжело было истинным последователям Христа и как сурово во все времена обходились с ними. Он описал, как стойко выносил мучения Ян Гус и как сила его примера поддерживала других, когда им приходилось оставлять родные дома и земли отцов и искать убежища на чужбине. Сузанка мысленно представила, как отец прощался с детьми, жена с мужем и жених с невестой. Сердце Яна замирало от воодушевления, когда он видел, как Сузанка слушала, опустив глаза. Для нее все, что он говорил, было ново, раньше ей никто не рассказывал о людях, готовых оставить все ради Христа. Как эти

люди, должно быть, любили Иисуса! Думая о них, Сузанка все больше начинала презирать себя.

Они не заметили, как наступили вечерние сумерки. Сузанка долго сидела в задумчивости, потом, словно очнувшись, промолвила:

— Прошу, дай мне эту книгу!

— С радостью, но тебе будет трудно ее читать, вряд ли ты в ней что-нибудь поймешь, — ответил Ян откровенно.

— Ты считаешь меня глупой, ведь так?

— Нет, что ты! Ты просто еще несведущая. Здесь, в горах, люди мало читают, и ты, наверное, никогда не интересовалась книгами.

— Ты прав. Мы здесь живем, как деревья в лесу, не спрашиваем, что было прежде, не интересуемся, что будет после нас, — согласилась она.

Слезы показались у Сузанки на глазах. Ян подошел к ней поближе.

— Но ты не должна оставаться такой, ты молодая и любознательная. Если хочешь, я покажу тебе все книги, которые у меня есть, даже научу тебя понимать, что в них написано. И скоро ты сможешь прочитать и эту книгу.

— Значит, ты не смеешься над моей глупостью? — спросила обрадованная Сузанка.

— Нет, что ты! Я бы тоже таким вырос, если бы Господь Иисус Христос не призвал меня в юности. Я закончил учебу и решил, что должен послужить вам здесь, поэтому и поселился в этих местах. Но вы все от меня отвернулись. Видимо, Христос хочет, чтобы я шел таким путем, — добавил он чуть слышно.

— Я от тебя не отворачивалась, — тихо сказала Сузанка, дотронувшись до его руки. — Если хочешь, то научи меня тому, что сам знаешь. Только станешь ли ты учить, когда узнаешь, какая я плохая. Я пришла в лес, чтобы спрятаться от людей и выплакаться, жизнь казалась мне такой пустой. Но когда ты рассказывал мне про чешских женщин, я думала, что лучше бы мне жить, страдать и умереть, как они.

Голос ее задрожал, и в глазах снова появились слезы.

— Ты можешь стать такой, — успокаивал ее Ян. — Отдай свое сердце Спасителю, и Он тебя так преобразит, что ты себя не узнаешь.

— Если бы меня научили, как отдать Ему сердце! Тебе легко, ты все знаешь, а я ничего в этом не понимаю, — пожаловалась Сузанка.

— Приди к Иисусу такой, какая есть. Он научит тебя, только доверься Ему!

— А как я к Нему пойду? — спросила она, взглянув на небо.

— Конечно, не так. Сын Божий сказал: «*Се, Я с вами во все дни до скончания века*»¹. Значит, Он здесь, у нас, и видит и слышит все, что ты Ему скажешь.

— Об этом я как раз недавно думала. Видели Христос меня сегодня в церкви?

— Конечно, но почему ты спрашиваешь?

Немного помедлив, Сузанка выпрямилась и рассказала Яну, почему она плакала в лесу.

— Раньше я никогда так не думала, а теперь никак не могу забыть слова, которые ты сказал мне в хижине. И я хочу, чтобы ты знал, как я тебя обидела!

— Ты — меня? — удивился Ян.

— Да, тебя. Когда ко мне пришли ребята и стали обсуждать, как можно тебя испытать, я им посоветовала поставить тебе майское дерево, какое ставят нам, девочкам. Даже хотела дать ленты, чтобы его нарядить. Но в том, что

¹ Мф. 28:20.

они поставили тебе такое чучело, я не виновата, хотя идея была моя. Но тогда я еще не знала тебя, — добавила она, словно извиняясь. — Ты сердишься на меня? — спросила она тихо, не смея поднять глаза. — Теперь ты не хочешь меня учить и давать мне книги?

— Как раз поэтому я и хочу тебя учить, чтобы ты поняла, что мы живем не только для развлечений.

— И ты на меня не сердишься?

— Нет, мне лишь обидно, ведь я не сделал тебе ничего плохого. Но ведь сегодня ты так не поступила бы, правда?

— Да, Ян. Прошу, прости меня и забудь все, что было. Ответь только на один мой вопрос: о чем ты подумал в то воскресенье, когда увидел майское дерево? Ты рассердился на нас?

— Нет, не рассердился, но прошло много времени, прежде чем я избавился от воспоминаний об этом позоре. Я представлял себе, как люди проходили мимо майского дерева и смотрели на него. Что они могли подумать обо мне? Неужели я — бесчестный человек и заслужил с их стороны такое отношение?

Ян побледнел, и было видно, что он заново переживает события тех дней. Но вдруг его лицо просветлело, и он продолжил:

— В тот момент, когда я взял топор, чтобы срубить майское дерево, мне вспомнились слова из Библии: *«К злодеям причтен был...»*¹, и: *«Если Меня гнали, будут гнать и вас... Все то сделают вам за имя Мое, потому что не знают Пославшего Меня»*². Ах, святой и невинный Сын Божий висел прикованный между двумя злодеями, и мир считал Его третьим среди них. И разве я ради Него не должен вынести этот позор? Бог видит мою правду, подумал я, и отложил топор в сторону. И на четвертый день дерево исчезло. Поверь мне, что четыре дня моя душа радовалась, как никогда.

Сузанка выслушала Яна, опустив голову, а когда он замолчал, она встала и, взяв кувшин, заторопилась домой.

— Если все так, как ты мне рассказал, тогда люди никогда не смогут тебя обидеть, потому что в такие моменты тебя утешает Сам

¹ Ис. 53:12.

² Ин. 15:20,21.

Бог. Ты намного счастливее меня. Спокойной ночи, Ян!

— Спокойной ночи, Сузанка! А книжку не хочешь взять с собой?

— Сегодня не возьму. Сначала прочту Евангелие.

— Это хорошо. Я буду молиться, чтобы Господь дал тебе понять прочитанное.

Девушка шла быстро, словно убегала от кого-то. Лишь далеко от дома Малковых она замедлила шаги. «Мне было бы лучше остаться у Яна навсегда, потому что когда я приду домой, то опять стану прежней», — мелькнула у нее тоскливая мысль.

Домой она пришла поздно и обнаружила, что ее с нетерпением поджидали друзья. Некоторые парни были еще трезвыми, другие — под хмельком. Они со смехом набросились на ягоды, принесенные Сузанкой. Послышались шутки и намеки, над которыми она прежде смеялась, но сегодня они показались ей вовсе не смешными. Когда парни, то один, то другой, пытались приблизиться к ней, так как Имриха не было рядом, Сузанку охватило небывалое отвращение. «Если бы это увидел Ян! Он

не видит этого, но Христос все видит!» — подумала она.

Сказав, что у нее болит голова и она устала, Сузанка предложила всем разойтись по домам, и молодые люди, обидевшись, ушли.

— Она ждет Имриха и хочет остаться с ним вдвоем, — говорили друг другу ребята, оказавшись на улице. Некоторые из них решили подкараулить Имриха у дома Грубик.

Ждать им пришлось недолго. Имрих был довольно пьяным. Ребята слышали, как тетя Грубик ему объяснила, что у Сузанки болит голова, и не впустила его.

— Пустите меня к ней, я должен видеть вашу дочь. Если не пустите, — пригрозил Имрих, — я больше никогда к вам не приду.

Его угроза подействовала на тетюшку Грубик. Она боялась потерять выгодного зятя и впустила полупьяного Имриха. Но как только он взялся за ручку, чтобы открыть дверь, как она распахнулась, и на пороге появилась еще не успевшая переодеться в домашнюю одежду Сузанка.

— Что тебе нужно, Имрих? — строго спросила она.

— Мне нужна ты! — радостно воскликнул он и шагнул к ней, пытаясь ее обнять.

Сузанка отстранила его.

— Ты пьян! Если еще раз явишься к нам в таком виде, я больше не взгляну в твою сторону. Думаешь, что я выйду за пьяницу, который будет надо мной издеваться, а потом пропьет свое и мое добро?

Имрих остановился, словно его окатили холодной водой.

— Я не пьян, Сузанка, — тихо проговорил он. — Мне ничего не нужно, только разочек взглянуть на тебя, обнять и поцеловать. Потом я уйду.

— Нет, не сегодня.

— Ты сердишься?

— Да, сержусь, и тебе лучше уйти.

Она протянула ему на прощанье руку и закрыла за собой дверь. Имрих понуро пошел прочь от дома. Ребята, увидев, что он уходит, успокоились.

— У Сузанки перестанет болеть голова, и все будет как прежде, — рассуждали парни, расходясь по домам.

А Сузанка почти всю ночь проплакала. Как она жила до сих пор и как такая жизнь могла

ей нравится? Как она не замечала, что это так отвратительно? Сам Бог открыл ей теперь глаза! Она молилась всеми молитвами, которые только знала, но легче ей не становилось. Обессилевшая от слез, она, заламывая руки, наконец громко взмолилась:

— Господь Иисус Христос, Ты все видишь и слышишь меня теперь. Если Ты умер на кресте и за меня, грешницу, тогда помоги мне, потому что я сама не могу себе помочь!

После такой молитвы ей стало легче, у нее появилась надежда, что Христос ее услышал и поможет. Каким образом — знает Сам Христос. Мир наполнил ее сердце, и она, успокоенная, заснула крепким сном.

Страдания ради Христа

В тот же вечер на берегу ручья сидела Юдка Леготская и ждала из церкви мужа. У нее на коленях спал сынок, которого она качала, пока сюда шла. Смеркалось, и Юдка начала беспокоиться. Случалось, что иногда Даниш заходил в пивную и засижи-

вался там дотемна, но так долго, как сегодня, он никогда не задерживался. «Как бы с ним чего не случилось, — с беспокойством подумала жена. — Если он уходил трезвым и был злой, даже не подал ей руки, то что будет, когда он вернется пьяным?»

Пойти к брату Юдка не осмелилась, потому что не знала, когда вернется муж.

Печальным был для нее воскресный день. И все-таки, как только она поднимала глаза к небу, мир и счастье наполняли ее сердце. Она знала и верила, что там у нее есть Небесный Отец и Иисус Христос, и даже родина. Здесь ее окружали ненависть и зло, в доме мужа не было родной души и не с кем было поговорить о дорогом Спасителе. Когда она сказала Данишу, что примирилась с Богом и Отец Небесный принял ее как Свое дитя, муж разгневался и запретил ей говорить с ним о таких глупостях.

С тех пор как Юдка последовала за Христом, она стала замечать нечестные дела на

мельнице, которые другие не считали грехом. Она не могла молчать и принимать в них участие. Как только она заговаривала об этом, вспыхивала ссора. Когда она научила своего сыночка рассказывать стишок из Библии, ее стали ругать за то, что она мучит ребенка.

Да, она жила в мучениях. Но ведь в Слове Божьем написано, что *«враги человеку — домашние его»*¹ и *«все, желающие жить благочестиво во Христе Иисусе, будут гонимы»*². Только в Слове Божьем и в книгах, которые дал ей Ян, она находила утешение.

Пока Юдка не знала Иисуса Христа, ей хорошо жилось у Леготских. Все в доме ее любили, особенно Даниш, только старшая сноха иногда издевалась над ней. Юдка вышла замуж по любви, и когда родился сын, муж, можно сказать, носил ее на руках. Она тоже старалась во всем ему угодить. При такой любви мужа она могла сносить уп-

¹ Мих. 7:6.

² 2Тим. 3:12.

реки сварливого свекра и издевательства Катерины. Но сегодня Даниш не заступился за нее.

«Я все перетерплю, — твердо пообещала себе Юдка, — потому что Иисус Христос больше страдал за меня, и Он меня не оставит. Что бы ни случилось, я не вернусь к греховной жизни. Хотя луч света Божьего изредка пробивался в их дом и приносил семье мельника минуты счастья, но никто там по-настоящему не знал Христа, да и не хотел знать».

Юдка теперь поняла, какое сокровище она обрела в Иисусе Христе. Она могла пожертвовать любовью Даниша, но не оставить своего Господа. И теперь, чувствуя себя одинокой и покинутой, она знала, что рядом с ней ее Иисус. Она прижала руки к сердцу, которое еще недавно было объято страхом и тревогой, подняла глаза к небу и улыбнулась. Как некогда по велению Иисуса улеглась буря на Геннисаретском озере, так и теперь в ее сердце наступила тишина. Она молитвенно сложила руки над своим спящим ребенком и, хотя губы ее не шевелились, мысленно вознесла хвалу и благодарность Господу, Который не только

обещал, но и исполнял Свое обетование: «Не бойся, ибо Я с тобою»¹.

Юдка смотрела на небо, по которому плыли облака, и мысли ее были далеко, в той прекрасной Отчизне Сына Божьего, где нет ни горя, ни слез.

Она не услышала тяжелых и неуверенных шагов приближавшегося к ней человека и вздрогнула от сердитого окрика:

— Что ты здесь делаешь?

Юдка испуганно вскочила. Перед ней стоял Даниш, ее милый муж, но в каком виде! Сердце у нее так защемило, что она чуть не вскрикнула от боли. Даниш был таким отвратительным, каким может быть только пьяный: измятая и расстегнутая одежда, отекавшее лицо, остекленевшие красные глаза.

— Ты что здесь делаешь, ты... — грязно ругаясь, он тряс ее за плечи. — Где ты опять шлялась?

— Не кричи так, Даниш, — уговаривала она, — а то разбудишь Иосика. Мы с ним давно тебя здесь ждем. Он долго звал тебя и заснул, бедненький.

¹ Быт. 26:24.

Ее кротость подействовала на него успокаивающе. Он велел ей взять сына и молча побрел за ней к дому. Когда они проходили мимо кухни, дверь тихонько отворилась, и на пороге со светильником в руках показалась Катерина. Видя, что Юдка ведет домой пьяного Даниша, она со злорадством заметила:

— Ну что, Даниш, ведешь жену домой? Опять где-то воскресенье «справляла»? Конечно, почему бы ей не погулять, когда мужа нет дома.

Юдка ничего не сказала в свое оправдание и молча вошла в дом. Стол был накрыт, и она, положив ребенка на кровать, ласково позвала Даниша ужинать. Бросив пиджак и шляпу на пол, он повалился на скамью, обхватив руками голову. В комнате наступила тревожная тишина.

— Ты почему не пришел ужинать? — набралась смелости и спросила Юдка.

— Молчи! Я сыт по горло! — закричал он грубо, вскочив со скамьи, и со сжатыми кулаками остановился перед женой. — Где ты была целый день?

— Дома, Даниш, — спокойно ответила Юдка. — Ты не пришел на обед, поэтому я ос-

талась дома и все ждала тебя. Если не веришь, спроси у Бетки, она весь день была со мной. А где ты был, Даниш? Почему так поздно вернулся?

С печальным укором она посмотрела на мужа. Его привел в бешенство этот молчаливый упрек в ее глазах. Как она может обвинять другого в том, в чем сама виновата?

— Ты что, проверять меня вздумала?! — закричал он, задыхаясь от злобы. — Если ты управляешь мне жизнь в этом доме, я рад где-нибудь в другом месте поискать утешения.

— О Даниш, это плохое утешение, завтра у тебя будет болеть голова. Если не хочешь ужинать, ложись спать.

Казалось, он был готов прислушаться к ее просьбе, но в нем вновь вспыхнула накопившаяся ненависть. Он наблюдал, как жена ходит по комнате, как стелит постель, и задышался от ярости, которую испытывал, видя ее кротость. Ему хотелось выплеснуть свою злобу. Снимая обувь, он не смог развязать шнурок. От злости кровь ударила ему в голову. Не в силах больше сдерживаться, он опять грязно выругался.

Юдка вздрогнула, но сразу поняла, что так разозлило мужа, и молча подошла к нему. Опустившись на колени, она начала развязывать узел на его шнурке. Но, так как руки ее дрожали и узел был крепко затянут, она не смогла быстро с ним справиться. Даниш грубо ее оттолкнул, и она, потеряв равновесие, упала на пол. И тут произошла ужасная сцена: человек, превратившийся в кровожадное животное, стал вымещать на беззащитной жертве накопившееся у него зло. Закон защищает даже преступника, гарантируя ему человеческое обращение, но он не может защитить жену от собственного мужа, который в своей жестокости превзошел зверя.

— Я тебе покажу, как жить с чужими богами и с чужой верой! — кричал Даниш в гневе. — Ты перестанешь презирать всех нас и вводить новые порядки. Пусть теперь поможет тебе твой Иисус, если Он всегда с тобой!

Разъяренный, он схватил беззащитную женщину, которая не сопротивлялась и не просила пощады, и выбросил ее за дверь, которую потом запер. Несколько минут он метался

по комнате, как лев в клетке, а потом прямо в одежде бросился на кровать и вскоре захрапел.

Юдка долго пролежала без движения у порога дома. Глухие раскаты грома предвещали грозу. Они раздавались все ближе, напоминая мощный стук колес и цоканье бесчисленных копыт. Не приближалось ли небесное войско, чтобы отомстить за ту несправедливость, которую на земле сильные чинили слабым, в том числе и за ту, которая совершилась в доме молодого каретника, где еще вчера царило семейное счастье?

Сверкнула молния и осветила двор и скорчившуюся на земле женщину. Застучали по крыше первые крупные капли дождя. Гроза разбудила Имриха Леготского, и он вышел на улицу, чтобы стряхнуть с себя остатки хмеля. Проходя мимо дома, он наткнулся на что-то мягкое. «Хвост собаки, — решил он про себя. — Но собака пошевелилась бы». Чтобы узнать, что у него под ногами, он нагнулся и понял, что держит в руке мокрую женскую косу. Снова сверкнула молния, и в ее неярком свете он увидел страшную картину.

— Юдка! — вскрикнул он и, схватив женщину в охапку, побежал со своей ношей в мастерскую Даниша.

Имрих положил Юдку на лежанку и склонился над ней. «Да она еле дышит и вся в крови. Кто-то избил ее ремнем или веревкой. Наверное, Даниш вернулся домой пьяным и... Неужели можно так, почти до смерти, избить человека!» — Леготский содрогнулся от ужаса. — «Какое все же страшное это пьянство!» — пронеслось у него в голове.

Он осторожно вытер кровь с лица Юдки. «Неудивительно, что Сузанка не захотела меня сегодня видеть. Ведь Даниш намного мягче меня. В трезвом виде он и мухи не обидит. Юдку он любит больше жизни, а вон как ее избил! Если об этом узнает Сузанка, она меня не захочет видеть. Все, я никогда не буду пить, иначе тоже озверею. Сегодня я чуть не высадил дверь, когда тетушка Грубик не захотела меня впустить... Кажется, Юдка вздохнула. Ох, зашевелилась, бедненькая». Имрих едва не расплакался.

Юдка застонала и открыла глаза. Сначала она смотрела в одну точку, как бы недоумевая,

а потом лицо ее передернулось, словно она вспомнила что-то ужасное. Имрих наклонился над ней:

— Юдка, что с тобой? Я нашел тебя у порога дома полумертвой. Наверное, Даниш пришел пьяный и побил тебя? Почему ты не прибежала за помощью ко мне? Я бы ему задал!

Она ничего не ответила и попыталась подняться, но, застонав, упала без сил на лежанку.

— Имрих, принеси мне, пожалуйста, немного воды, — проговорила она слабым голосом. — И если в твоём сердце осталась хоть капля Божьей любви, посмотри, пожалуйста, что делает Даниш. Он был так пьян, что не знал, что творил. Как бы он не обидел Иосика или над собой чего не сделал. В комнате на сундуке лежит моя одежда, принеси ее, пожалуйста.

«И она еще заботится о нём», — удивился Имрих. Он дал ей напиться и вышел, чтобы выполнить Юдкину просьбу.

Дождь кончился, но сильный ветер раскачивал деревья в саду. Слышны были удаляющиеся раскаты грома.

Имрих вошел в комнату брата и увидел его храпящим в одежде на кровати, ребенок тихо посапывал во сне. Ругнувшись про себя на Даниша, Имрих схватил с сундука одежду и поспешил вернуться к Юдке.

Она уже сидела на лежанке и поправляла на себе порванное и испачканное кровью платье. С трудом она подошла к ведру с водой, принесенному еще с вечера, и вымыла лицо и руки. Прохладная вода слегка освежила горевшие ссадины. Юдка не плакала и не жаловалась, в ней словно умерли все чувства. Взяв одежду, которую принес Имрих, она лишь вопросительно посмотрела на него.

— Иосик спокойно спит, — произнес Имрих, — твой тоже. Ветер распахнул ворота, пойду закрою.

Когда он вышел, Юдка переоделась. Имрих встретил ее уже в дверях.

— Спасибо тебе, Имрих, за то, что ты сейчас был так добр ко мне, — сказала она, пожав ему руку.

Едва сдерживая рыдания, Имрих смотрел вслед удалявшейся Юдке, которая медленно

шла к дому. Он еще раз про себя ругнулся на Даниша и решил завтра, когда тот проспится, все высказать ему.

Когда Юдка вошла в комнату, ей показалось, что тусклый свет догоравшей лампы как будто выхватил из темноты ужасные картины этой ночи. Остановившись у кровати, она всмотрелась в лицо человека, который когда-то был для нее самым дорогим и близким. Он был отцом ее ребенка. Она старалась вспомнить их любовь, все самое хорошее, связанное со словом «супруг». Но раны ее сердца были слишком глубоки, и лежавший перед ней человек стал ей чужим. Его злодеяние разорвало их семейные узы. Страх и отвращение убили в ней супружеское доверие. Юдка подумала, что, если бы он вдруг проснулся трезвым и за-

хотел бы ее обнять, она не смогла бы прильнуть к нему.

С тяжелым, как стон, вздохом, она отвернулась от мужа. Что ей здесь еще было нужно? Зачем оставаться в доме, где ей нет места даже в сердце Даниша? Любимого мужа для нее больше не существовало. Она открыла сундук и сложила в узел два платья и белье.

«Я тебя выброшу, как собаку, — кричал Даниш, когда бил ее, — иди к своему святому брату!» Она исполнит его повеление и уйдет. Завтра на мельницу приедут люди с зерном, а она будет в таком виде. Что они подумают о Данише? Да, она уйдет и скроет его жестокость.

Собрав самое необходимое, она взяла свой большой платок и подошла к кроватке сына. Как его взять, чтобы он не проснулся? Малыш так сладко спит... Склонившись над ребенком и пытаясь взять Иосика на руки, Юдка почувствовала, что у нее не хватит сил, чтобы нести его. На дворе ненастье, и она может упасть на дороге. «Иосик был не только моим ребенком, но и Даниша тоже. Нужно ему для утешения оставить сына... Но кто будет ухаживать за ним?» Сердце матери разрывалось на части.

— Господь Иисус Христос, — простионала она, — я не могу оставить здесь Иосика.

Собравшись с силами, Юдка подняла ребенка. Он открыл глаза и прошептал: «Мамочка!», доверчиво положив свою белокурую головку на грудь матери, и снова уснул. Он и не подозревал, с какой болью добрая мать уносила его из этого дома. Он не видел ее страданий, когда она прощалась со своим земным счастьем, и не знал, что только молитва давала ей силы уйти в такую ночь. Молния освещала им путь, а глухие раскаты грома сопровождали их, подобно печальной музыке.

Юдка сама не знала, как добралась до хижины брата. Не раз она думала, что упадет от боли и слабости. Не было бы с ней ее Иосика, она легла бы где-нибудь под кустом, не думая о том, что будет с ней дальше. Но мысль о ребенке придавала ей силы, и она продолжала идти вперед.

Подойдя к хижине, она постучала в окно и сразу услышала приветливый голос брата, который ей показался голосом с небес.

— Впусти меня, пожалуйста, Ян, — крикнула она из последних сил, прислонившись к стене.

— Юдка! Это ты?

Он выбежал на улицу и повел, вернее, понес сестру. В комнате он взял из ее рук ребенка и быстро зажег лампу. Ян ни о чем не спрашивал, так как догадался об ужасной правде. Молча он целовал ссадины Юдки на лице и на руках. Прильнув к брату и видя в его глазах слезы, она разрыдалась. Выплакавшись в его объятиях, она рассказала Яну о том, что произошло.

Сердце Яна обливалось кровью. Он помог Юдке раздеться и, как маленького ребенка, уложил ее в постель. Со слезами они обратились к своему Небесному Отцу, прося у Него помощи, сил и мудрости на последующие дни. После горячей молитвы мир наполнил их сердца, и они почувствовали близость дорогого Иисуса и уверенность в том, что Он их не оставит.

Когда они оба немного успокоились, первым заговорил Ян:

— Не бойся, Юдка, однажды мы будем у Иисуса, где нет больше ни плача, ни скорбей, там Отец наш Небесный сотрет все слезы с нашего лица. Даниша мы должны простить, он

сам не знал, что делал. *«Так будут поступать, потому что не познали ни Отца, ни Меня»*¹.

И снова чудный покой наполнил ее сердце, и она испытала такое блаженство, которое нельзя выразить словами. Господь укрепил ту, которую удостоил пострадать за Него.

Чтобы облегчить боль Юдки, Ян завернул ее в мокрую простыню, и боль действительно поутихла. Когда сестра наконец уснула, он до утра простоял на коленях у ее постели, отгоняя молитвой мрачные мысли о том, что, если Даниш повредил ей внутренние органы, она на всю жизнь может остаться калекой.

— Нет, Иисус, — повторял Ян снова и снова, — Ты этого не допустишь. Лучше Ты возьмешь ее к себе. Но если она умрет, то кто будет воспитывать Иосика? Мне Леготские не оставят мальчика и воспитают его таким же безбожником, как они сами. О, Иисус Христос, верни ей здоровье! Прости и помилуй Даниша, дай ему покаяние.

И эта молитва была услышана Небесным Отцом.

¹ Ин. 16:3.

Трудности

На другое утро Даниш проснулся с тяжелой головой, как это бывает с сильного похмелья. Он редко напивался, и теперь ему было стыдно. Даниш не был пьяницей, его причисляли к «умеренным», считая, что умеренно пить полезно. До женитьбы он часто напивался с ребятами, особенно когда служил в армии. Но женившись на любимой девушке, в угоду ей перестал ходить в пивную.

У Леготских была горячая кровь: выпив, они становились жестокими. Люди старались не затевать с ними ссор, а Даниш в семье был самым тихим.

Проснувшись, он обвел взглядом пустую комнату. «Наверное, Юдка готовит на кухне завтрак», — подумал он. Вдруг он увидел на столе нетронутый ужин и вспомнил все, что произошло вчера. Воспоминание о случившемся было подобно вспышке, у Даниша потемнело в глазах. Вчера он был сильно пьян, но все же помнил, как побил жену и выбросил ее за дверь. От ужаса кровь застыла у него в

жилах. Он попытался понять, из-за чего все произошло. Припомнил вчерашнее воскресное утро. Как обычно, Юдка принесла ему чистое белье, и он переоделся. В субботу, когда он смотрел, как она купала Иосика, сердце у него таяло от любви к жене и сыну. Когда Юдка подавала ему чистое белье, он хотел обнять ее и поцеловать. Только пусть она больше не говорит ему о новой вере, которая его приводит в бешенство. Пока он размышлял об этом, в комнату заглянула Катерина, и он так и не успел приласкать жену.

— Кто-нибудь из вас пойдет в церковь? — спросила незваная гостья.

— Да, мы хотели бы пойти вдвоем, если Бетка присмотрит за ребенком, — ответил Даниш.

— Отчего ж не присмотрит? А ты, Юдка, на обратном пути купи все что нужно, чтобы завтра испечь хлеб. А сегодня можно потолочь орехи и мак.

— Пожалуйста, Катерина, оставим это до завтра! Воскресенье — день Господень. Завтра я все успею сделать. В воскресенье печь — грех, — осмелилась попросить Юдка невестку.

— Еще не хватало завтра специально идти в магазин! — пробурчал Даниш. — Мимоходом купишь что нужно, а мак я уж сам потолку.

Юдка одевала Иосика и не сразу ответила.

— Так что, купишь или нет? — закричала Катерина.

Даниш вспомнил, какой бледной была жена, когда посмотрела прямо в глаза Катерине и твердо сказала:

— Если для вас в воскресенье ходить в магазин не грех, то для меня — наоборот. Я не хочу и дальше испытывать Бога. Достаточно, что я раньше жила, как язычница!

— Значит, мы язычники?! — слышался из дверей грубый голос Юрия. — Подумать только, одна она христианка!

— Я не сказала, что вы язычники, — ответила Юдка. — Но печально, что вы, называющие себя христианами, злитесь на меня за то, что я хочу быть послушной Богу. Вы не хотите соблюдать воскресный день, иначе не работали бы сегодня на мельнице.

— Смотри-ка, Даниш, — слышался насмешливый голос старого мельника, — какая умная у тебя жена!

Никто не заметил, как он вошел. Данишу от его слов стало не по себе, он почувствовал недоброе.

— Ну что, святая Юдка, в чем ты упрекнешь меня? — продолжал насмеяться мельник.

Даниш увидел, что Юдка еще сильнее побледнела, а потом сказала:

— Вы на меня рассердитесь, отец, но я все-таки спрошу вас. Вот вы каждое утро ездите на ярмарку. Для чего Бог дал вам шесть дней в неделю? Почему Его день вы используете для дел, которые Ему неуютны? А тебя, Даниш, прошу, хоть ты не нарушай закон Божий, чтобы Господу не пришлось тебя наказывать. Я читала, что за грехи Бог взыщет с нарушающих Его заповеди до третьего и четвертого рода.

Они выслушали Юдку не перебивая, так как ее смелость их ошеломила. Но как только женщина замолчала, на нее обрушился целый поток брани. Леготские хором проклинали ее и ее брата Яна. Вдоволь накричавшись, они гуськом вышли из комнаты, оставив Юдку наедине с Данишем. Совесть подсказывала Данишу, что он должен был заступиться за жену

и не допустить, чтобы ее так обидели, но он не послушался этого голоса.

— С меня хватит! — недовольно проворчал он, когда все ушли. — Прекращай такие речи, иначе ты нас всех разозлишь. Не большой ли грех, что ты вносишь разлад? Неужели тебе трудно купить все, что нужно?

— Даниш, почему и ты так несправедлив ко мне? Ты ведь знаешь, что я сказала правду. Что же мне делать, если они на нее злятся? В воскресенье я не могу и не хочу покупать или работать. Господь Иисус Христос простил мне мои грехи. Что же мне, новыми грехами Его распинать?

— А если я тебе прикажу?

— Лучше не приказывай, потому что не слушаюсь. И тогда вообще не пойду с тобой в церковь.

— Ты меня не слушаешь?! — еще сильнее разозлившийся Даниш загородил ей дорогу.

— Нет, Даниш! — проговорила она твердо, дрожа всем телом.

— Ну что ж, посмотрим, кто в доме хозяин! — крикнул он зло и хлопнул дверью.

Он ушел, даже не позавтракав. По пути в церковь его зло все росло. Однажды он сказал Яну, что не хотел бы, чтобы Бог жил в их доме, все видел и слышал. Теперь он чувствовал, что этот Бог знал о случившемся и, наверное, был на стороне Юдки. Его душила ненависть к Богу, и он еле-еле дождался конца богослужения. Из церкви он отправился со своими бывшими друзьями прямо в пивную. Там за рюмкой он просидел до позднего вечера и только к ночи пришел домой, а потом... Потом он выполнил обещанное: показал Юдке, кто в доме хозяин. Пусть поймет, что ее ожидает, если она не будет повиноваться.

«С ней нельзя было поступить иначе. Я не тряпка и не потерплю, чтобы жена со мной так обращалась. Сегодня она от меня не услышит ни одного слова, как бы ни просила об этом. Помирюсь с ней только в том случае, если она пообещает больше не ходить к Яну. Хоть бы этот Ян где-нибудь свернул себе шею. Как хорошо мы жили раньше, и до чего она довела меня теперь! Я не жалею, что преподал ей хороший урок! Зачем она меня так разозлила? Пошла бы со мной в церковь и ку-

пила бы все, и тогда бы я не напился. Сама виновата», — так Даниш оправдывался перед собой за вчерашнее поведение.

Прошло уже немало времени, а Юдка все не появлялась в комнате. Даниш оделся и вышел во двор. Никого не увидев, он зашел в кузницу.

— Доброе утро! Выспался? — спросил его Имрих.

— А тебе что за дело? Я тебя не трогал, — хмуро ответил Даниш.

— Руки коротки. Я тебе не Юдка!

«Что он этим хочет сказать?» — подумал Даниш.

— Она что, жаловалась? Я ее наказал за непослушание! — ответил он высокомерно.

— Полумертвые не жалуются. Даже если бы она и провинилась, то все равно не заслуживала такого наказания.

И Имрих рассказал брату, где он нашел Юдку и какая она была. Даниш слушал, опустив голову, и молчал.

— Как она сейчас? — поинтересовался Имрих.

— Ее нет дома, — нехотя проговорил Даниш.

— Наверное, еще ночью она к Яну пошла. Хотел бы я знать, как она добралась, если едва могла стоять на ногах.

Даниш, не дослушав брата, кинулся в дом искать свою жену. Только теперь он заметил, что Иосика тоже нигде нет. Тогда он понял, что Имрих говорит правду, и сердце у него сжалось еще сильнее.

Напрасно жена Юрия успокаивала его, узнав о случившемся прошлой ночью.

— Не переживай, Даниш, меня Юрий не раз колотил, а я никуда не делась и, как видишь, живая. Не ищи ее, может, у нее какие синяки остались, и ей стыдно перед людьми. А в хижине брата ее никто не увидит. Скоро она вернется и еще будет умолять, чтобы ты ее принял. Тогда и скажи ей, что примешь с одним условием:

пусть перестанет корчить из себя святую и устраивать ссоры в доме!

Даниш слушал молча. Ему хотелось согласиться с Катериной, но он не мог освободиться от чувства вины. Сознание того, что Юдка невиновна и несправедливо им обижена, как мельничный жернов, придавило его сердце. К Яну за женой он не пошел, потому что ему было стыдно. Данишу казалось, что все вокруг померкло и опустело. Он потерял самое дорогое для него на свете — жену и ребенка. Ему хотелось принести их обратно на тех сильных руках, которые в прошлую ночь немилосердно истязали беззащитное тело Юдки. Ну как показаться ей и Яну на глаза? От стыда он готов был провалиться сквозь землю.

Имрих видел, что Даниш не находил себе места. Сперва он злорадствовал, а потом понял, что его брату было действительно тяжело. Может быть, Юдка сильно заболела?

«Ян ее ни за что не выгонит. Но если в долине узнают о случившемся, то Сузанка, услышав об этом, подумает, что все Леготские такие, — размышлял Имрих. — Она уже не раз говорила, что не выйдет за пьяницу, который

будет ее избивать. До сегодняшнего дня, как только она начинала говорить о постоянных ссорах в нашем доме, я сразу ставил Даниша в пример. А теперь что? К тому же она видела меня пьяным и помнит, как я ломился в ее дверь. Если услышит от других о случившемся, вообще перестанет мне верить».

Имрихом овладело беспокойство, и страх заставил его после обеда покинуть мельницу. Никого не предупредив, он побежал к Яну Терновскому. «Расскажу Юдке, как мучается Даниш, и буду умолять ее вернуться домой. Сам он не посмеет прийти, потому что ему стыдно. Может быть, она меня послушает и вернется прежде, чем все узнают о происшедшем».

Увидев издали хижину Яна, Имрих вдруг вспомнил про майское дерево и понял, что у Яна появилась возможность отомстить. «Теперь я увижу, такой ли он христианин, за какого себя выдает. Ответит ли он злом на зло?»

Нелегко было Имриху зайти в дом, который был опорочен майским деревом, поставленным парнями. Но страх — тиран, и хорошо если тот, кем он завладел, сделает все, чтобы

от него освободиться. Через мгновение брат Даниша стоял в мастерской перед Яном.

— Юдка наша у тебя? — поздоровавшись, спросил Имрих и покраснел от стыда за брата. Ему было нелегко взглянуть в печальное лицо Терновского.

— Да, — коротко ответил Ян.

Затем, словно очнувшись, он приблизился к Имриху и протянул ему руку.

— Благодарю тебя, что ты помог Юдке этой ночью.

Неожиданные слова благодарности, произнесенные Яном, ошеломили и тронули Имриха.

— Ян, прошу тебя, — умолял он, — не сердись на Даниша. Он был пьян и не знал, что делал.

— Я не сержусь, — ответил Ян, — знаю, что Даниш не ведал, что творил, как и те, которые распинали на кресте нашего Спасителя. Да простит его Бог, как я прощаю. Но тебе, Имрих, пусть это послужит хорошим уроком, чтобы перестать пить. Мы с тобой знаем, что Даниш — вовсе не злой человек и очень любит Юдку. А вот что натворил! И ты в таком состо-

янии также сможешь обидеть дорогого тебе человека, и потом ничего нельзя будет исправить. Заходи в комнату, другого бы я не пустил, но ты нашел Юдку и помог ей в самый скорбный для нее час.

Имрих молча пошел за Яном. «Как он говорит, как по книге, но он прав», — подумал Имрих и представил себе милое лицо Сузанки. Чтобы не потерять ее, он пришел сюда.

Ян подвел гостя к постели, где лежала его сестра. Увидев Юдку, Имрих ужаснулся. Ее трудно было узнать, так изуродовала ее лицо широкая синяя полоса под распухшим правым глазом. «Если бы я так поступил с Сузанкой!» У Имриха к горлу подступили слезы, и он едва не зарыдал.

— Она спит, — произнес Ян. — Можешь сесть у окна. Бедная Юдка всю ночь не спала.

— А как она сюда добралась?

— Не знаю. Господь Иисус Христос, ради Которого она все это вынесла, укрепил ее.

— Иосик тоже был с ней?

— Да. Малыш словно прилип к ее телу и был так спокоен, будто понимал, что мать

нельзя тревожить. Я его уложил, сейчас он спит.

Ян и Имрих, думая каждый о своем, смотрели на спокойно спавшего ребенка. Не проронив ни слова, они сели у окна на скамейку. Первым прервал молчание Имрих.

— Скажи мне, Ян, почему человек иногда совершает зло, которое не хотел делать и даже не думал о нем?

— А потому, Имрих, что порой человек оказывается в руках сильного повелителя, которому вынужден подчиняться.

— Какого повелителя?

— Дьявола.

— Значит, ты считаешь, — мрачно спросил Имрих, — что мы служим дьяволу?

— А разве Даниш Богу послужил? Сначала он в угоду дьяволу не защитил свою жену, когда ее поносили за то, что она, как настоящая христианка, хотела в воскресный день прославлять Бога. Он, наоборот, угрожал ей и заставлял покориться. Затем дьявол повел его в пивную и разжег в нем ненависть к Юдке. Дьявол не мог вынести, что она в вашем доме хотела прославлять Бога, и хотел отомстить ей

за это. Мне очень жаль Даниша, ведь он находится во власти темной силы.

«Как беззлобно он это сказал, и мне кажется, что он прав», — подумал про себя Имрих.

— А ты не подчиняешься воле дьявола? — спросил он Яна.

— Нет, Имрих, слава Богу! Дьявол может меня искушать, но не управлять мною. *«Всякий, делающий грех, есть раб греха. Если Сын освободит вас, то истинно свободны будете»*¹. Сын Божий пришел освободить и вас, только нужно принять Его. И тогда вы не будете служить дьяволу и греху, потому что вы примете Того, о Котором написано, что Он освобождает от рабства.

Вдруг Юдка зашевелилась, застонала и открыла глаза. Ян с Имрихом подошли к ее постели. Услышав это, она попросила воды, и брат дал ей напиться.

— У тебя еще болит бок, Юдка? — спросил он, и в его вопросе прозвучали теплота и участие.

— Нет, Янко, только когда шевелюсь. А где Иосик?

¹ Ин. 8:34, 36.

— Он еще спит. Лежи спокойно, — проговорил Имрих.

— Ты здесь, Имрих? — с тревогой спросила она.

— Да, Юдка. Я не находил себе места и хотел узнать, как ты. Поверь мне, я очень сожалею о случившемся с тобой, — сказал он и взял ее тонкую руку в свою ладонь.

— Верю, Имрих, и благодарю тебя, что ты пришел меня проведать.

В глазах Юдки заблестели слезы.

— А что делает Даниш? — спросила она после некоторого колебания.

«Она еще и спрашивает о нем!» — подумал Имрих, краснея за брата.

— Мучается, живет в разладе с собой. Знаю, ему хочется прийти сюда, но как? Ему стыдно перед тобой и Яном. Но если бы он знал, что ты лежишь, он бы не удержался и пришел.

— Не говори ему, — умоляюще попросила Юдка, не выпуская своей руки из его горячих ладоней. — Никому не говори, Имрих, прошу тебя. Пусть люди не знают, что Даниш со мной сделал. Если он будет тосковать, то придет

сюда, если нет, то... Лучше я умру, чем буду жить с вами в грехе и порочить Иисуса Христа. О Имрих, если бы ты знал, как Он добр! Смотри, какое несчастье со мной приключилось. Муж, которого я так любила и уважала, с которым жила, как птичка в гнездышке, так меня обидел. Он разорвал узы, связывавшие нас, и, как собаку, выбросил меня из дома. Когда я думала обо всем этом, мне казалось, что сердце у меня разорвется от горя. Но Иисус Христос заменил мне все, что я потеряла, утешил меня и помог простить Даниша.

От изнеможения она замолчала и закрыла глаза. Ян и Имрих печально и задумчиво склонились над ней.

Имрих не стал больше задерживаться у Терновских.

— Вечером я зайду к вам, — сказал он Яну уже за дверью и, пожав на прощанье руку, ушел.

«Нет, Юдка не может вернуться домой, — рассуждал Имрих, направляясь к мельнице. — Кто знает, когда она поправится? Данишу придется долго просить у нее прощения за то, что он ее так обидел. А Сузанка все равно обо

всем узнает. Надо бы пойти к ней и все рассказать, а то люди насочиняют многое, и будет еще хуже».

Имрих оглядел себя. Конечно, для свидания он был одет неподходяще, но сейчас это казалось ему неважным. Не таким радостным, как обычно, шел он сегодня к Сузанке. Он испытывал чувство вины и не знал, с чего начнет разговор. Если бы Сузанка не увидела его из окна, он бы, наверное, повернул обратно. Но теперь уходить было поздно. С тяжелым сердцем Имрих вошел в дом. Сузанка сидела за шитьем, и в комнате, кроме нее, никого не было. По выражению ее лица было заметно, что она не ожидала увидеть Имриха.

— Ты зачем пришел? — спросила она, не выразив радости от встречи.

— Я пришел попросить у тебя прощения, — начал он, краснея, — и пообещать, что больше ты никогда не увидишь меня пьяным. Вчера в нашем доме случилась беда, которая произошла из-за пьянки. И это меня вылечило. Я при-

шел, чтобы самому тебе обо всем рассказать, хочу, чтобы о случившемся ты узнала от меня, а не от чужих людей. И не думай, что я от тебя что-то скрываю.

Отложив работу, Сузанка молча выслушала рассказ Имриха о том, что было вчера на мельнице.

— А Ян умеет ухаживать за больными? — спросила она с тревогой. — Если Юдка больна, да еще Иосик с ней, одному ему не справиться.

— Не знаю, — пожал плечами Имрих. — У Яна никого нет, и он не хочет, чтобы люди узнали о том, что случилось.

— А я уже знаю, и мне все равно, где шить: здесь или там. Сидя у постели Юдки, я хоть воды подам, да и за ребенком буду присматривать. Ты обещал Яну зайти вечером, но вечером я занята, у меня будут гости, поэтому я схожу к ним днем. Нам нельзя оставлять Терновских в беде, иначе они будут правы, называя нас язычниками.

Сердце Имриха наполнилось радостью, какой он никогда раньше не испытывал. До сих пор он любил Сузанку за красоту и привлекательность, а сегодня впервые понял, какая она добрая и отзывчивая. Она верит, что вместе с ней он тоже готов делать добро для других. Держа ее за руку и глядя ей в глаза, он спросил:

— Сузанка, ты уже не сердишься на меня?

— Нет, не сержусь, Имрих, потому что и я не такая, какой должна быть, — ответила девушка, глядя ему в глаза. — Скажи ребятам, чтобы они больше не приходили в мой дом.

— Ты и для меня закроешь дверь? — спросил он испуганно.

— Нет, для тебя не закрою, потому что ты хочешь исправиться, не так ли?

— Да, Сузанка, если только ты не оставишь меня. Я исправлюсь, вот увидишь.

— Пойдем во двор. Я предупрежу маму, что буду у Терновских. Подожди меня под яблоней, пройдемся немного вместе.

Имрих терпеливо ждал, радуясь, что она его простила и позволила приходить к ней. Его ра-

довало, что она запретила ребятам, которые всегда были ему неприятны, приходить в ее дом. Они на него, конечно, разозлятся и подстроят что-нибудь. Но по крайней мере не придется ходить с ними в пивную.

По дороге к хижине Яна Имрих спросил Сузанку, почему она не хочет, чтобы к ней приходили ребята. В ее глазах вспыхнуло негодование, а потом она печально проговорила:

— Когда тебя вечером не бывает, они много себе позволяют: один лезет целоваться, другой пытается обнять, третий говорит пошлости. Мне это противно, и я так больше не хочу. Правда, я нехорошая, но не такая, как они обо мне думают. Я не для каждого готова на все, нет!

Она была сердита, и Имриху, чтобы не рассердить ее еще больше, пришлось на прощание лишь сердечно пожать ей руку, хотя от радости он прижал бы ее к своему сердцу.

— Прощу, Сузанка, останься у Юдки до моего прихода. Я хочу тебя еще раз увидеть, — умоляюще попросил он.

Улыбнувшись, она кивнула ему и скрылась в дубовой роще.

Воспоминания

Прошла неделя с того воскресенья, когда Павел с Илонкой ходили за земляникой и нашли счастье, с которым человек встречается только раз в жизни. Что бы потом ни случилось, возвышенное чувство, однажды вспыхнувшее в сердце, никогда не забудется.

В субботу во время обхода Павел Муртин нашел поваленный бурей гигантский дуб. И теперь он ждал плотника Терновского, обещавшего прийти посмотреть это дерево. Павел прилег на траву. Кругом было тихо, ничто не отвлекало от мыслей, и в воображении он перенесся в свой дом, стараясь представить любимых и дорогих ему людей. Интересно, что они сейчас делают? Теперь каждый день, закончив обход, он торопился домой и с нетерпением ждал встречи с любимой.

Андрей тоже работал с хорошим настроением. Он привез доски и готовил из них материал для покрытия полов в двух комнатах. Вчера он намекнул Павлу, что скоро хочет жениться.

«Почему я не сказал ему о своем намерении? — подумал Павел. — Можно было бы сразу сыграть две свадьбы. Почему не могу ему открыться? Ведь тогда Илонка станет моей раз и навсегда. Я еще не говорил ей, что люблю, но она, наверное, догадалась и любит меня не меньше, чем я ее».

Павел приносил для любимой из леса букетики цветов или сладкие ягоды, а она украшала его комнату цветами из сада. Андрей и Илонка часто беседовали или о чем-то совещались, а на Павла она украдкой бросала взгляды из-под длинных ресниц. В такие минуты ему казалось, что ее улыбка освещает весь дом.

В прошлый вторник Андрей съездил на ярмарку в Ц. и привез Илонке много подарков. В тот день Павел задержался в управлении и пришел домой поздно. В подарок Илонке он принес красивую голубую ленту. Она поблагодарила Андрея за подарки, а Павлу молча протянула руку, и он увидел радость в ее глазах.

Он должен ей сказать, как она ему дорога, и услышать в ответ, что и она его любит. Потом они вместе пойдут к тете и Андрею, который

вырастил и воспитал Илонку. Павел попросит ее руки, и когда она будет принадлежать ему полностью, то душа его, наверное, обретет покой.

«Если я женюсь, со мной рядом всегда будет близкий человек, которому я буду принадлежать душой и телом. И тогда меня перестанут мучить мысли о том, что человек должен жить иначе, что он рожден для чего-то более высокого. Но какой я странный, — спрашивал он себя, — зачем я тоскую по тому, что мне самому не известно, даже не зная, где его искать? Мне выпало такое счастье, а я чувствую себя так, как будто попал в разрушенный дом, в котором вынужден жить».

Павел задумался и вытянулся на траве. Закинув руки за голову, он предался своей странной тоске. словно купол чудесного собора, над ним смыкались кроны вековых дубов. Недалеко от них сквозь траву пробивался родник, прячась среди пушистых листьев папоротника. Чуть дальше ручей извивался серебристой лентой среди незабудок, которые глядели голубыми глазками в синее небо. Вдали куковала кукушка, немного ближе стучал дя-

тел, белки весело прыгали с дерева на дерево. Большие разноцветные бабочки порхали над цветами. Трели соловья раздавались в долине. Цветущие хвойные деревья распространяли пьянящий аромат. Там, где деревья расступались, виднелись горы, окружавшие долину с пестрыми лугами. Небо было синим, без единого облачка. А что там выше, за небом? Мир, умытый вчерашним дождем и утренней росой, был прекрасен и чист. Солнце озаряло все вокруг, стараясь пробиться в каждый темный уголок. Да, мир был наполнен чистотой, небо — светом! Только он, Павел, был мрачен. Годы военной службы, грязные дела, о которых никто не знает. Да, он запятнал себя, чистота его теперешней жизни не очистит его от старой грязи. Но кто-то должен помочь в этом Павлу.

Любовь к Илонке не избавила его от тоски. Душа не могла смириться с пятнами греха и тосковала. Павел понял, что если не вылечит свою больную душу, то даже Илонка не принесет ему полного счастья. Где найти лекарство от душевной скорби и как себе помочь?

Он услышал шуршанье сухих листьев под ногами приближавшегося к нему человека и

поднялся с травы. По тропе шел Ян Терновский, которого Павел ждал. Они поздоровались.

— Это дуб, о котором ты говорил? — спросил Ян.

— Да, думаю, что тебе надо его купить. Где еще найдешь такой здоровенный ствол?

Павел и Ян внимательно осмотрели дерево, после чего Ян сел на него, чтобы немного отдохнуть после быстрой ходьбы.

— Ты спешил? — поинтересовался Павел.

— Да, дома много работы.

Они обговорили условия покупки дуба. Павел должен был сообщить в лесничество, за сколько плотник хочет купить дерево, и передать Яну, согласны ли с его ценой.

— Как хорошо в горах! — заметил Ян, напившись из родника. — Хорошая у тебя служба, Павел, среди такой красивой природы! А такая тишина, как здесь, была, наверное, только вокруг Адама на только что созданной Богом земле.

«Ага, верно, — подумал про себя Павел, — ведь у него другая вера, которая не позволяет ему грешить».

— Послушай, Ян, брат мне говорил, что ты не нашей веры. Это правда? — осмелился спросить он.

— Сначала я должен знать, Павел, во что ты веришь, — ответил он с улыбкой, — а потом скажу о своей вере.

— Во что верю? — удивленно переспросил Павел. — Почти ни во что. Меня эти дела не интересуют, — немного подумав, ответил он простосердечно.

— А я верю во все, о чем написано в Священном Писании, — это и есть моя новая вера.

— Другие ведь тоже верят Священному Писанию, но я слышал, что ты совсем праведно живешь, не обманываешь, не ругаешься.

— Вернее, мне не приходится этого делать, потому что Господь Иисус Христос освободил меня от грехов.

— Как это освободил? — удивился Павел.

— Грехи, которые были совершены мною еще до того, как я Его познал, Он мне простил, смыв их Своей кровью. Он также освободил меня от грехов, которые уже были в моем сердце. Для меня Он — Бог, Творец и Спаситель.

— Мне это трудно понять.

— Представь, что когда-то ты согрешил против Бога. У тебя в сердце нет покоя, тебе кажется, что нет возможности исправить случившееся, и ты думаешь, что таким останешься на всю жизнь. Ты желал бы очиститься, но знаешь, что никто из людей не в силах тебе помочь. И вот кто-то тебе говорит: «Иди к Христу, к Распятому Сыну Божьему!» — и ты послушно идешь к Нему, и Он ради крови Своего Сына принимает тебя, прощает и очищает. Но чтобы ты впредь не грешил, Он избавляет тебя от желания грешить. Вот так Он поступил со мной. Слава Ему! Ну, мне пора домой.

— А теперь еще можно к Нему прийти?

— Конечно, можно! Иисус Христос говорит: *«Приидите ко Мне, все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас»*¹, и в другом месте сказано, что Бог бросил все твои грехи

¹ Мф. 11:28.

«за хребет Свой»¹. Как если бы к твоей спине или груди был привязан тяжелый камень, который сам ты не в силах сбросить, он давил бы тебя, не так ли? Но если бы я снял с тебя этот камень и бросил бы его себе за спину, разве он продолжал бы тебя давить?

— Нет, конечно, — засмеялся Павел.

— Вот видишь, так поступил Иисус Христос с моим грехом. И грех меня больше не тяготит!

— И ты думаешь, что Он так же поступит и с моим грехом?

— Конечно, если ты принесешь его Иисусу Христу. Может быть, ты не веришь моим словам, Павел? У тебя дома, наверное, есть Библия, бери ее с собой в лес и читай. Тогда сам во всем убедишься. Теперь же — с Богом!

— С Богом!

И они расстались. Павел в глубоком раздумье пришел домой. После обеда он долго ходил по комнате, словно искал выход.

¹ Ис. 38:17.

— Знаешь что, Андрей, — обратился он к брату, — пусть Ян Терновский настелит нам полы в комнатах. Он, кажется, неплохой парень.

— Почему бы нет? Если ты так хочешь, я поговорю с ним. Материалы у нас уже готовы, на следующей неделе можно начинать. После обеда сходите-ка с Илонкой за земляникой, а то до завтра могут все ягоды обобрать, — предложил Андрей.

— Почему именно сегодня? — проворчала тетушка. — У нас столько работы.

— Отпустите меня, мама, — стала упрашивать Илонка, — я потом все сделаю. Почему не сходить, если Андрей хочет?

— Я покажу Илонке хорошее место и сам помогу ей набрать ягод, чтобы поскорее вернуться домой, — пообещал Павел.

Тетушка Звара только пожала плечами и уступила уговорам дочери. Убрав со стола посуду, она вышла к Андрею во двор.

— Зачем ты отпустил их вместе, Андрей? — начала она, желая поделиться с любимым племянником своими опасениями. Мать не настолько была слепа, чтобы не видеть, что про-

исходит в сердце дочери, и хотела обратить на это внимание Андрея. Она заметила, что оба брата равнодушны к Илонке, но не знала, которого из них любит ее дочь. Сама матушка Звара мечтала, чтобы дочь вышла за Андрея. Павлу она не совсем доверяла. Он был солдатом, имел очень серьезный вид, и трудно было понять, о чем он говорит и что думает.

Андрей обнял тетушку:

— Я их отправил, дорогая тетя Звара, потому что хотел поговорить с вами. Я так сильно люблю вашу Илонку, что не могу выразить словами! И хочу на ней жениться, если вы мне ее отдадите.

— Тебе, сынок?! — обрадовалась тетушка. — Кому же, как не тебе, ее отдать? Как ты можешь в этом сомневаться? Когда она еще была ребенком, то у тебя на руках сидела лучше, чем у меня. Но ты хорошенько подумал? У нее ведь нет приданого!

— Я знаю. Мне от Илонки ничего не нужно. Я все сам для нее сделаю. Вот настелю полы в комнатах, поставлю сундук и кровать, сделаю новую печь на кухне. Закончу все и на следующей неделе возьму Илонку с собой на ярмарку

в Л., а по дороге признаюсь в любви. С ярмарки мы привезем сундук, а потом... — От восторга Андрей схватился за голову. — Ах, я не могу выразить, как я счастлив!

Тетушке хотелось радоваться вместе с племянником. Все ее тайные желания исполняются! Она знала, что у нее слабое здоровье, и боялась внезапно умереть. Что тогда будет с Илонкой? У Муртиных дочь не смогла бы остаться, потому что не была им родной сестрой. А теперь они будут жить здесь все вместе, и у дочери будет муж, лучше которого не найти.

Тетушка Звара и Андрей зашли в дом, чтобы обсудить, как они все организуют. Кроме сделанной домашней работы, они в этот день «построили» прекрасный воздушный замок будущего счастья.

В это самое время Павел стоял у поваленного дуба, на котором утром отдыхал Ян Терновский, а теперь Илонка с наполненным земляникой кувшином. Они не спешили домой. Утром Ян сказал, что здесь такая тишина, какая, наверное, была вокруг Адама в раю. А теперь Павел подумал, что Адам и Ева вряд ли чувствовали себя более счастливыми, чем они с

Илонкой сейчас. Он объяснился ей в любви и в ответ услышал ее тихие слова: «Я тоже тебя люблю».

— Илонка, я не могу без тебя жить, — проговорил он, садясь рядом. — Ты хочешь стать моей женой? Ты выйдешь за меня? Скажи «да», если любишь. Да, Илонка?

— Да, — прошептала она, опустив глаза от смущения.

Павел ликовал: «Она моя!» Ему хотелось кричать об этом на весь мир. Но, вот удивительно, даже в минуты этого величайшего счастья в его сердце была знакомая печаль. «Если бы я рассказал ей, какой я на самом деле, пошла бы она за меня?» — пронеслось у него в голове.

— Илонка, — сказал Павел очень серьезно. — Никто не знает, как я жил на военной службе, но ты должна знать, чтобы потом не упрекать меня за то, что я тебя обманул.

После минуты тягостного молчания он начал свой рассказ.

— В армии мы были вовсе не такими порядочными людьми, как я вам рассказывал. Мы воровали, где только могли, особенно на гра-

нице, напивались и дрались, гуляли с красивыми девушками и принимали их ласки. Другие ребята ходили в неприличные места, но я там ни разу не был. Жизнь, которую мы тогда вели, до сих пор не дает мне покоя. Мне кажется, что у меня на сердце лежит тяжелый камень, я не могу от него избавиться. Было бы лучше, если бы я никогда не служил, ничего не знал о соблазнах и остался таким, как Андрей. Ну вот я все тебе рассказал. Ты не побоишься выйти за меня замуж?

— Нет! — ответила, не задумываясь, Илонка. — Не печалься, все это осталось позади, и сейчас ты такой же хороший, каким был прежде.

Павел был рад, что она ему поверила и утешила его, но знал, что это утешение успокоит ненадолго. В душе Павла вновь прозвучали слова Яна Терновского: «И грех меня больше не тяготит».

«О, если бы Иисус Христос снял с меня эту тяжесть! Если бы можно было освободиться от старых грехов и стать прежним!»

Илонка нарвала для Андрея букетик земляники и запела веселую словацкую народную

песню. Горное эхо вторило ей, и Павел, видя, как она счастлива, забыл о своей печали.

— Илонка, а когда будет наша свадьба?

— Не знаю, спроси об этом у мамы.

— Хорошо, сегодня же спрошу, не буду откладывать.

— Не говори пока, — попросила Илонка, взяв Павла за руку.

— Почему же? — спросил он, заглядывая в ее глаза.

— Пусть пока об этом никто не знает. Мне кажется, что потом наша дружба будет не такой, как сейчас.

— Ну хорошо, уговорила. Лишь бы я знал, что ты меня любишь и хочешь стать моей. Знаешь, кто-то сказал Андрею, что хочет посвататься к тебе.

— Но ты ведь меня никому не отдашь? — испугалась девушка.

— Тебя отдать кому-то?! Даже родному брату я не уступил бы, тем более чужому!

Если бы Павел и Илонка, возвратившись домой, не были бы так поглощены друг другом, то на лицах Андрея и тети они прочитали бы некоторое замешательство. Но они ничего

не заметили, как и те не увидели с трудом скрываемого счастья, которым светились глаза Павла и Илонки. Хорошо это или нет — кто знает?

Прекрасная жизнь

В тот субботний вечер у хижины Яна Терновского, задумавшись, стояла Сузанка Грубик. Маленький Иосик играл в песке у ее ног и поминутно восклицал:

— Посмотри, тетя, ну посмотри же!

Но сегодня девушка словно не слышала слов малыша, хотя обычно слушала его очень внимательно. В понедельник Сузанка открыла двери этой хижины, и ее приход был как нельзя кстати. Иосик плакал от голода, Юдка от слабости и боли лежала без сознания, и Ян не

знал, кому из них помогать. Неудивительно, что девушка, появившаяся вдруг на пороге, показалась Яну посланницей Бога. Он даже не спрашивал, как она здесь очутилась.

— Я пришла помочь, — просто сказала девушка. Она взяла на руки ребенка, успокоила его и накормила, затем быстро привела в чувство Юдку. Сменив ей белье, Сузанка растопила печь и вскипятила для больной молока. Когда Юдка его выпила, девушка укутала ее в одеяло и села рядом с ней.

— Спасибо тебе! Сам Бог тебя прислал, — поблагодарила Юдка. — Но как ты догадалась прийти сюда?

— Имрих мне рассказал обо всем, что с тобой случилось. Я знаю, что у вас нет родных, и пришла поухаживать за тобой. А теперь закрой глаза и постарайся заснуть, сон пойдет тебе на пользу.

Сузанка вдруг подумала: «Как я могу оставить Юдку одну? Завтра здесь будет столько же работы, что и сегодня. Значит, завтра я снова приду, а ночью здесь подежурит Имрих».

Сузанка решила помогать Юдке до тех пор, пока та не выздоровеет, и каждый день прихо-

дила в хижину Яна. В эти дни люди убирали хлеб, и никто не приносил Сузанке заказы на шитье. Гости к ней тоже не приходили, и пока никто, кроме Имриха и матери, не знал, где она проводит время. Но даже если бы кто-то и узнал, Сузанка бы не огорчилась: она очень изменилась за это время.

Всю неделю по утрам она читала Юдке из Слова Божьего, под вечер Ян рассказывал им истории о людях, которые ради Христа пожертвовали всем. А вечером, когда приходил Имрих, они все вместе садились читать Библию. Ян объяснял прочитанное, отвечал на вопросы. Казалось, ему было понятно совершенно все, но если он чего-нибудь не понимал, то говорил: «В эти слова будем верить, пока Бог не откроет нам их смысл». После чтения Библии, перед тем как расстаться, они вместе молились.

С большой радостью Сузанка всегда спешила в эту хижину. До сих пор она жила и трудилась для себя, а теперь ей казалось, что ее жизнь только начинается. В ней пробудился талант женщины — жить для людей, распространять вокруг себя свет счастья и приносить

облегчение. Чем больше она узнавала о Христе, тем больше ей хотелось стать похожей на Него, жить, как Он жил, и делать добро. Она знала, что с выздоровлением Юдки ей придется покинуть хижину Яна, но старалась не думать об этом. Ей было страшно представить, как она будет обходиться без ежедневных встреч с людьми, жившими в постоянном общении с Христом.

Обо всем этом размышляла Сузанка, пока ждала Яна, который обещал вернуться из леса до полудня, но почему-то до сих пор не пришел. Сегодня она могла бы уйти пораньше, потому что Юдка встала на ноги и сама могла присмотреть за малышом. Но Сузанка вдруг поняла, что здесь ее удерживает другое: она не может уйти без чтения Библии и общей молитвы.

— Тетя, ты не слышишь? — Мальчик изо всех сил тянул Сузанку за руку, и она наконец будто очнулась.

— Чего тебе, Иосик?

— Когда Иосик пойдет к папе?

Девушка взяла мальчика на руки и крепко прижала к себе.

— Посмотри, Иосик, какая там красивая птичка.

Но мальчик не захотел смотреть на птичку и настаивал на своем. Но на вопрос Иосика ответила не тетя.

— Когда папа придет за вами, — слышался знакомый голос.

— Ян, ты уже давно здесь? С какой же стороны ты появился так незаметно? — не скрывая радости, Сузанка пошла ему навстречу.

— Я прошел через двор, Сузанка, и увидел, какой ты навела у нас порядок. Спасибо тебе! — произнес он с благодарностью.

— Сегодня суббота, Ян, я хочу пораньше уйти домой. Юдка решила завтра выйти на улицу, но у нее нет самой необходимой одежды. Мы с ней одинакового роста, и я принесу ей кое-что из своих вещей. Я ждала, когда ты придешь, чтобы помолиться вместе с вами. Ведь теперь я верю, что Слово Божье — хлеб, который нам нужен каждый день, и я уже не могу без него обходиться.

— Вот видишь! — радостно воскликнул Ян. — А теперь идем, Юдка нас тоже ждет.

— Поужинай сначала.

— Стол был накрыт, и я уже поел. Но, Сузанка, чем я смогу тебя отблагодарить? — спросил он, крепко пожимая ее руку. — Ты для нас сделала столько добра!

— Ничего ты мне не должен! Никогда мне еще не жилось так хорошо, как у вас. Вы мне сделали больше добра, чем я вам.

Они вместе вошли в дом, и Юдка встретила их улыбкой. После чтения Слова Божьего и молитвы Сузанка стала прощаться. Ян проводил ее до дверей и, пожав на прощанье руку, посмотрел в глаза девушке. «Завтра мы не увидимся?» — спросили его глаза, потому что застенчивость помешала ему высказать словами эту просьбу.

— Я приду завтра, — проговорила Сузанка. — Или вы уже сможете обойтись без меня? Неужели я вам больше не нужна?

— Ты шутишь, — ответил он, улыбаясь. — Спроси землю, нужно ли ей, чтобы завтра светило солнце, и она ответит за меня.

— Значит, я приду. Бог с вами, скоро увидимся!

— Христос с тобой!

Ян стоял все на том же месте, глядя вслед удалявшейся Сузанке. Мог ли он раньше поду-

мать, что будет стольким обязан этой девушке? Она давно скрылась за деревьями, а ему все казалось, что следы, оставленные ею, как будто светятся.

Сузанка спешила домой, словно убегала от кого-то. Она все еще слышала слова Яна: «Спроси землю, нужно ли ей, чтобы завтра светило солнце, и она ответит за меня». Кто бы мог подумать, что она услышит от него такие прекрасные и добрые слова? Неужели она смогла их заслужить?

На опушке леса Сузанка встретила Имриха, который очень удивился, что она так рано возвращается домой. Девушка протянула ему руку и потом рассказала, что Юдка сегодня встала на ноги и завтра хочет выйти на улицу.

— Ты сходи к ней, — попросила она Имриха.

— Нет, — возразил он. — Я целый день ждал вечера, чтобы увидеть тебя. А теперь и проводить не имею права?

— Ну тогда пошли! Как у вас дома дела?

— У нас дома? Как в аду! Даниш не ест и не спит, все работает. Юрий вчера так напился, что до сих пор еще не протрезвел. Катерине досталось от него, но так ей и надо. Знаешь,

езде Юдки не хватает, она одна половину всей работы делала. А теперь Катерина ничего не успевает и целыми днями кричит, только раздражает Юрия и отца. Ты правильно сказала, что у нас в доме одни ссоры и ругань. Если ничего не изменится, я в таком аду не останусь. Человек не понимает, как его затягивает грех. Когда я прихожу к Яну, мне кажется, что я попадаю в рай. Лучше иметь мир в сердце и есть черствый хлеб, чем пироги в таком доме, как наш.

— Бедный! — искренне пожалела его девушка. — Это потому, что у Яна живет Иисус Христос. А Даниш, как ты думаешь, придет за Юдкой?

— Он без нее долго не выдержит. Я говорил ему, что она болеет. Он хотел пойти сразу, но постеснялся, а теперь ему трудно отважиться на это. Я слышал, как отец уговаривал его сходить к Терновскому.

— Конечно, ему стыдно будет смотреть Яну и Юдке в глаза, — заметила серьезно Сузанка.

— Я думаю, что Юдка вряд ли захочет вернуться домой, я бы и сам ей не посоветовал. Как ей жить в таком аду?

Молчаливые и задумчивые, Сузанка и Имрих спустились в долину. Еще не стемнело, и им на пути встречались люди. Некоторые останавливались и глядели им вслед, гадая, откуда это они возвращаются. Но молодые люди не обращали на них никакого внимания.

— Заходи, — пригласила девушка Имриха, когда они подошли к дому. — Захватишь с собой одежду, которую я подберу для Юдки.

— А завтра ты пойдешь к ней?

— Конечно, ведь завтра воскресенье. Ян будет свободен, приходи и ты послушать Слово Божье.

— Обязательно приду. Люди обижали Яна, и мы его раньше не понимали, а ведь он прав. Поверь, теперь я жалею, что мы с ребятами поставили ему майское дерево. Много раз я думал о том, что лучше бы нам было прислушаться к словам твоей матери.

— Однако мы унизили не его, а самих себя, — заметила Сузанка. — Он не рассердился на нас.

— Почему ты говоришь о себе, Сузанка? Ведь ты не ставила дерево!

— Сама не ставила, зато подбила вас на это дело, что не менее предосудительно. Сколько зла мы сделали, Имрих! Иисус все это видел! Завтра я хочу спросить Яна, что мне делать. Хотя я сейчас живу иначе и надеюсь, что Господь поможет мне в дальнейшем не совершать новых грехов, но свое прошлое я не могу сама исправить.

Глядя на девушку и чувствуя ее скорбь, Имрих думал: «Если ее тревожит ее прошлая жизнь, то что говорить обо мне?»

— Мы обязательно спросим Яна, — сказал решительно Имрих. — Поверь, и я хотел бы жить, как он, чтобы не служить больше дьяволу. Господь может нас освободить.

Они вошли в дом, а на дворе летний ветер рассказывал деревьям о двух душах, долго и крепко спавших на краю пропасти. Они непременно упали бы в нее, если бы Бог не послал Своего ангела разбудить их. Спавшие проснулись и увидели, где находятся, они начали просить о помощи, и ангел увел их от опасного места.

Слушая рассказ ветра, деревья шелестели листьями, как будто пели песню: *«Воззвали к*

Госпогу в скорби своей, и Он избавил их от бедствий их, и повел их прямым путем... Да славят Господа за милость Его и за чудные дела Его»¹.

Тяжелое испытание

Етояло такое прекрасное солнечное воскресное утро, словно сегодня поднялся из гроба Сын Божий, чтобы всем сказать: «Мир вам!»

Погруженная в море света и тишины, под ореховым деревом сидела жена Даниша. Своим слабым телом она прислонилась к стволу могучего дерева, поддерживая голову рукой. Свежий утренний воздух пьянил ее. Стояла такая же торжественная тишина, как и неделю назад, в то самое воскресенье, когда она ждала возвращения Даниша перед началом той ужасной бури, что вырвала цветы ее жизни и превратила сердце в безводную пустыню.

Уже неделю она прожила вдали от Даниша, не видя его лица и не слыша его голоса. Вне-

¹ Пс. 106:6 – 8.

запно в этой чуткой тишине у нее появилась тоска по внезапно рухнувшему семейному счастью. Юдка почувствовала себя женой моряка, которого навсегда поглотили морские волны. Она знала, что Даниш жив, если бы она могла быстро ходить, то пошла бы на мельницу и там его нашла. Но будет ли это он? «Нет, — подсказало ей сердце, — это будет другой Даниш!» Она вновь увидела перед собой отвратительное пьяное лицо, бычий взгляд. Нет, это не Даниш, не ее милый, добрый и красивый Даниш. К такому человеку она пойти не могла. От притупившейся глубокой боли на глазах у Юдки показались слезы, и она заплакала, давая волю слезам, потому что никто из людей не мог их увидеть.

— Господь Иисус Христос, — молилась она, всхлипывая. — Не осуждай меня за мои слезы, ими я оплакиваю Даниша. Ты мне дал мужа, и я так любила его. Но теперь он для меня как будто умер, как и я для него. Ведь он знал, что я заболела по его вине, но не переживал и не пришел ко мне. Если бы я умерла, он даже не пришел бы проститься со мной.

Юдка ждала Даниша и втайне надеялась, что он придет попросить прощения. Но он не

пришел. «Если бы я тогда послушалась Катерину и подчинилась, то всего этого, может быть, и не произошло, — закралась мысль в ее сердце. — Мы вместе с Данишем пошли бы в церковь, а потом вернулись бы домой. Он не расстроился бы и не напился, и мы бы сегодня жили счастливо и мирно. А Иисус Христос? Как бы Он на это посмотрел? Не говорит ли Он: *«Не можете служить Богу и мамоне¹»*²? Бог велик и свят, Он дал нам Свой закон, и никто не вправе попирать его ногами. Господь мой, Ты знаешь, что я не хотела быть причиной раздора в семье. Почему Ты допустил такое зло?»

Но на отчаянный вопрос молодой женщины не прозвучало ответа. Ее сложенные руки упали на колени, и взгляд устремился ввысь. Вдруг ей вспомнились слова: *«Душа Моя теперь возмутилась; и что Мне сказать? Отче! избавь Меня от часа сего! Но на сей час Я и пришел»*³.

¹ Мамона — богатство.

² Мф. 6:24.

³ Ин. 12:27.

Этими словами вчера Ян напомнил ей, что Иисус Христос сказал Сам о Себе, как невыразимо страшно было Ему на земле. А сегодня Господь теми же словами говорит, что Сам пережил такой час, как она, и остался верен Своему Отцу. «Вспомни, что было со Мной. Я пришел в этот мир, чтобы пострадать за вашу вину, а ты не можешь ради Меня пострадать, хотя ты Моя», — услышала она голос своего сердца и все поняла.

— Могу, Господь мой, и хочу, — ответила она твердо. — Помоги и покажи мне, что делать. Ты меня исцелил, Ты дашь мне новые силы. Но что потом?

И снова словно кто-то сказал ей: *«Что Я делаю, теперь ты не знаешь, а уразумеешь после»*¹; *«Довольно для каждого дня своей заботы»*²; *«Мир Мой даю вам... Да не смущается сердце ваше и да не устрашается»*³.

Тишина этого светлого воскресного утра наполнила душу Юдки. Она нашла успокое-

¹ Ин. 13:7.

² Мф. 6:34.

³ Ин. 14:27.

ние под крестом, глядя с верой, как умирал на нем невинный Агнец Божий. Чем дольше она смотрела на Него, тем ярче вспыхивала в ее сердце любовь к Иисусу.

Молодая женщина не слышала звука приближающихся шагов и не видела, как кто-то подошел и остановился неподалеку от нее, прислонившись к стройной ели. Юдка мысленно смотрела на Христа, но кто-то не сводил глаз с нее. Да, это Даниш смотрел на свою жену, на ее бледное, излучающее внутренний свет лицо. Видел синяки у нее на лице, впалые щеки, заметил ее слабость. Куда подевались вся его отвага и смелые слова?! Почти всю ночь он боролся с собой, храбрился, собираясь жене и Яну показать, что с ним нельзя играть в кошки-мышки. Вчера он услышал от Имриха, что Юдка поднялась с постели. Если она может ходить, значит, ей с ребенком пора возвращаться домой. Он старался ожесточить свое сердце, чтобы оно не заставило его просить у жены прощения, потому что Катерина права: если бы он это не сделал, жена навсегда взяла бы над ним верх.

И вот теперь он стоит перед ней, и они опять одни, как неделю назад. Никто их не ви-

дит и не слышит. Почему же он потерял дар речи? Почему не приказывает жене идти домой? Он с трудом удерживал себя, чтобы не убежать, прежде чем она заметит его. Ему хотелось упасть к ее ногам и обнять ее слабое тело. Он так долго был без нее!.. Всю дорогу сюда он подгонял себя, а теперь не может даже подойти к ней поближе.

Вдруг рядом пролетела птица. Юдка вздрогнула и посмотрела ей вслед, и тут она увидела Даниша. Радостный возглас вырвался у нее из груди, но теплый лучик сразу же потух в ее глазах, и ее лицо стало еще бледнее. Она не пошла навстречу мужу, не протянула к нему, как это обычно делала, руки. Она еще плотнее прижалась к дереву и молча смотрела в его глаза.

— Доброе утро! — сдавленным голосом поздоровался Даниш.

Она тихо ответила на его приветствие. Он подошел к Юдке совсем близко, но почувствовал, что между ними — огромная пропасть. Данишу стало страшно. Он знал, что мостом через эту пропасть могло стать слово «Прости!». Но как его выговорить? Нет, он этого ни за что не скажет.

— Я пришел узнать, когда ты в конце концов вернешься домой, — проговорил он мрачно. — И еще хочу спросить Яна, учит ли его вера грешному разладу между мужем и женой.

— Тебе не нужно спрашивать Яна, — ответила Юдка, немного подумав. — Я лишь исполнила твою волю, придя сюда. Обратного ты меня не звал, да я и не смогла бы прийти.

Наступила гнетущая тишина.

— Значит, ты сейчас пойдешь со мной! — приказал он сурово.

Юдка посмотрела на Даниша долгим печальным взглядом.

— Зачем? — спросила она дрожащими губами. — Работать я все равно не могу и не смогу еще долго. Что мне, кроме этого, делать у вас?

— Я зову тебя не на работу, — проговорил он немного мягче, голос у него срывался. — Я вижу, что ты слаба, но жена должна жить с мужем.

— Ты не можешь меня упрекать, что я ушла от тебя по своей воле, — твердо ответила она. — Ты меня полумертвую выбросил на

улицу, а теперь еще упрекаешь. Отныне мое место там, куда ты меня послал.

Юдка еле сдерживалась, чтобы не заплакать от обиды.

— Что ты говоришь?! — воскликнул он, вплотную подойдя к ней. — Ты хочешь сказать, что вообще не думаешь возвращаться?

— Нет, — твердо ответила она, — я не вернусь в ваш дом, пока не пойму, что я вам нужна. Не пойду, чтобы никому не мешать. Катерина будет на меня косо смотреть, если я не смогу работать. И опять начнутся ссоры, родственники тебя натравят на меня. И ты опять начнешь меня бить, а это грех, за который Богу пришлось бы тебя наказать.

«Проси прощения, Даниш, — подсказывал ему внутренний голос, — проси прощения, она права». Казалось, его губы уже открылись, чтобы вымолвить нужные слова, но вместо этого он только крепче стиснул зубы.

— Не ждешь ли ты, чтобы я у тебя попросил прощения? Хватит того, что я пришел за тобой. Не хочешь идти — оставайся! Я пришлю твои вещи вместе с сундуком и постелью, но не думай, что я оставляю тебе мальчика! Он мой, отдай мне его сейчас же!

— Даниш! — вскрикнула Юдка. — Не забирай у меня ребенка! Он не только твой, но и мой!

— Вот как! — торжествовал Даниш. — Ты вернешься, как только я отберу у тебя Иосика. Никакой суд не вернет мальчика тебе, — добавил

он с усмешкой, — а разделить его на две части мы не можем. Если ты от меня отказалась, то отдай и ребенка, он не должен жить с тобой.

— Папа! — раздался радостный детский голос.

Иосик, в одной рубашонке, с румяным сонным личиком, выбежал из открытых дверей хижины навстречу отцу.

— Сынок! — Мать и отец оба устремились к нему.

Даниш стоял ближе к двери, поэтому Иосик вмиг очутился в его объятиях.

«Он заберет его у меня!» — заныло от тоски сердце молодой матери. Смертельно побледнев, она смотрела, как муж ласкал прильнувшего к нему малыша. «Как Даниш его любит! Если я отдам ему Иосика, он утешится в своем

одиночестве, а я? Если бы он хоть одним словом обмолвился, что сожалеет о случившемся, что еще любит, тогда бы я вернулась. Но так идти я не могу, даже ради ребенка. Они заставят меня нарушать заповеди Господни, а я не могу этого сделать», — такие мысли терзали Юдку, когда она сквозь слезы глядела на двух родных ей людей.

— Идем, Иосик, домой, — сказал Даниш, прижимая к себе ребенка.

— А мама?

Этот вопрос малыша, как ножом, по сердцу ударил Даниша, и оно снова заныло от невыразимой тоски. Видя, как жена в полуобморочном состоянии прислонилась к дереву, он уже хотел произнести слова прощения. Сердце его разрывалось от боли, но гордость опять заговорила в нем.

— Мама теперь не пойдет, — ответил он Иосику. — Попрощайся с ней.

— Подожди, — остановила Юдка мужа неестественно спокойным голосом, — я принесу его одежду.

Он смотрел ей вслед, когда она пошла в дом. Собрав вещи Иосика, Юдка вернулась и внешне казалась такой же спокойной. Она надела на сына чулки и ботиночки и протянула мужу узелок с детской одеждой.

— Моя мамочка, почему ты не пойдешь с нами? — прижимаясь к ней, спрашивал мальчик. Он не понимал, какую боль причинял матери его вопрос и какие чувства испытывал отец при этом печальном расставании.

— Возьми его, — обратилась Юдка к мужу. — Мне не нужно тебя просить, чтобы ты его не обижал, потому что это твой ребенок. Но об одном прошу: не забывай, что Бог нам его дал и что Он когда-то потребует его из твоих рук.

Даниш схватил сына и крепко прижал к себе в страхе, что не выдержит и крикнет: «Я один не могу с ним уйти, я не могу без тебя жить! Прости меня! Делай, что хочешь, поступай, как знаешь, только идем со мной». Боясь выдать свое чувство, Даниш, не оглядываясь, побежал прочь от Юдки. А она, прислонившись к двери, смотрела им вслед. Когда они скрылись из вида, ноги у нее подкосились, и, горько заплакав, она опустилась на колени.

Срастется ли когда-нибудь то, что сейчас было разорвано грехом и гордыней Даниша?

Земное счастье

В понедельник Андрей Муртин пришел в мастерскую Яна.

— Я хочу спросить тебя, — начал Андрей после приветствия, — не возьмешься ли ты настелить нам полы в двух комнатах? Но сделать это нужно за неделю, все материалы уже готовы.

— Если Господь даст здоровья, возьмусь. Срочную работу я закончил в субботу, а остальная подождет, — сказал Ян, приглашая Андрея садиться.

— С полами все же в доме будет лучше, и комнаты примут совсем другой вид, — обрадовался Андрей, оглядываясь вокруг. — Сколько же у тебя книг! Вот бы Павлу столько, он тоже любит читать, в горы всегда берет с собой газету.

— Если бы он захотел, я бы дал ему книги. Он ведь знает немецкий, у меня много книг на этом языке.

— Он не откажется, — проговорил Андрей, стараясь заглянуть в другую комнату. — Когда я входил в дом, мне показалось, что на кухне я видел Юдку Леготскую. Говорят, что Даниш ее избил, это правда? — осмелился спросить Андрей.

— Он был пьян, — печально ответил Ян.

— Говорят, Юдка сильно болела.

— Она и сейчас еще нездорова. Но прошу тебя, не будем говорить об этом, если она войдет, то застанет нас за этим разговором.

— Она ушла от Даниша?

— Да, она не может вернуться к нему, пока Господь не преобразит сердце бедного Даниша.

— Как ты сказал! Ты не сердишься на него, не проклинаешь?

— Я христианин, а они не проклинают.

— Не все...

— Никто не должен проклинать. Христианином является лишь тот, кто узким путем следует за Христом и способен любить врагов, как велит Христос.

— Таких, однако, мало, — усомнился Андрей, покачав головой.

— «Тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их»¹, — сказал Христос, — пояснил Ян, улыбаясь.

— Что значит «узкий путь»? Эти слова я уже не раз читал и слышал в церкви, но не знаю, что они означают, — спросил Андрей перед тем, как уйти.

— Не знаешь? Но если хочешь попасть в рай, тебе тоже нужно вступить на узкий путь.

— Ну уж как-нибудь пройду, — ответил Андрей беззаботно. — Не хочу хвалиться, но всякий может сказать, что я неплохой человек и веду себя пристойно, поэтому меня Господь благословляет, и я живу хорошо.

— Я рад, что тебе хорошо живется, Андрей, и желаю, чтобы Господь Иисус Христос открыл тебе глаза и вывел на узкий путь. Лишь тогда ты сможешь узнать, что такое истинное счастье.

— Поверь мне, Ян, хотя мы меньше читаем Библию, чем ты, но здесь нет людей счастливее нас. Я, по крайней мере, ни с одним царем не поменялся бы, — сияя от счастья, радостно ответил Андрей.

¹ Мф. 7:14.

— Не временное ли это счастье? — задумчиво спросил Ян.

— Отчего ж ему быть временным? — воскликнул удивленный Андрей.

— Потому что на земле нет ничего непреходящего, вечного. Был бы ты счастливым, если бы лишился того, что сегодня принимаешь за счастье?

«Потерять Илонку?» — мелькнуло в голове у Андрея.

— Конечно, нет, — признался он. — Но отчего мне его терять? К чему такие мысли?

— А что, если бы у тебя вдруг исчезло все, что сейчас составляет твоё счастье?

— Не знаю, Ян, наверное, я этого не пережил бы.

— Много человеку приходится пережить, и никто не знает, что ждет его впереди. Не лучше ли нам позаботиться о счастье непреходящем?

— А где найти такое счастье? — задумчиво спросил Андрей.

— Во Христе. Если мы примем Его в сердце, Он сделает нас счастливыми и навечно останется с нами.

— Конечно, Иисуса Христа я люблю не так, как ты. Но если сердце занято, Христа впустить туда невозможно.

— Он может освободить сердце, чтобы полностью занять его, — заметил Ян.

— Ты считаешь, что человеку, кроме Христа, никого нельзя любить?

— Нет, я так не считаю! Господь Иисус Христос сказал: *«Заповедь новую даю вам, да любите друг друга; как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга»*¹. Значит, любить можно, но первое место в сердце должно принадлежать нашему Господу Иисусу Христу.

— Об этом я никогда не думал, Ян, но знаю, что первое место не мог бы отдать Ему, по крайней мере сегодня. Но чтобы ты меня понял, скажу тебе, ведь ты никому не проговоришься? Я хочу жениться на нашей Илонке. Ты когда-нибудь любил, я имею в виду девушку?

— Нет, — признался Ян.

— Вот когда ты полюбишь, как я люблю, тогда увидишь, что и в твоём сердце Иисус

¹ Ин. 13:34.

Христос будет занимать не первое место. И ты, как и я, засыпая и просыпаясь, будешь думать только о ней.

— Сохрани меня Господь от этого! — воскликнул Ян.

— Для меня это не грех, Ян. Я счастлив, так счастлив, что если бы меня попросили отдать весь мир, то я бы отдал его, не задумываясь. Оставил бы себе только наш дом и жил бы в нем вместе с Илонкой. Этого бы мне было довольно. Однако о чем мы с тобой говорили? Значит, приходи к нам завтра. И прошу тебя, никому не проговорись о том, что от меня услышал: о моих намерениях еще не знает никто, кроме тети.

— Не бойся, — успокоил его Ян. — Зачем бы я стал говорить с кем-то об этом? Я лишь прошу, примиришься с Богом, прежде чем ты совершишь этот шаг.

— Ты думаешь, мне следует исповедаться? Ведь это делают только католики перед свадьбой, — удивился Андрей.

— Я не считаю, что тебе нужно исповедаться. Прежде всего ты должен обратиться к Господу Иисусу Христу и попросить Его простить

твои грехи и очистить тебя, чтобы ты мог вступить в брак с чистым сердцем и чистой душой.

Андрей не понял, о чем говорит Ян, но слова его, полные любви, тепла и благоговения, тронули его. Он почувствовал, что Ян желает ему добра. Андрею захотелось довериться Яну и подружиться с ним.

Когда Андрей ушел, Ян в своей мастерской склонился над начатой работой. Но работа не двигалась. Странные и настойчивые мысли не покидали его. Он упал на колени: «Господь Иисус Христос, открой духовные очи Андрея! Не знаю, почему мое сердце так тянется к этому парню. Прошу Тебя, возьми и мое сердце, я заново отдаю его Тебе. Не допусти, чтобы Тебя что-то вытеснило оттуда, не допусти!»

Чего Ян опасался? Почему он, встревоженный, вновь отдал свое сердце Господу? Возможно, в Яне тоже пробуждались незнакомые ему ранее чувства, желания, мечты. Хотя он их еще не понимал, но они нарушали покой в его сердце. А сердце Яна до сих пор было как чистое зеркало, в котором отражался только образ Христа.

Освобождение

Даниш не послал жене обещанные вещи, потому что отец запретил ему это сделать.

— Ты думаешь, она вернется, когда их получит? Она оставит тебе мальчика и будет жить у Яна, ей у нас приходилось слишком много работать. Пусть Ян, если захочет, судится с нами. Ему все равно придется отправить свою сестру к нам, он проиграет. Ведь ты звал ее, а она не захотела вернуться. Закон на твоей стороне.

Иосик все время плакал, просился к маме. Напрасно Даниш старался его успокаивать. Только маленькой Бетке это удавалось, потому что малыш часто бывал у нее, когда еще Юдка жила с ними.

Дела на мельнице шли плохо. Старик злился. Приближалась уборка урожая, а убирать хлеб было некому. Такой жницы, как Юдка, он не найдет ни за какие деньги. Даниш работал без желания и редко отвечал, когда к нему обращались. И Имрих был не таким, как прежде. Не слышно было ни шуток, ни брани. В

кузнице он работал молча и перестал ходить на вечеринки. Хотя Имрих не был таким хмурым, как Даниш, но с ним нельзя было поговорить, как прежде. Когда зашел разговор о Юдке, он сказал: «Правильно сделала, что не вернулась в этот ад. Не думайте только, что Ян из-за нескольких тряпок пойдет в суд. Вы сами себе сделаете хуже. Пять чужих баб не заменят вам Юдки».

От Имриха старик Леготский не ожидал таких слов. «Может, он поссорился со своей зазнобой?» — подумал он и начал прислушиваться, о чем говорили люди в селе. И узнал много нового для себя. Например, он услышал, что его сын ухаживает за швеей Грубик и из-за нее перессорился со всеми сельскими парнями, которых выжил из дома Сузанки, чтобы одному занять место в ее сердце. Но теперь Имрих якобы не ходит к Сузанке, так как она ухаживает за больной Юдкой и шьет у нее, чтобы быть ей утешением.

Мельник знал эту девушку. Если бы она была побогаче, он бы ничего против нее не имел, а так — какая от нее польза? Говорили, что она шитьем и вязаньем зарабатывает себе

на жизнь. Но кто будет работать в поле, если Имрих на ней женится? Ему нужна сноха-крестьянка, а не швейная кукла. Но раз сын положил на нее глаз, то вряд ли от нее отступится. Хоть бы они поссорились!

Но это была несбыточная мечта. Никогда бы Имрих не поссорился с Сузанкой!

Когда в воскресенье она пришла навестить Юдку и узнала, как жестоко Даниш обошелся со своей женой и забрал у нее сына, она сразу решила, что не оставит подругу одну. В понедельник утром она раскроила ткань на всю неделю и после обеда с большим узлом пришла к Терновским. Яна не было дома, и Юдка сказала, что брат всю неделю будет стелить у Муртиных полы.

— Я тебе очень благодарна, Сузанка, что не останусь одна в пустом доме. Работы у меня нет, и если бы даже была, я не смогла бы ничего делать. Лучше я буду помогать тебе, так мне

легче перенести то, что Господь возложил на меня.

С тех пор они шили вместе, коротая время за беседами и пением. Сузанка учила Юдку шить, а Юдка рассказывала Сузанке все, что знала из Священного Писания. Юдка начала читать историю страдания церкви Христа в Богемии. Читая, она ненадолго забывала о собственном горе, своей тоске по ребенку и тревоге о нем.

В обеденное время прибегал на полчаса Имрих. Вечером он шел встречать Яна, возвращавшегося от Муртиных. И, разговорившись, они порой не замечали, как проходили ельник, который рос рядом с хижинкой Яна. После этого они еще целый час проводили за чтением Библии. Нередко Ян приводил с собой Павла или Андрея.

Между тем Ян уже несколько дней работал у Муртиных. Когда-то старый мельник порекомендовал его Андрею с мыслью: «Пусть позлит их, непременно он будет ука-

зывать им на грехи». Однако он зря радовался. Муртины не были такими раздражительными, как Леготские. Андрею нравился Ян своей откровенностью, правдивостью. Если плотник видел, что что-то делалось не так, он говорил словами из Священного Писания. Кроме того, Ян был доверенным лицом Андрея и, зная о его большом счастье, разделял его радость.

— Хорошенькая она, правда? — указав на Илонку, спросил у него как-то Андрей.

— Даже очень, — подтвердил Ян. — Знаешь, Андрей, когда Бог сотворил мир и Адама, все было прекрасно. Но потом он сотворил Еву, и она стала самым прекрасным созданием.

— Да, ты прав, Ян. Женщины — самое прекрасное на свете, — согласился Андрей со своим новым другом и пожал его руку.

Он не стал возражать, когда однажды Ян попросил после обеда почитать Библию, объяснив, что когда-то так делали их благочестивые предки. Андрей не противоречил Яну, а открыто удивлялся тому, что тот так хорошо знает Писание и может хорошо объяснить непонятное. Даже тетушка с Илонкой иногда за-

давали вопросы и слушали Яна, стараясь не пропустить ни слова. А Павел? Тот очень обрадовался, что наконец нашел человека, с которым мог обсудить все вопросы и поделиться мыслями. Он зачитывался книгами, которые ему приносил Ян, и брал их с собой в лес. Из книг он узнал, что бывали и худшие времена, когда люди унижали друг друга еще больше, чем сейчас. И всегда среди них находились такие, которые не жаловались, а всей своей жизнью служили Богу.

Павел восхищался Яном. Он так хорошо говорил по-немецки, так много знал из Библии и мировой истории и при этом был таким скромным! Павел понял, что не изысканные манеры и одежда возвышают человека, а мудрость.

Во вторник вечером Павел вызвался проводить Яна, и с тех пор каждый день один из братьев провожал его до дома. Ян проработал у Муртиных всю неделю: покрасил окна и двери и прорубил дверь в угловой комнате.

В пятницу Андрей не поехал на ярмарку и остался лечить заболевшую корову. Он решил, что закажет сундук для Илонки у Яна, и

тот получится еще крепче и красивее купленного на ярмарке.

— Скажи, пожалуйста, — спросил Павел в пятницу Яна, — как давно один человек стал господствовать над другим?

— Довольно давно. Уже в книге Бытия мы читаем о Нимроде. Он был смелым охотником, и его царство составляли города Вавилон, Эрех, Аккад и Халне. Затем он пришел в Ассур и построил Ниневию, Реховоф-ир, Калах и Ресен. Это были большие города. Когда люди начали в них селиться, понадобился человек, который следил бы за порядком. И это привело к тому, что один начал господствовать над другими. Потом, когда места оставалось все меньше, люди стали притеснять друг друга, и это продолжается до сих пор. Ты видел большие города и знаешь, что именно там больше всего беззакония и греха.

— Ты прав. Когда знаешь, что Бог сотворил человека не для того, чтобы один господствовал над другими, то понимаешь, что в мире все не так, как должно быть. Скажи, как, по-твоему, человеку надлежало бы жить на земле?

Все так запутано и хаотично, что не знаешь, какой путь выбрать.

— Тебе только так кажется, Павел. Ты не читал еще Евангелие от Матфея? Сын Божий пришел на землю, жил среди людей, учил их. И Его ученики записали, как людям следует жить и что нужно делать. Если бы все люди исполняли библейские заповеди, то земля стала бы раем. Каждый человек любил бы и прощал, не судил бы других и делал добро ближнему. Если бы каждый любил ближнего, как самого себя, никто бы ни над кем не возвышался. Многое на земле осталось бы так, как есть, но жизнь текла бы по-иному. Народ не предавался бы пьянству, не судился бы из-за клочка земли или из-за грубого слова. Не было бы в каждом городе тюрем и домов для умалишенных.

— И не было бы войск, — добавил Павел, — и это, пожалуй, к лучшему. Однако, Ян, такой жизни никогда не было на земле, и вряд ли она когда-нибудь наступит. Когда Сын Божий пришел на землю, все было так же, как и сегодня, и Его распяли.

— И ты знаешь, Павел, почему?

— Не знаю. Это мне и хотелось бы знать.

— Написано: «Нет праведного ни одного»¹, «Помышление сердца человеческого — зло от юности его»².

— Это никогда не изменится, — вздохнул Павел, — мы грешники и останемся ими.

— Но мы не должны ими оставаться, дорогой мой брат. «Сын Человеческий пришел взыскать и спасти погибшее»³. Ты знаешь, какой сегодня день?

— Сегодня? Пятница.

— В этот день Сын Божий умер на кресте за наши грехи, и кровь Его текла с того креста. Эта кровь может омыть и очистить мое и твое сердце и оправдать нас по милости, через нашу веру. Это дар Божий. Я тебе недавно сказал, Павел, что, если Сын Божий тебя освободит, ты будешь истинно свободным. Сегодня скажу тебе: если Он очистит твое сердце, ты будешь чист перед Богом и людьми. Иисус Христос даст тебе Духа Святого, Который научит тебя жить по Его воле. И

¹ Рим. 3:10.

² Быт. 8:21.

³ Мф. 18:11.

если весь мир попадет во власть сатаны, мы избежим этого. Иисус Христос победил сатану. Однажды наступит Царство Христа, и все Его дети будут с Ним жить в вечности. Однако для этого мы все должны прежде всего стать детьми Божьими, чтобы быть достойными этого Царства Христова. Мы молимся: *«Да приидет Царствие Твое»*¹. Но Господь вступит в Свое Царство лишь тогда, когда человек примет Его в свое сердце и покается в грехах. Доверься Ему, Павел, и Он навсегда тебя освободит. Когда Он даст тебе Духа Святого, ты сможешь нести эту радостную весть освобождения дальше, как я принес ее тебе. *«Вы... будете Мне свидетелями»*², — сказал Христос. А свидетельствовать мы должны о том, что Он очистил нас от греха и хочет так поступить с каждым.

Павел и Ян вышли на опушку леса. Лучи заходящего солнца освещали небо, которое золотым куполом висело над ними. Казалось, что они находились как раз посреди Небесного

¹ Мф. 6:10.

² Деян. 1:8.

Царства, наполненного благоговейной тишиной.

— Ян, а разве тебя Иисус уже спас? — спросил Павел, не выдержав многозначительной тишины.

— Да, слава Ему! Я очищен от греха Его Святой кровью, пролитой на Голгофе, и Бог даровал мне вечную жизнь.

Освещенное вечерней зарей лицо Яна своим сиянием подтвердило истинность его слов.

— Так научи меня, как мне прийти к Нему. Я тоже хочу, чтобы Иисус очистил меня от грехов! — воскликнул Павел.

— И я тоже! — послышался позади умоляющий голос.

— Имрих, ты?!

— Я уже давно иду за вами, — объяснил кузнец, протягивая им руку. — Вы меня не за-

метили. Вот Павел сказал, что он хочет очиститься от греха, и я тоже с каждым днем все сильнее испытываю это желание. Я хочу примирения с Богом, но не знаю, как его получить.

Павел собирался проводить Яна до опушки леса, но втроем они дошли до самой хижины. Там они сообща искали истину в Слове Божьем и нашли ее. И тогда на коленях в молитве они попросили у Бога очищения от грехов и мира в их сердцах. И Бог услышал просьбу молодых людей, Он открыл им новую жизнь, простил грехи. Христос взял в Свои пронзенные руки Павла и Имриха, чтобы узким путем повести братьев к вечному блаженству. Так росло Небесное Царство, основанное однажды Иисусом Христом на Голгофе.

В церкви

День был погожий, и люди толпами шли в церковь. Они передавали друг другу тревожную весть о том, что в окрестностях вспыхнула лихорадка, которая уже не раз приходила в их дома недоб-

рой гостьей и уносила много жизней. Вот и сегодня после обеда предстояли похороны молодой женщины, матери трех малолетних детей.

— Как непонятно поступает наш Господь, — вздохнула полуслепая хромая старушка с молитвенником в узелке. — Молодых забирает, а такую калеку, как я, оставляет.

— Да, странные дела совершаются на земле, и кто его знает, что еще будет на этом свете, — заметил пожилой серьезный мужчина.

— Но, дядя, вы же молитесь и говорите слова «как на небе, так и на земле», — вмешался в разговор юноша. — Наверное, там будет так же, как и здесь.

— Гляньте, — воскликнула одна из молодых женщин, — кто там спускается с горки!

Все повернули головы.

— Вон шагает Сузанка Грубик, за ней Илонка, а позади идут Павел, Имрих и Ян Терновский. И как они беседуют! А Сузанка даже без шелковой жилетки!

— Она и так красивая! — заметил один из парней. — Но другая, которая из семьи Муртиных, кажется, еще красивее. Как они дружно идут!

— Ян что-то рассказывает, а они его слушают, да как внимательно!

— Сузанка, наверное, скоро выйдет замуж за Имриха Леготского. Но будет ли старик доволен, если у нее не окажется приданого?

— А Имрих старика и не спросит. Говорят, парень притих и с молодежью больше не ходит.

— Знаете, — засмеялась женщина, первой заметившая приближение молодых людей, — может быть, он тоже хочет стать таким набожным, как Ян Терновский!

— Имрих... и как Ян Терновский! — засмеялись остальные. — А кто по ночам будет свистеть, подвывать и проказничать? С таким же успехом и Сузанка могла бы стать монашкой!

— Нечего смеяться! — вмешались девушки. — Вы разве не слышали, Сузанка больше не пускает в свой дом ребят?

— Что вы говорите? Неужели?

— Конечно, целыми днями Сузанка сидит у Юдки Леготской. Та сейчас живет у своего брата Яна. Даниш прогнал ее за то, что она перешла в новую веру, и, говорят, он так ее сильно побил, что она почти две недели болела. Теперь Юдке нельзя вернуться к Леготским.

Жена Юрия сказала, что они не отдадут ей ни сундук, ни вещи, пока она не придет к ним просить прощения и не пообещает быть такой, как прежде.

— Вот это правильно! — заметил тот же серьезный мужчина. — Зачем она отвергает нашу веру и ищет другую? Пусть каждый будет таким, каким Бог его сотворил.

Люди заговорили о евангельском учении, о страданиях, принятых их предками за веру. Все были уверены, что это антихрист распространяет новую веру. Но никто из говоривших не понимал, почему, собственно, они настроены против Яна Терновского.

Между тем Ян рассказывал своим внимательным слушателям, как Святой Дух впервые открыл ему глаза:

— Я прочитал в Библии о том, что у пастуха было сто овец и одна из них пропала. Он оставил девяносто девять овец и отправился на поиски пропавшей. Пастух ходил до тех пор, пока ее не нашел. Однажды на служении проповедник рассказал, как хорошо овцам Христа у Пастыря, как Он водит их на зеленые пастбища и к источнику с живой водой. И тогда я

сказал себе: «Ты днем и ночью живешь без Христа, не питаешься Божиим Словом, не имеешь Святого Духа, Который объяснил бы тебе Слово. Ты далек от этого Пастыря, живешь среди грешников и, не слушая Бога, думаешь о злом и делаешь злое. Значит, ты и есть та пропавшая овца». Когда тот проповедник призвал: «Слушайте вы, пропавшие овцы, Иисус Христос здесь, среди нас. Он пришел искать вас, Он призывает вас вернуться к Нему!», я понял, что Христос зовет меня. Тогда я пошел, точнее, побежал к моему Пастырю, и Он меня принял.

Слушавшие не сводили глаз с Яна. «Христос и меня принял», — думали Павел, Имрих и Сузанка каждый про себя. А Илонка? Есть цветы, готовые от единственной капли росы раскрыть свои лепестки, чтобы принять всю животворящую влагу. И есть души, которым достаточно одной капли милости Божьей, чтобы открыться и принять свет — Иисуса Христа.

Илонка не знала Христа. Никогда ей не рассказывали о Нем как о живом вездесущем Боге, и она считала, что Христос умер на кресте, воскрес из мертвых и навсегда вознесся на небо. На этой неделе она узнала о том, что Бог

всегда рядом, и обрадовалась этому как дитя, разбуженное поцелуем матери.

Сегодня утром в саду она встретилась с Павлом, он прижал ее руки к своему сердцу и сказал:

— Илонка, порадуйся вместе со мной! Помнишь, я тебе говорил, что у меня болит душа и что, пока не избавлюсь от этой боли, я не смогу быть счастливым. И теперь это чудо свершилось! Милостивый и святой Бог простил мне грехи, Господь Иисус Христос исцелил меня. Я передал себя Сыну Божьему и хочу служить Ему одному. Смотри, — сказал он, открыв Библию, — вот здесь написано, что мои грехи прощены и я омыт и очищен.

Тогда она не могла понять Павла, хотя и радовалась вместе с ним. Лишь теперь, после признания Яна, она поняла, что Павел, услышав слова Христа: «Придите ко Мне!», пошел на зов — и был принят. Сама Илонка еще не пришла к Христу, но уже не хотела жить вдали от Него, ее сильно тянуло к доброму Пастырю. То, что когда-то Ян узнал от проповедника, Илонка сегодня узнала от Яна: значит, Христос не сидит высоко на небе на золотом пре-

столе, а незримо ходит по земле и ищет Своих пропавших овец.

— А Христос всех ищет? — несмело спросила Илонка после некоторого молчания.

— Всех, Илонка! — обратился к ней Ян, улыбнувшись. — И тебя Он зовет нежным голосом: «Придите ко Мне!» Ты хочешь прийти к Нему?

— Очень, — ответила она со слезами на глазах.

— Так иди же, Илонка! — воскликнул Имрих. — Если Он принял такого негодяя, каким был я, то тебя обязательно примет.

— Давайте сейчас сойдем с тропинки и все вместе помолимся, — предложила Сузанка, обняв Илонку. — Помолишься с нами, Ян? Вчера, когда ты и Юдка со мной молились, мне было так хорошо!

— Пойдемте скорее, — заторопился Павел.

Его встревожила мысль, что Илонка целый день проживет вдали от счастья, переполнявшего его сердце. Всем остальным рядом с Илонкой было особенно радостно то, что здесь, в горах, далеко от людей, добрый Пастырь нашел пропавшую овечку. Когда она в

неведении доверчиво прильнула к Нему, Он крепко прижал ее к сердцу и понес ее к Своему стаду.

Сегодня во время богослужения парни не знали, чему больше удивляться: тому ли, что Имрих Леготский сидел на последней скамье между Павлом Муртиным и Яном Терновским и пел все до единой песни, не сводя глаз с пастора, или тому, что Сузанка Грубик тихо сидела около Илонки Звары и ни разу не взглянула на балкон.

Пастор в Ц. проповедовал всегда так, как будто перед ним сидели одни обращенные к Богу христиане. И сегодня, когда он рассказывал о блудном сыне, у него действительно были пять внимательных слушателей. Илонка не все понимала из сказанного пастором — она просто радовалась, что сын наконец вернулся к отцу и тот принял его, как и все они, впятером, были приняты добрым Пастырем. Иначе, чем Илонка, понимали пастора Имрих, Павел и Сузанка. «Это я пас свиней», — думал Имрих. «Зачем я промотал все добро, которым

Бог одарил меня при рождении?» — удивлялся Павел. «Меня принял Отец Небесный, несмотря на мое злое сердце», — радовалась Сузанка и снова просила Христа простить ее за то, что когда-то здесь, в Божьем доме, перед Его святыми очами, делала злое. Она поняла, что никогда больше не сможет так поступить, теперь, придя служить Богу, она служила Ему от всей души.

Люди удивлялся, почему так изменились молодые люди. Но даже эти пятеро удивлялись самим себе, потому что сказано: *«Дух дышит, где хочет, и голос его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит: так бывает со всяким, рожденным от Духа»*¹.

Разрушенные мечты

Между тем у Андрея, оставшегося в тот день дома, было много времени, чтобы помечтать о своем настоящем и будущем счастье. Именно сегодня он решил сказать Илонке, что хочет на ней

¹ Ин. 3:8.

жениться, и поскорее начать приготовления к свадьбе. Он, как хороший хозяин, обошел дом, осмотрел все новое и остался доволен собою. В обступившей его тишине Андрей вспомнил, как на прошлой неделе работавший у них Ян сказал, что человеку следует обратиться к Богу и принять Сына Божьего в свое сердце. Плотник объяснил, что Христос пришел на землю искать и спасти погибшее и что счастлив только тот, у кого есть Христос в сердце.

Андрей постарался вспомнить странные слова, которые сказал ему Павел вчера вечером:

— Ты больше никогда не услышишь, Андрей, о моем недовольстве, потому что я пришел к Иисусу. До этого я был как голодный человек, которому никто не давал пищи, но теперь я больше не голоден, потому что Иисус Христос наплатил мою душу. О, если бы и ты дал себя так насытить!

Вчера Андрей не понял брата, ведь они жили в достатке и никогда не голодали.

— Кажется, мы только что поужинали, — пошутил Андрей.

— Не шути, Андрей! Душу невозможно накормить хлебом. Я видел богачей, по сравнению с которыми ты — нищий, но даже богатые испытывали такой же голод, как и я.

Сейчас Андрею было не до шуток. Еще вчера он ругал себя, что привел в дом такого плотника. До появления Яна не было человека, который мог бы указать на то, что Андрей сделал что-то неправильно. А теперь Муртин сам стал сомневаться, на самом ли деле он такой, каким должен быть. Андрей попытался отогнать от себя эти глупые мысли и подумать о чем-нибудь другом.

Как недавно Павел, он прилег в тени дерева и начал думать о своей свадьбе. Как приятно предаваться мечтам о будущем счастье! Андрей от удовольствия закрыл глаза и не заметил, как заснул.

Ему приснился удивительный сон. Будто он шел домой через лес и вдруг услышал голос Яна: «Беги, Андрей, беги!» Он оглянулся и остолбенел от ужаса: позади него все было охвачено пламенем, и огонь быстро подступал к нему. Он бросился бежать, но вокруг горели даже скалы. Вдруг Андрей оказался на краю

пропасти. Куда теперь бежать?! «Смотри вверх! Это суд Божий над тобой, грешным человеком!» — услышал он голос. Но Андрей все продолжал смотреть то в пропасть, то на огонь, умом и сердцем понимая, что он грешник, что смерть подошла близко и скоро он должен предстать перед Богом... Но как? Крупные капли пота выступили у него на лбу. «Ян, помоги мне!» — закричал он во сне. «Я не могу! — услышал он в ответ. — Человек не может тебе помочь, смотри вверх!» Андрей поднял глаза. На краю пропасти стоял Христос, каким он Его видел в церкви на картине — подающим руку тонущему Петру. Да, на краю пропасти стоял Христос, только не нарисованный, а живой. Он взглянул на Андрея и протянул ему руку. «Он мне поможет!» — обрадовался Андрей, хватаясь за руку Иисуса, и... проснулся в холодном поту.

«Какой странный сон! Что бы он значил?» — подумал он, придававший снам большое значение. Андрей дорого бы заплатил

тому, кто объяснил ему смысл увиденного. Но почему-то, когда из церкви вернулись родные, он не стал рассказывать им о своем сне и постарался сам забыть о нем поскорее.

После обеда Павел, взяв с собой Библию, ушел в горы. Тетя отправилась проведать заболевшую лихорадкой родственницу, и Илонка с Андреем остались дома одни. Наконец наступил момент, о котором Андрей мечтал днем и ночью.

Илонка решила почитать в Евангелии притчу о пастыре, у которого было сто овец, и села на скамью у окна. Она так углубилась в чтение, что не заметила, как Андрей уже несколько минут стоит около нее.

— Что читаешь, Илонка? — наконец решился заговорить Андрей.

— О, ты здесь, Андрюша! — воскликнула она. — Я читала о заблудшей овце и думала о том, что сегодня утром произошло со мной.

— А что произошло? — удивился он.

Андрей присел рядом с ней на скамью и взял ее ма-

ленькую руку в свою большую натруженную ладонь.

— Знаешь, — заговорила девушка, не в силах скрыть своей радости, — я тоже была заблудшей овцой. Но Господь Иисус Христос нашел меня, и теперь я так счастлива!

Андрей не понял Илонку, также как раньше не понимал Павла. Но, глядя, как она радуется, тоже был счастлив.

— А как же Он тебя нашел? — спросил он таким голосом, каким говорят с очень маленьким ребенком.

Илонка с радостью рассказала о том, как все было, как они с Яном шли в церковь, о чем говорил им Ян по дороге. Она описала Андрею свои чувства и то, как другие молились о ней. И, веря, что Бог ее слышит, попросила у Него прощения.

— Что же теперь будет, Илонка? — задумчиво спросил Андрей.

— Не знаю. Но думаю, что, если бы потерялся ягненок из нашего стада, ты пошел бы его искать и, найдя, стал бы следить, чтобы он снова не заблудился. Вот я и думаю, что Господь Иисус Христос, мой добрый Пастырь, бу-

дет держать меня около Себя, чтобы я не заблудилась.

Они оба молчали, и тут Андрей подумал, что время уходит, а он еще ни слова не сказал об их свадьбе. Он вспомнил свой сегодняшний сон, и на какое-то мгновение ему показалось, будто он слышал слова: «Добрый Пастырь ищет тебя».

— У меня есть только один ягненок. Если бы он потерялся, мне ни днем, ни ночью не было бы покоя. Я обошел бы весь мир, чтобы только найти его. Илонка, этим ягненком для меня являешься ты, — в эти слова признания Андрей вложил весь пыл своего любящего сердца.

Девушка, словно очнувшись, подняла глаза и с удивлением посмотрела на Андрея.

— Ты не догадываешься, Илонка, почему мы все обновляем в доме? — спросил он, наклонившись к девушке. — Я хочу жениться.

— Ты, Андрей?! А кого ты хочешь взять? — полюбопытствовала она.

— Кого? Разве ты не знаешь, кто мой белый ягненок, которого я мечтаю и могу взять?

Сердце Илонки словно остановилось от странного предчувствия, ей почему-то стало страшно.

— Не знаю, Андрей.

— Как это не знаешь? — Он крепко обнял девушку и прижал к своему сердцу. — Тебя же, Илонка, тебя я люблю больше жизни! Для тебя я все это готовлю, чтобы тебе у меня всегда было хорошо. До сих пор мы любили друг друга как брат и сестра. Теперь я хочу любить тебя, как жених любит свою невесту и муж свою жену. И ты меня тоже будешь любить, не так ли? Я научу тебя и буду носить на руках, как тот Пастырь своего ягненка. Посмотри же на меня и скажи, что хочешь быть моей. И мы пойдем с тобой к твоей матери и Павлу, а потом будем готовиться к нашей свадьбе. Зря ты отстраняешься от меня, я тебя не отпущу! Взгляни на меня, Илонка!

Девушка подняла голову и устремила на Андрея испуганный взгляд.

— Отпусти меня, Андрей! — попросила она.

Он был поражен этой неожиданной просьбой. Отпустив Илонку, он помог ей встать со

скамьи, и она тут же оперлась на стол, так как едва держалась на ногах. Андрей — ее верный защитник, который взял ее в свой дом, кормил и одевал и которому она стольким обязана, пожелал, чтобы она была ему не сестрой, как до сегодняшнего дня, а женой. И он имеет на это право. Но как она может выполнить его желание?

«Павел, где ты? Помоги мне!» — хотелось закричать ей, но Павел был далеко в горах и не слышал зова девичьего сердца. Но теперь у Илонки был Кто-то другой, Который слышал ее. «Господь Иисус Христос, — зарыдала ее душа, — помоги Ты мне Сам!»

— Илонка, чем ты так напугана? Почему не отвечаешь? — с тревогой спросил Андрей.

Ему показалось, что земля уходит из-под ног. Ах, ему и во сне не могло присниться, что она не согласится. Ведь она всегда относилась к нему благосклонно.

— Ты не хочешь выйти за меня, Илонка? Ты меня не любишь? — допытывался Андрей.

— Я тебя очень люблю, Андрей, — проговорила она наконец, — и ты это знаешь. Я помню, сколько добра ты для меня сделал. Но я уже не могу стать твоей женой.

— Что? Уже не можешь? Ты не можешь стать моей женой? Почему?

Она закрыла лицо руками и молчала.

— Илонка, зачем ты меня мучаешь? Скажи, почему ты не можешь стать моей, — допытывался Андрей.

Ему показалось, как будто чья-то холодная рука прикоснулась к его сердцу.

— О, не спрашивай ни о чем, прошу тебя. Я не знала о твоём желании и другому дала слово, которое не могу нарушить.

— Что? Ты уже обещала? Кому? — спросил он, пораженный таким ответом.

— Павлу... — прошептала она чуть слышно.

— Павлу? — простонал он.

В глазах у Андрея потемнело, он стал бледным, как полотно. Ему показалось, что сейчас он умрет. Бесконечно несчастными стояли они друг перед другом. Затем Андрей взял со стола свою шляпу и молча пошел из комнаты. В дверях он еще раз оглянулся и посмотрел на свое навсегда потерянное счастье. Илонка, застыв, как изваяние, смотрела ему вслед со слезами на глазах. Та, которую он любил и желал, которую хотел сделать своей женой и

носить на руках, теперь принадлежала не ему, а брату.

Пошатываясь, Андрей вышел в сад, оттуда через луг в лес и дальше, не зная, куда теперь идти и что делать. Он не мог злиться, не мог и успокоиться. Ему казалось, что между ним и Илонкой возникла вдруг страшная пропасть, в которой исчезли его счастье и мечты. Он бежал прочь от своего дома, теперь потерявшего в его глазах всякую ценность, подгоняемый невыносимой душевной болью, которую ничем нельзя было унять. Наконец от изнеможения Андрей упал на краю обрыва.

Он чувствовал себя так, словно был человеком, строившим чудесный дом, где хотел вскоре поселиться. Но вдруг случился пожар, и в пламени все сгорело дотла. И человек остался на пепелище. Немудрено погорельцу отчаяться, тем более если он еще молод. Люди помогли бы погорельцу отстроиться заново, да и сам он после нескольких лет упорного труда вернул бы утраченное. Но кто сможет заменить Андрею Илонку, если Павел, его родной брат, а не кто-то другой, лишил его самого дорогого!

Андрей вспомнил все, что он сделал для брата. И за это Павел так его отблагодарил! Он потерял не только Илонку, но и родного брата, и теперь у него никого не осталось. Представив, как Павел обнимает и целует ту, о которой ему суждено вечно тосковать, Андрей разжигал в себе ненависть и злобу к брату, которого как будто никогда не любил. Да, это Павел все у него отобрал! Зачем теперь жить?!

От этой мысли Андрей обессилел и пустым взглядом уставился в глубину пропасти. Вдруг он вспомнил последний сон: позади него огонь, перед ним пропасть, только Христос не стоит на краю и не протягивает ему руку помощи — даже Иисус не может помочь ему в таком горе.

А что делала Илонка? Что могла сделать бедная девушка, кроме как упасть на колени и плакать? Она понимала, что обидела Андрея. Жалея его, она упрекала себя в том, что стала причиной его страданий, и чувствовала, что не в силах исправить случившееся.

«Лучше бы я не переступала порог этого дома, чем пережить такое, — думала она. — Даже если Павел на мне женится, как мы сможем жить в одном доме? Разве у Андрея при виде нашего счастья сердце не разорвется на части? Да и я в его присутствии не осмелюсь Павлу подать руку или взглянуть на него! Никогда я не испытаю счастья. И зачем я на свет родилась, — плакала она, — если самым близким мне людям причиняю боль? Спаситель Иисус, помоги мне!»

— Илонка, ты что плачешь? Что с тобой? — неожиданно прозвучал встревоженный голос матери.

Тетушка Звара бросила свой узелок в угол и склонилась над дочерью.

— Ах, дорогая матушка! — воскликнула Илонка, упав к ногам матери. — Что со мной случилось!

Она положила голову на материнские колени, где так любила сидеть в пору беззаботного детства.

— Не плачь, доченька, скажи мне, что случилось... — пыталась успокоить ее мать.

— Андрей хочет на мне жениться, а я не могу выйти за него, потому что уже пообещала Павлу.

Мать ласково посмотрела на Илонку.

— Успокойся, доченька, не плачь. Я знаю, что Андрей хочет на тебе жениться, и благодарю Господа за то, что после вашей свадьбы ты будешь всем обеспечена. Но когда ты успела дать обещание Павлу?

— В горах, мама, когда мы ходили за земляникой.

— Но ты же знаешь, что нельзя принадлежать сразу двоим. Андрей тебя воспитал и сделал для тебя много добра. Я попрошу Павла забыть про твое обещание и уступить брату, которого он так любит.

Матушка Звара уговаривала свою дочь, не догадываясь, что та ее не слышит. Как натяну-

тая струна, Илонка стояла перед матерью, устремив заплаканные глаза к небу, бледная и неподвижная, она напоминала статую.

— Пойду навстречу Павлу и все ему расскажу, — проговорила мать, поднимаясь из-за стола. — За все эти годы Андрей сделал нам столько доброго, и за это ты хочешь так его отблагодарить?

— Не ходи никуда, мама, я сама обо всем расскажу Павлу. Ты не представляешь, как он будет несчастен, а я это знаю. Пойми, я не могу обидеть Андрея за то добро, которое он сделал для меня, но и Павел мне очень дорог. Лучше бы мне было умереть до его возвращения из армии, когда я болела в прошлом году.

Тетушка Звара не успела опомниться, как Илонка выбежала из дома. Мать искала ее повсюду, но дочери нигде не было.

В тот день Павел возвращался домой раньше обычного. Тишина и одиночество успокаивали его. Он шел, не глядя по сторонам, и мечтал, что проведет сегодняшний вечер у Терновских. Ему хотелось показать Яну несколько мест из Библии и попросить, чтобы он их объяснил.

Сегодня во время обхода Павел впервые думал не об Илонке. Лишь иногда его сердце наполнялось сладким ощущением счастья от сознания, что они принадлежат друг другу.

Крик дрозда привлек внимание Павла. Он оглянулся и, к своему удивлению, увидел Илонку.

— Что ты тут делаешь?! — воскликнул он, не в силах скрыть свою радость.

Он устремился к ней, а она стояла, прислонившись к дереву, что росло на опушке леса. До этого места она бежала, но как только увидела Павла, силы оставили ее. А он от радости не заметил ее бледности и следов слез на милом лице. Павел взял девушку за руку и привлек к себе.

— Илонка, моя дорогая Илонка!

Он целовал ее лицо. Закрыв глаза, она хотела в последний раз насладиться любовью, которую сейчас должна была разрушить навсегда. Она вызвала Павла на поцелуй и прильнула к его губам последним долгим поцелуем.

— Почему ты здесь? — спросил он.

— Я вышла тебя встречать... — в ее голосе прозвучало столько печали, что он насторожился.

— Ты плакала? Что случилось?

Он взял ее за подбородок, заглянул в ее глаза и снова привлек к себе, на какой-то миг милое лицо Илонки вдруг показалось ему чужим.

— Сядем, прошу тебя, — попросила она.

Они сели на ствол поваленного дерева. Не отрываясь, Павел смотрел на Илонку, а она не находила слова, чтобы начать разговор.

— Я пришла сказать тебе, — выговорила она наконец, — что сегодня Андрей мне объяснил, почему сделал в доме такую перестройку.

— Он сказал тебе, что хочет жениться? — с облегчением вздохнул Павел.

— Ты знал об этом? — удивилась она. — А знаешь ли ты, кого он хочет взять?

У Павла появилось странное предчувствие.

— Кого же? Почему ты молчишь?

— Я и пришла сказать тебе об этом, — ответила она, и губы у нее задрожали. — Он хочет жениться... на мне.

— На тебе?! — вскричал Павел, сжимая ее в объятиях. — Это невозможно, ты моя!

— Я так ему и ответила, Павел, но он любит меня, как и ты. Он воспитал меня, и мы с мамой многим ему обязаны. О, если б ты видел,

каким расстроенным он уходил! Сердце у меня чуть не разорвалось на части. Мама считает, что я должна принадлежать Андрею, и совесть мне подсказывает то же самое. Не обижайся, я не смогу быть твоей. Подумай, как мы с тобой можем быть счастливы, видя, как страдает Андрей?

— Илонка, — проговорил Павел, и лицо его покрыла смертельная бледность, — скажи, кого ты любишь больше: его или меня?

— Тебя, Павел. Но его я тоже люблю, правда, совсем не так, как тебя.

— И все же ты меня хочешь оставить? Его ты жалеешь, а меня тебе не жалко? Почему ты не спросишь, буду ли я страдать?

Илонка поникла, как подрезанный серпом цветок. «Господь Иисус Христос, помоги мне, несчастной! У меня нет больше сил!» — вздохнула она.

От ее приглушенного стопа Павлу стало не по себе.

— Скажи мне, Илонка, как ты будешь жить без меня? — спросил он после некоторого молчания. — Я смогу уступить Андрею и уйти, но ты останешься с ним. Как мы будем жить?

О, если ты любишь меня так же сильно, как я тебя, мы не сможем забыть друг друга. Не противься Божьей воле и не разлучай два соединенных Им сердца. Я непременно уйду, потому что считаю большим грехом оставаться в доме и любить жену моего брата. Но ты в объятиях Андрея будешь думать обо мне, и это станет твоим грехом.

— А если я стану твоей, — перебила она его, заламывая руки, — и Андрей будет меня любить, то мы сделаем его несчастным и станем виновниками его греха. Ты держишь в руках Священное Писание, найди там выход из нашей беды.

В раздумье Павел начал перелистывать страницы. На сердце у него было тяжело, и люди были бессильны чем-либо помочь. Павел не мог сделать несчастным любимого брата, как не мог отказаться от собственного счастья. Если Христос не поможет советом, где найти помощь? Павел открыл Библию на том месте, где он сегодня ее читал, и глаза его остановились на стихе, который мог понять лишь тот, кому сам Бог открыл глаза и сердце.

«Сия есть заповедь Моя, да любите друг друга, как Я возлюбил вас. Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих. Вы друзья мои, если исполняете то, что Я заповедаю вам»¹.

Павел и Илонка были еще «духовными младенцами», но этот час значил в их духовном развитии больше, чем целые годы безмятежного счастья. Сам Господь, к Которому они обратились, напомнил им, как Он их любил, как любовь заставила Его покинуть небо и прийти на землю, чтобы умереть на кресте. Господь показал им, что значит любить так, как любил Он, что значит отдать самое дорогое ради своего ближнего. Они поняли это с болью, но все же поняли. Господь Иисус Христос велел им подарить счастье Андрею, как Сам Он пожертвовал Своим небесным блаженством, когда пришел на землю, чтобы умереть за людей.

¹ Ин. 15:12 – 14.

Павел с Илонкой не могли словами выразить свое состояние, когда ими овладело горячее желание быть послушными Искупителю и стать Его друзьями.

Павел отложил книгу, упал на колени и, прижав руки к груди, в порыве жертвенного самоотвержения произнес: «Господь Иисус Христос, я отдаю Илонку моему брату, чтобы он был счастлив, только поддержи нас в страданиях в час нашей разлуки».

И девушка с тихим вздохом промолвила:

— Господи, я хочу быть послушной Тебе и принадлежать Андрею.

Павел заключил Илонку в объятия, и она положила голову ему на грудь. Хотя им казалось, что сердца их разрываются от тоски и боли, но вместе с тем они чувствовали, как их наполняли чудный покой, мир и согласие. Иисус Христос помог им выстоять в трудной борьбе и послал им утешение.

— Идем, Илонка, к Андрею. Я знаю эту боль и не хочу продлевать его мучения. Я сам ему все скажу.

Они возвращались домой в состоянии небывалого покоя, который мог подарить только Создатель Вселенной. В шуме деревьев им слышались слова: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих».

Пока Илонка и Павел шли к Андрею, он в это время сидел на краю обрыва. Вдруг он вскочил и, обхватив руками голову, крикнул: «Он должен вернуть мне Илонку, она любила меня и может быть только моей! В городе он научился обольщать девушек, но Илонку он не получит, я ее не отдам».

Он бросился бежать и не останавливался до самого дома. Запыхавшийся, он влетел во двор и кинулся к тетушке Зваре.

— Тетя!

Она давно поджидала племянника и, обрадовавшись его появлению, пошла к нему навстречу. Прежде чем Андрей успел открыть рот, мать Илонки ласково проговорила:

— Не волнуйся, Андрюша, моя дочка будет твоей женой. Она пошла сказать Павлу, что не выйдет за него.

— Как, Илонка пошла к Павлу?

— Знаешь, Андрюша, ты ведь ей ни о чем не говорил. Илонка любит тебя, но она еще дитя и сама себя не понимает. А Павел ее приласкал, и она дала ему слово в тот день, когда ты отправил их вдвоем за ягодами. Мне это сразу не понравилось, я опасалась за дочку. Я не хочу наговаривать на Павла, но солдат он и есть солдат.

— Значит, она пошла, чтобы ему отказать? Это вы ее послали?

— Я никуда ее не посылала, она сама так решила. Илонка сильно плакала, оттого что причинила тебе боль.

Как обрадовался Андрей! В его сердце вернулась надежда, и оно словно ожило. Он пошел в сарай, чтобы заняться каким-нибудь делом. Открывая двери сарая, Андрей услышал за спиной чьи-то шаги. Он обернулся и лицом к лицу столкнулся с Павлом. Братья молча смотрели друг на друга.

— Зайдем, — сказал Павел, — мне нужно с тобой поговорить.

Его голос, такой добрый и одновременно скорбный, тронул Андрея. Они зашли в сарай.

— Я слышал, ты хочешь жениться на Илонке, — проговорил Павел. — Она не могла тебе дать согласие, потому что я объяснился с ней раньше тебя. Сначала я хотел просить тебя оставить Илонку мне, ведь мы с тобой не можем вдвоем на ней жениться. Но потом я подумал, что ты старший, у тебя больше на нее прав. Ты ее воспитал, и я отступаю, пусть она будет твоей.

— Ты от нее отказываешься! — ликовал Андрей. — Я бы не смог. Как брата, я тебя очень люблю и могу все тебе отдать, только не Илонку.

— Видишь, я люблю тебя еще больше, — скорбно улыбнулся Павел. — Я отдаю ее тебе. Но знай, что, если бы Христос, Который напитал мою истощенную душу, не дал бы мне силы, я тоже не смог бы этого сделать. А теперь — спокойной ночи. Я пойду к Яну, когда вернусь, ты, наверное, будешь спать.

— Ты хочешь уйти без ужина?

Но Павел, спешивший к своим друзьям, не услышал его вопроса.

После разговора с братом Андрей еще раз объяснился с Илонкой и пошел к тетушке

Зваре, которая с нетерпением ждала, когда он попросит руки дочери. Получив из рук радостной матери Илонку, Андрей должен был чувствовать себя счастливым и довольным, но он не мог забыть слова брата: «Видишь, я люблю тебя еще больше, я отдаю ее тебе» — и понимал, что не может быть полностью счастливым.

Андрей даже не обнял свою невесту, с которой уже на следующей неделе хотел идти в церковь, а ночью, ворочаясь в постели, пытался себя успокоить: «У Павла душа скорбит, но это Христос помог ему отдать мне Илонку. В городе есть много красивых девушек, Павел найдет себе другую, и... он сам мне уступил, я даже не просил его об этом».

Право матери

В то самое время, когда Андрей Муртин остался в лесу наедине со своим горем, в доме Яна Терновского тихонько открылась дверь, и показалась прелестная детская головка. Это была Бетка Леготская.

— Тетушка! — обрадовалась девочка.

Услышав этот возглас Юдка, до этого читавшая книгу, подняла голову и обомлела. Бетка пришла не одна! В следующее мгновение молодая женщина упала на колени и раскрыла свои объятия.

— Мама! Мама! — закричал Иосик, устремляясь к матери.

— Я привела его к вам, тетенька, — сказала довольная собою Бетка, — потому что он все время плакал.

— Ах, спасибо тебе, дорогая Беточка! — Счастливая мать взяла ребенка на руки и поцеловала девочку. — И тебя отпустили?

— Никто меня не отпускал, дома никого не было. Мать ушла на похороны, отец уехал за зерном, деда тоже не было дома, а дядя Даниш еще не вернулся из церкви.

Юдка не могла налюбоваться своим маленьким сокровищем. Она видела, каким грязным и неухоженным стал сынишка, и сердце у нее сжалось. Она быстро согрела воды, умыла девочку и выкупала Иосика. Хорошо, что у нее осталось кое-что из детской одежды, и она смогла переодеть мальчика. С болью в сердце

мать заметила, что сын похудел, хотя прошла всего неделя с тех пор, как его забрали. Что же будет дальше?

Затем Юдка принесла детям хлеба и молока, и они с большим аппетитом поели. Иосик отказывался играть с Беткой, а все держался за мать, словно боясь, что снова ее потеряет. А каково было Юдке? При одной мысли, что она не сможет оставить сына у себя, а будет вынуждена отправить его к отцу, у нее, казалось, останавливалось сердце. А если не отдавать Иосика? Действительно ли существует такой закон, по которому сына отдают отцу, даже если тот не умеет за ним ухаживать? Если Иосик не вернется к Данишу, тот придет и заберет его. Бетку накажут, и девочка не сможет приводить ребенка в хижину Яна. А так она изредка будет с ним приходить.

Иосик словно чувствовал смятение матери и всем своим видом старался показать, как ему хорошо здесь, рядом с нею. Он рассказывал ей смешные истории и даже прочитал наизусть стих из Библии.

— Тетенька, мне так хорошо с вами! — вздохнула Бетка, прижавшись к Юджиному

плечу. — Вы можете мне что-нибудь рассказать о Христе?

— Да, Беточка, с удовольствием.

Юдка села с детьми на пороге и, лаская Иосика, стала рассказывать девочке о добром и всемогущем Иисусе Христе.

— Тетенька, а Иисус все видит? Он сильный? — допытывалась девочка.

— Да, все видит, Он самый сильный.

— Тогда Он видел, как дядя Даниш вас бил? Этот вопрос заставил Юдку вздрогнуть.

— Он и это видел, Беточка.

— А почему Он не защитил вас, если Он сильный? Или дядя сильнее Его?

— Потому, Бетка, что Он хотел увидеть, могу ли я терпеть ради Него боль, которую Он принял когда-то за меня, — серьезно ответила женщина.

— А вам было очень больно?

— Да, Беточка. Но Иисусу Христу было еще больнее, когда в Его прибивали к кресту.

— А дядя бил вас за то, что вы приходили сюда и в воскресенье не захотели ничего покупать?

— Да, Беточка! Как ты думаешь, если Иисус Христос хочет, чтобы мы один день в неделю выделяли для поклонения Ему, а люди этого не хотят, кого нам слушаться?

— Иисуса Христа.

— А ты Его тоже будешь слушаться?

— Да. Но теперь мне пора домой, а то от мамы попадет, если она вернется раньше меня. Иосик, идем скорее.

Но Иосик сидел на коленях у матери, положил голову к ней на грудь и не отзывался. Малыш был так счастлив и спокоен рядом со своей мамочкой. А Юдка? Как она могла оторвать от себя сына? Мысль о разлуке с ним приводила ее в трепет, и она чувствовала, что все ее существо противится этому.

— Я провожу вас до луга, — сказала она, вставая с порога. — Может быть, Иосик заснет у меня на руках.

Но ребенок, словно догадавшись, что его ожидает, всю дорогу не отводил невинных карих глаз от скорбного лица матери. Когда они вышли на опушку, Юдка, стараясь забыть о боли в своем сердце, попыталась передать мальчика Бетке, но Иосик начал плакать и

кричать, цепляясь ручонками за материнское платье.

— О Господь Иисус Христос! Я мать и никому не отдам своего сына! — простонала Юдка, крепко прижав ребенка к груди.

— Иди, Беточка, домой и скажи, что я взяла к себе Иосика. Не бойся, тебя не будут бить.

— Пусть хоть и побьют, я все равно его оставлю, — проговорила девочка, вскидывая голову. — Пусть лучше дядя Даниш вернет вас, дома без вас плохо.

— Ну ладно, Беточка, иди домой и ничего не бойся. Иисус Христос тебя видит.

Девочка через луг побежала к мельнице, а Юдка стояла и смотрела ей вслед, прижимая к себе Иосика. Малыш еще тихонько всхлипывал, но мать обнимала и целовала его до тех пор, пока тот не успокоился.

О чем думал, наблюдая эту сцену, старый мельник Леготский, которого плач ребенка привел на луг? Он знал, что Бетку одну оставили с Иосиком. «Что она такое с ним сдела-

ла?» — всю дорогу удивлялся мельник. Когда же он подошел поближе, то понял, что Бетка здесь ни при чем. Он увидел, как малышу не хотелось расставаться с матерью. Мельник был человеком суровым, и сердце у него было твердым, как камень. Но и камни подчас смягчаются. Он знал, что во всем был виноват Даниш, и понимал, что в доме очень не хватает Юдки. И когда он увидел горе снохи, у него мелькнула мысль, что, может быть, теперь она вернется.

— Ну что остановилась? — закричал он. — Что крадешься, как воровка! Марш домой!

Юдка стояла, словно громом пораженная, крепко прижимая ребенка.

— Я не крадусь, отец. До мельницы еще далеко.

— А где взяла ребенка?

— Я забрала его у Бетки. Это мое дитя, и я его не отдам. Иосик был неумытым, в грязной одежде. Вы слышали, как он кричал, и сейчас видите, как он крепко держится за меня.

— А кому было его умыть, если ты... — выругался старый мельник. — Ничего себе, святая христианка — убегает от мужа и ребенка!

Юдке не хотелось оправдываться перед свекром.

— До свидания, — твердо сказала она.

— Ты не хочешь вернуться? — загородил ей дорогу мельник. — И до каких пор это будет продолжаться?

— Не знаю, отец. Пока Даниш не поймет, что был не прав. Если сегодня я вернусь к вам, то вы решите, что вы правы, а я перед вами виновата. Вы по-прежнему будете заставлять меня жить не по воле Божьей, все глубже увязая в болоте вашей греховности. И Даниш не осознает свою вину и будет бить меня, когда ему захочется. Но Бог создал меня не для того, чтобы со мной обращались хуже, чем с бессловесной тварью. Когда Даниш поймет, что не может без меня жить, тогда я вернусь к вам, но не раньше. Храни вас Бог!

Не успел мельник опомниться, как остался один. Но у него перед глазами все еще стояла

освещенная солнцем прекрасная, с бледным лицом молодая женщина, державшая, как святая, на руках своего сына.

«Гордячка! — произнес он в сердцах. — Значит, она ждет, что Даниш попросит у нее прощения. Ну, если бы я после каждой трепки просил бы у моей старухи прощения, то на другие дела времени бы не осталось. Долго же ей придется ждать! Хорошо, хоть пацана забрала, он все время крутился у меня под ногами. Ну, погоди, уж как-нибудь мы заставим тебя вернуться домой, ты нам позарез нужна!»

Старый Леготский с угрюмым видом направился к мельнице.

Зараженные

На следующей неделе в доме у Леготских все перевернулось вверх дном. В воскресенье Катерина, Даниш и Юрий пошли на поминки одной из своих родственниц, которые по заведенному обычаю устраивались после похорон. Люди сидели за столом в душной, давно не проветренной ком-

нате, откуда всего несколько часов назад вынесли покойницу.

Когда Леготские вернулись домой, у Юрия началась лихорадка. Он, пытаясь не поддаваться болезни, на следующее утро встал с постели. Но в обед приступ лихорадки повторился, и он заболел окончательно. Старику пришлось одному работать на мельнице, а на плечи Имриха легла вся работа в поле. Дел было так много, что Катерина не знала, за какое взяться.

Юрий был рослым и крепким мужчиной. Но лихорадка била его так сильно, что двое сильных мужчин не могли его удержать. Во вторник Даниш вызвал врача. После его визита больному давали прописанное лекарство и перепробовали также все народные средства. Кому-то постоянно приходилось быть рядом с Юрием. Сегодня около него сидел Даниш. Так как он раньше никогда не ухаживал за больными, ему было страшно смотреть, как Юрий мечется в постели, бьет руками вокруг себя, а потом внезапно успокаивается и долго смотрит в одну точку. Когда больной впадал в забытие, он в бреду ругался так отвратительно,

что у Даниша волосы шевелились на голове. Очнувшись, брат начинал растерянно оглядываться, словно кого-то искал.

Люди в селе привыкли к лихорадке и не боялись ее, но Даниша пугала заразность этой болезни. Ужас охватывал его при мысли, что он тоже может заболеть. Только чувство стыда удерживало его у постели Юрия. В душе Даниш был благодарен жене за то, что Юдка забрала Иосика: хотя бы ребенок не заразится. Сидя у постели больного, он предавался жгучей тоске по своей жене. Всем было бы намного легче, если бы она была здесь. Катерина одна не справлялась с работой. «Иди, попроси ее, и она вернется», — подсказывало сердце. И Даниш пошел бы, но в воскресенье он опять натворил такое, после чего ему никогда не переступить порог хижины Яна.

В воскресенье, когда Леготские возвращались домой после поминок, Даниш решил заглянуть на капустное поле. Он свернул на тропинку, ведущую в Топлово, и тут впервые с тех пор, как Юдка ушла с мельницы, лицом к лицу столкнулся с Яном Терновским. Несколько мгновений они стояли молча, затем Ян поз-

дорвался и хотел было пройти мимо. Даниш чувствовал свою вину перед братом Юдки и в то же время его ненавидел.

— Искуситель! — закричал он. — Ты отнял у меня жену! Тебя твоя вера учит ссорить жену с мужем?!

Ян строго посмотрел на Даниша.

— Моя вера учит меня защищать больных и обиженных от людей, которые поступают хуже зверей. Ты знаешь, что Юдку я не звал, ты сам ее выгнал, а я ее принял. Или сердце мое должно быть таким же каменным, как у тебя?

Даниш от ярости заскрипел зубами. «Если он скажет еще хоть одно слово, я побью его», — подумал он.

— Ты когда-нибудь слышал, чтобы медведь обижал медведицу, лев львицу или волк волчицу? Никогда! А ведь это дикие звери. Я недавно читал, как медведь ухаживал за своей раненой медведицей, как он зализывал ее раны и приносил с охоты добычу. А это зверь, на которого люди охотятся! А ты, человек с бессмертной душой, что сделал со своей женой? И когда она чуть не умерла у порога твоего

дома, ты даже не вышел взглянуть на нее. Ты явился, едва Юдка встала на ноги, но не для того, чтобы, как подобает человеку, попросить у нее прощения. Ты пришел разгневанным и грубым, ничуть не сожалея о случившемся. И вдобавок ко всему отобрал у нее сына, о котором сам не можешь как следует заботиться. Вправе ли ты обвинять меня? Разве такое обещание ты давал Юдке перед вашей свадьбой? Я сказал тебе правду, чтобы ты понял, как велик твой грех перед Богом и людьми, и покайся. Прошу тебя, Даниш, не поддавайся больше власти сатаны, признай свои грехи перед Иисусом Христом. И Он очистит и освободит тебя!

— Замолчи! — закричал Даниш. — Мне твоя проповедь не нужна! Почему до того, как ты пришел в нашу долину, ты не свернул себе шею! Тогда Юдке никто бы не задурил голову! А такой, какая она сейчас, я не хочу ее видеть!

Даниш точно не помнил, что он еще выкрикивал, но знал, что его обвинения были злыми и несправедливыми. Но Ян ничего ему не ответил и хотел идти дальше. Даниш понимал, что Ян поступает благородно, хотя вправе его

презирать, но не мог смириться с мыслью, что брат Юдки ведет себя, как Христос, Который не отвечал на оскорбления. Он подскочил к Яну и наотмашь ударил по лицу. Даниш ожидал, что Ян нанесет ответный удар, но тот лишь посмотрел ему в глаза и сказал:

— Если то, что ты сейчас сделал, ты считаешь правильным, ударь меня и по другой щеке!

Но Даниш не ударил, и Ян ушел. Как тяжело теперь вспоминать об их встрече. Даже то, что он избил Юдку, угнетало его меньше, чем пощечина Яну, потому что Юдку он бил во хмелю, а Яна ударил будучи трезвым. Как теперь забрать Юдку у ее брата?

В среду Юрию стало еще хуже. Он все время порывался куда-то идти, и Имрих с трудом удерживал его в постели. К вечеру больной немного затих, и Имрих пошел отдохнуть, оставив в комнате Катерину, которая от усталости заснула прямо возле печки. Даниш весь день работал один и, когда сидел у постели брата, чувствовал свинцовую тяжесть в руках и ногах. Болела спина, а голова гудела, как с похмелья. В звенящей тишине Данишу вдруг

пришла в голову мысль, что он, наверное, тоже заболел. Ему стало страшно. Если он будет лежать без сознания, как Юрий, кто за ним будет ухаживать? А вдруг он умрет? Его ужаснула эта мысль: «Умереть и предстать перед Господом! Нет, я еще молод, я не хочу болеть, не хочу умирать!» Со страхом он подумал о том, что перед Богом ему придется отвечать за то, как он поступил с Юдкой и Яном. Не находя себе места, Даниш вышел из комнаты. Как только он оказался на улице, его затрясла лихорадка и во рту сразу пересохло. «Боже мой, сохрани меня от болезни!» — в страхе закричал он, устремив глаза к небу. Но небо казалось ему немым, оно не давало утешительного ответа.

Даниша объял страх обступившего его одиночества, и он не мог взять себя в руки. Он вернулся в дом, но ему там стало еще страшнее, чем на улице. Юрий опять начал стонать и бредить. Брат метался в постели, закатывал глаза и сжимал кулаки. А Даниш, который при необходимости поднимал телегу, не мог удержать брата и бессильно опустил руки.

— Вставай, Катерина, — разбудил он невестку. — Я пришлю тебе Имриха.

Катерина видела, как Даниш заковывал к мастерской, но спросонья не поняла, зачем он хочет прислать Имриха. После бессонной ночи Имрих спал богатырским сном, и разбудить его было делом нелегким.

— Мне что-то нехорошо, — сказал Даниш, растолкав брата, — иди к Юрию, я больше не могу.

Имрих почувствовал, что Даниш говорит правду.

— Ты приляг, — посоветовал он брату.

Но Даниш не захотел оставаться в мастерской. Тогда Имрих привел его в комнату, велел ему раздеться и уложил в постель. Что делать дальше, Имрих не знал: идти ли к Юрию или остаться с Данишем, у которого снова начался приступ лихорадки.

Для Леготских наступили дни, какие им не могли присниться даже в самом кошмарном сне. Юрий находился при смерти, и Даниша свалила болезнь. Когда утром Даниш открыл глаза, то понял, что заболел. Хотя он был в сознании, от высокой температуры темнело в глазах и путались мысли. Он страдал, вспоминая, что избил жену и выбросил ее из дома и вот теперь остался один. Если бы он тогда попросил у Юдки прощения, она была бы рядом с ним. Как хотелось ему еще раз увидеть ее доброе и милое лицо! Если бы она положила свою руку на его голову, ему стало бы легче. Но об этом нечего и думать... Он закрыл глаза. И вдруг ему показалось, что на его лоб действительно мягко легла прохладная рука. Он открыл глаза.

— Юдка, ты пришла? Ты здесь?! — обрадовался он.

Нежное лицо его доброй жены склонилось над ним, в ее глазах были слезы.

— Здесь я, Даниш, — услышал он долгожданный голос. — Что с тобой? Где у тебя болит?

— Все у меня болит, моя дорогая Юдка, а сильнее всего сердце от того, что я сделал с то-

бой. Прости меня, злодея, только не уходи, иначе я умру.

Склонившись над мужем, Юдка дрожащими губами поцеловала его в горячий лоб. Если бы он мог поднять руки, он бы обнял ее и больше от себя не отпустил. Но он мог лишь смотреть на нее. Жена опустилась около него на колени и положила свою голову рядом с головой мужа, и тогда Даниш расплакался как ребенок. Она не останавливала его, и они плакали вместе.

— Попроси Иисуса Христа, и Он простит тебя, как прощаю я. А теперь закрой глаза и попытайся заснуть.

Юдка еще раз поцеловала мужа. Она пришла, чтобы воздать добром за зло, и Господь ее за это щедро вознаградит. Даниш не мог заснуть и не сводил глаз со своего сокровища, пока Юдка убирала и проветривала захлавленную комнату. Закончив уборку, она умыла мужа, сменила ему грязную, пропотевшую рубашку и положила на лоб холодный компресс. Потом, опустившись возле него на колени, она помолилась, чтобы Господь Иисус Христос послал ему исцеление. И Даниш почувствовал,

что Бог ее услышит, ведь она была готова умереть, но не нарушить Его Слово. Судорожно пожав руку жены, Даниш заснул.

В первые дни болезни Данишу было легче, чем Юрию. Он не бредил, не метался, даже не стонал, потому что Юдка хорошо ухаживала за ним и в молитвах просила об его исцелении. Сквозь туман, застилавший глаза, Даниш видел, что кто-то помогал жене его переодевать и заворачивать в мокрые простыни, и это приносило ему облегчение. Он не знал, что это Ян Терновский заботится о нем.

Юдка не оставляла мужа ни днем, ни ночью. Когда старик Леготский заходил проведать Даниша, он видел, как умело ухаживали за его сыном, и не переставал удивляться Яну Терновскому, который также помогал Юрию.

— Не бойтесь, — утешал Ян Катерину, видя ее слезы, — ваш муж скоро поправится, Бог милостив.

По просьбе Катерины он написал письмо их с Юрием дочери, в котором попросил девушку приехать домой, чтобы ухаживать за больным отцом и проститься с ним в том случае, если он умрет. Ян помогал по хозяйству и старался всех подбодрить.

«Он не такой, как о нем говорят», — думал старый мельник, и Катерина за все дни не сказала о Терновском плохого слова.

В пятницу Юрию стало совсем плохо, и Катерине некогда было печь. В доме у них не осталось ни корки хлеба. И тогда Юдка впервые заговорила с Катериной.

— Останься со своим мужем, — обратилась к ней Юдка, — я испеку тебе хлеб.

Она напекла хлеба, приготовила вкусный обед, а для больных сварила суп. Затем везде сделала уборку и стала собирать одежду Иосика. Все радовались, что Юдка вернулась домой, и старый мельник был с ней очень приветлив.

— Где сейчас твой ребенок? — поинтересовался как-то старик у Юдки, все время видя Яна у них на мельнице.

— Я его унесла к Сузанке Грубик, чтобы он не заразился. Малышу с ней хорошо, он привык к Сузанке.

— Это ты хорошо придумала, — похвалил ее старик.

«Все-таки она порядочная, рассудительная женщина, — подумал он про себя. — Вот толь-

ко с Данишем неладно получилось. Но он поправится, лишь бы она осталась с ним».

В субботу после полудня, оставив заснувшего Даниша, все собрались у постели Юрия. Казалось, что он, посиневший и неподвижный, доживает последние часы.

— Куда пойдет его душа? — спросил Имрих, стоя у постели больного брата.

За все время своей болезни Юрий ни разу не пришел в сознание. Но даже в таком состоянии он продолжал грязно ругаться. Юдка сидела около его постели, сцепив на коленях руки, и понимала, что эта брань исходит из нечистого сердца. Она задумалась о греховной жизни мужа Катерины: «Если бы и Даниш болел, как Юрий, и они бы оба умерли, то погибли бы навеки». Старый мельник размышлял, кто теперь будет работать на мельнице. Катерина беспокоилась о том, как она прокормит без мужа детей. И только Юдка и Имрих беспокоились за душу несчастного человека, который был далек от Бога и вечной жизни.

— Помолимся о больном, — проговорил Ян, встав на колени у постели Юрия.

— Да, так будет лучше, — вздохнул Имрих.

Все вместе они помолились, и Ян попросил о продлении времени благодати не только для Юрия, но и для всей семьи Леготских. И молитва Яна не могла остаться без ответа, так как рядом с ним находились две молодые, недавно уверовавшие души. А если двое или трое будут о чем-то просить Небесного Отца, Он даст им просимое по вере.

Больной вдруг перестал прерывисто дышать, капли холодного пота выступили у него на лбу, и... Юрий открыл глаза. У него начался кризис. Сила смерти была сломлена сильной рукой Создателя, и человек остался жить, хотя смерть уже коснулась его тела. Бог даровал больному выпрошенное время благодати. Воспользуется ли им Юрий? Станет ли он искать Искупителя или же продолжит свою безбожную жизнь?

С этого часа Юрий пошел на поправку.

Зато Даниш в воскресенье провел очень тяжелую ночь. Его мучили сильные боли, он был в сознании и видел все, что происходило вокруг. Он понимал, что смерть подошла к нему очень близко, и страх перед ней сжимал сердце. Даниш просил, чтобы за него молились, и

слышал, что читал Ян, но не понимал, какое это имело к нему отношение.

— Знаешь, Даниш, — уговаривал его Имрих, — если ты придешь к Иисусу таким, какой ты есть, Он примет тебя. Ты же помнишь, каким я был негодяем, но я покаялся, тогда Иисус простил мне все и милостиво принял меня.

Имрих удивлялся, почему Даниш не просит у Бога избавления от своего ужасного страха.

Это было печально, друзья ничего не могли сделать, кроме как молиться и верить обетованию Господа: *«приходящего ко Мне не изгоню вон»*¹.

Большая победа

В воскресенье после полудня Ян отправился домой, где уже не был два дня. Только утром Имрих заходил к Яну, чтобы дать травы корове и накормить Дунчо. Яну не нужно было хлопотать по хозяйству, а просто хотелось немного побыть од-

¹ Ин. 6:37.

ному, чтобы помолиться за Даниша. Его пугало то, что муж Юдки может умереть, не покаявшись перед Богом.

Ян шел по лесу и размышлял о пережитом за неделю. Вдруг он вспомнил вечер прошлого воскресенья, когда встретился с Павлом Муртиным. Вместо ответа на вопрос: «Что с тобой? Ты так печален...», Павел рассказал Яну, как уступил Андрею свое счастье. «Я подарил брату самое дорогое... Прошу, молись за меня, потому что не знаю, как жить дальше. Лучше всего мне было бы сейчас уйти, но я не могу этого сделать. Что подумают о нас люди? Как мне пережить все это?»

Ян искренне сочувствовал другу. «Как он сейчас? Что делал всю неделю? Чем его утешить? Бедная Илонка! Как только Данишу станет получше, я навещу их».

С такими мыслями Ян подошел к своей хижине и удивился: дверь была открыта! Наверное, Имрих забыл ее запереть. Как только Ян торопливо вошел внутрь, из комнаты раздался

его радостный возглас. Он увидел Сузанку. Девушка сидела у окна, и у нее на коленях играл Иосик. Радость светилась в ее глазах, и вся она была такой обаятельной и красивой, что Яну пришлось сдержаться, чтобы не обнять ее.

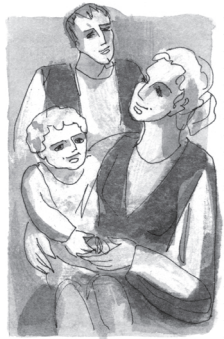
— Не удивляйся, — объяснила она причину своего появления, — Иосик просился к своей маме, а мне хотелось узнать, как здоровье его отца. Но домой малышу нельзя возвращаться. И я подумала, что, может быть, ты придешь сюда. Дверь была плохо заперта, я открыла ее и вошла.

— Это очень хорошо, что ты здесь! — сказал Ян, взяв ее за руку. — На мельнице все складывается очень печально. Юрий выжил, но теперь состояние Даниша ухудшилось.

— Он в сознании? — спросила с тревогой в голосе Сузанка. — Попросил он прощения у Юдки?

— Да, он попросил прощения у Бога, но веры в Него еще не имеет.

И Ян рассказал все, что его тревожило. Ему было приятно

делиться с Сузанкой своими переживаниями, и она не сводила с его лица своих прекрасных глаз. Неожиданно Ян признался:

— Ты представить себе не можешь, Сузанка, как я рад тебя видеть!

— Я тоже очень рада, — ответила она, покраснев. — Дома на душе у меня было тревожно, мне хотелось поскорее прийти к вам.

— Представляешь, каково мне было в понедельник, когда Юдка взяла Иосика и ушла к тебе. Я тогда подумал, что ты больше сюда не придешь. Нехорошо, что я так сильно привык к вам. Пока Господь не вернет Данишу здоровье, я могу помогать Юдке, но потом она останется у мужа. И я опять буду один. Раньше я не замечал одиночества, а теперь не знаю, как буду жить один.

— И я чувствую то же самое, — ответила Сузанка задумчиво. — Когда я сидела здесь одна и думала о том, что мне нельзя будет сюда приходить, я чуть не заплакала. Здесь мне было так хорошо.

Она не договорила, потому что Иосик вдруг попросился у нее с колен на пол. Малыш спокойно играл, и в комнате было тихо. Вдруг Ян

поднялся перед своей гостьей и обратился к ней с такими словами:

— Сузанка, я хочу кое о чем тебя попросить.

— Пожалуйста, я сделаю все, что смогу.

— Сходи к Муртиным и узнай, как там Павел с Илонкой. Когда ты последний раз ее видела?

— Мы с ней давно не виделись, конечно, я схожу к ним.

— Передай Павлу, что я часто вспоминаю его в молитве.

— Разве с Павлом что-нибудь неладно? — удивилась она. — Доверься мне, я никому не скажу.

— Нелегко мне об этом говорить, — ответил он, смешавшись. — Но, может быть, ты утетишишь Илонку.

И Ян рассказал Сузанке всю историю Павла, при этом он старался отводить глаза в сторону, чтобы не встретиться с ее взглядом. Когда он замолчал, Сузанка ненадолго задумалась, а потом, словно спохватившись, произнесла:

— Андрей сделал их обоих такими несчастными. Как он может думать, что Илонка его

любит, ведь он знает, что Павел уступил ему только из братской любви.

— Понимаешь, Сузанка, Андрей не знает Иисуса Христа, поэтому не понимает, как Христос велит любить. Андрей обожает Илонку, Павел передал мне свой разговор с братом.

— Если Павел потеряет Илонку, то у него останется Господь, у Андрея ничего не останется. Как ему тогда жить дальше?

— А Илонке как жить?

Ян, смутившись, ничего не ответил. В комнате было тихо.

— Я рада, что ты рассказал мне об этом. Отнесу Иосика домой и сразу пойду к Муртинным.

— Не уходи еще, — попросил Ян. — Кто знает, когда мы снова будем вместе?

Сузанка взглянула на Яна. Когда-то ей очень хотелось узнать, как он будет объясняться в любви девушке. В игривом настроении она тогда себя спросила, не научить ли его этому. Она — не Илонка, чтобы не понимать, что нужно молодому человеку! Но теперь во взгляде Яна было столько невыразимой тоски и невысказанных чувств, что они тронули ее

сердце. Странное ощущение блаженства охватило ее, словно облако пьянящего аромата цветов, принесенного ветром.

— А тебе хорошо со мной? — спросила она тихо.

— Хорошо ли? — удивился он. — Когда ты здесь, в моей комнате, я как в саду среди цветущих роз.

Сердце девушки прыгало от радости! У нее было лишь одно желание — чтобы Ян раскрыл объятия и она бы навсегда бросилась в них. Тогда бы он не жил в одиночестве, и она бы не тосковала вдали от него. Вдруг Сузанка поняла, что хотела сегодня не столько узнать о Юдке, сколько увидеть и услышать Яна. Она уже приготовилась что-нибудь сказать и вынудить Яна признаться ей в любви, чтобы и она могла выразить свои чувства, но тут ее взгляд упал на кольцо, которое было у нее на руке.

«Имрих!» — напомнило оно ей.

Перед ее внутренним взором рядом с Яном появился образ того, кто любил ее так же, как Андрей Илонку. Вчера вечером Имрих на несколько минут зашел к ней.

«Мне нужно было тебя видеть, — признался он. — Дома у нас дела очень плохи. Я не буду заходить внутрь, чтобы вы не заразились от меня. Только дай мне твою руку, Сузанка. Прошу, думай обо мне, и это меня утешит».

Она и сейчас как будто слышала его голос, видела его лицо. С трудом заставила она себя улыбнуться и проговорила:

— Мне пора идти. Пока дойду до дома и оттуда к Муртиным, будет поздно.

Ян не стал ее задерживать. Он взял Иосика на руки и проводил их до опушки леса. Долго смотрел он вслед девушке, а она шла, не оборачиваясь, спеша скрыться за деревьями.

Вернувшись к хижине, Ян заглянул в хлев, зашел в комнату и потом снова вышел во двор. Дунчо прыгал около него, выражая свой восторг радостным визгом. Но Ян был как во сне. Войдя в дом, он остановился в опустевшей комнате. «Что со мной происходит? — спросил он себя, закрыв лицо руками. — Мне кажется, что без Сузанки я не выдержу». Он прилег, чтобы немного отдохнуть, потому что недосыпал уже много ночей. Но как только он закрывал глаза, так видел перед собой милый

образ Сузанки, ее стройную фигуру, лучистые глаза. «Я люблю ее, как Павел любит Илонку». Эта мысль принесла ему некоторое облегчение, он перестал думать о Сузанке и немного успокоился.

В это время Сузанка спешила уйти подальше от дорогой для нее хижины и от человека, который там жил. Она поняла, что любит Яна, но не может ему принадлежать, потому что у другого парня были на нее права. «Но я еще ничего не пообещала Имриху», — шептало ей сердце. «Ты дала ему надежду, и он ждет твоего согласия», — увещевала совесть. Если она теперь бросит Имриха, он останется таким же грешником, как и прежде. Как она радовалась, видя, что он стал таким порядочным! И причиной тому была она!

Сузанка заплакала, сама не зная от радости или от горя. Иосик удивленно посмотрел на нее и крепко обнял ее своими ручонками.

«Ян ничего не сказал о своей любви и даже не догадывается, что я люблю его. Может, сегодня придет Имрих, и я скажу ему свое последнее слово. Тогда Ян узнает, что я уже не свободна. Бросить Имриха было бы, наверное,

большим грехом, за который Господь может от меня отвернуться. Имриху я обещала и должна теперь ему принадлежать. Если бы он остался таким же негодяем, как прежде, у меня была бы причина ему отказать, а так виноватым окажется Ян. Все будут считать, что он увел меня у Имриха, будут смеяться над Яном и презирать его. Обо мне все будут думать, что я бегала к Терновским не из-за Юдки, а из-за того, чтобы соблазнить Яна».

Такие мысли преследовали Сузанку, и она никак не могла от них отделаться. Придя домой, девушка оставила Иосика со своей матерью и сказала, что ей нужно сходить к Муртинным. Когда Сузанка оказалась одна в поле, на нее навалилась такая тоска, что она еле сдержала себя, чтобы не разрыдаться. Вскоре она решила отдохнуть и свернула с тропинки. Отыскав в зарослях кустарника пенек, она устало опустилась на него и подумала: «Зачем я иду к Илонке? Разве я смогу ее утешить? И кто вообще может утешить в такой горе?»

Сузанка вспомнила все, что пережила за сегодняшний день. Увидела перед собой люби-

мого человека и, хотя он был вдали от нее, слышала его голос. Если бы не Имрих, сегодня бы Ян признался ей в том, о чем она знала без слов, и они сидели бы сейчас вдвоем счастливые, как в раю. Потом они бы обручились, и он навсегда привел бы ее к себе в дом. Как хорошо было бы ей рядом с ним: шить, готовить пищу, стирать — и все для него! С шитьем в руках она сидела бы в мастерской, смотрела бы на Яна и разговаривала бы с ним. Вечером к ним приходили бы друзья, и они все вместе читали бы Слово Божье и другие книги. Какой прекрасной была бы жизнь!

«Но зачем я об этом думаю? Ян никогда не будет моим! Я буду принадлежать Имриху, а Ян останется один».

Девушка упала на колени и, положив сцепленные руки на старый пенек, начала со слеза-

ми молиться. Прошло около получаса, прежде чем она вернулась на тропинку.

Завтра к этому пню придут женщины собирать малину или грибы, но ни одна из них не узнает, что Сузанка Грубик, самая красивая и желанная девушка в их городке, схоронила здесь тайну своего молодого, тоскующего по счастью сердца, чтобы не оставить человека, из-за которого ей все завидовали и который только в ней видел свое земное счастье. Никто не узнает, что здесь, оплакивая свою любовь к Яну, она испытала и счастье человека, которого Сам Бог послал для спасения другого. Свидетелем случившегося здесь был лишь Тот, Который все видит и слышит. И Он воздаст за все.

У Муртиных Сузанка застала одну лишь тетушку Звару. Павел был в лесу, Андрей ушел в город, а Илонка уже неделю жила в другом селе, у своей заболевшей лихорадкой крестной. Мать ни за что бы не отправила туда свою дочь, но Илонка ее уговорила. Тогда мать подумала, что, пожалуй, и хорошо, если дочь с

Павлом не будут видеться каждый день. Матери так хотелось, чтобы Андрей поскорее объявил в церкви о предстоящей свадьбе и жизнь наконец вошла бы в привычную колею. Илонка в эти дни была, как всегда, спокойной и приветливой. А когда она улыбалась, казалось, что солнышко выглядывает из-за туч.

Павел рано утром уходил в горы и возвращался оттуда вечером. Внешне он был спокоен, но с каждым днем его лицо становилось бледнее. Дома он чувствовал себя очень скованно. Раньше он разговаривал с Илонкой, теперь же они едва обменивались несколькими словами. Поэтому тетушка Звара была рада, что некоторое время Илонки не будет дома. Павел не спрашивал, где она, а Андрей сразу ее отпустил. Он выполнил бы любое её желание, лишь бы она оставалась такой, как прежде. «Не бойся, — успокаивала тетушка Звара племянника, — Илонка не легкомысленная девчонка, а притихла она потому, что скоро выйдет замуж. Все невесты сохнут перед свадьбой. Когда поженитесь, все уладится». И Андрей охотно ей верил.

По этой причине Сузанка Грубик не застала подругу дома.

— Но, тетенька, как вы могли оставить Илонку у крестной? Разве вы не знаете, что лихорадка — страшно заразная болезнь. Юрий Леготский побывал на поминках умершей от лихорадки родственницы и там заразился, а потом заразил и Даниша. А вдруг Илонка тоже заболит?

Тетушка Звара перепугалась и сказала, что завтра же сходит за дочерью.

— Когда она вернется, пусть зайдет ко мне, — попросила Сузанка.

Услышав тетушкино обещание, Сузанка попрощалась с ней и пошла домой. По пути она решила зайти к Леготским, чтобы повидаться с Юдкой и попросить ее не беспокоиться о ребенке. Спускаясь вдоль ручья в долину, она услышала, как с ней кто-то поздоровался, и оглянулась.

— Павел, ты?

— Да, Сузанка. А ты откуда?

— От вас. Я зашла навестить Илонку, но ее нет дома.

— Ее уже нет со вторника.

Сузанка посмотрела Павлу в лицо и увидела в его глазах слезы. Ей стало очень жаль парня, хотелось сказать: «Павел, я знаю, какая скорбь у тебя в душе». Но вместо этого девушка лишь приветливо спросила, куда он идет.

— К Имриху, чтобы узнать, нет ли Яна на мельнице.

— А я иду к Юдке, пойдем вместе. Тебе каждый день нужно бывать в лесу? — спросила она Павла чуть позже.

— Нет, не обязательно, — ответил он, покраснев. — Но на неделе у меня в лесничестве много работы, а в воскресенье в лесу я просто отдыхаю.

И Павел стал рассказывать, о чем он прочитал сегодня в Слове Божьем. Сузанка его внимательно выслушала, а потом тихо проговорила:

— Мы должны быть послушными Иисусу Христу, даже если порой это нелегко.

— Верно. Даже если бы нам это стоило жизни. Ведь Иисус тоже был послушен Отцу до крестной смерти!

— И Ему, наверное, было нелегко.

— Конечно. Ты ведь знаешь, как Он тосковал в Гефсимании. Но когда Он сказал: «*Да будет воля Твоя*»¹, Ему стало легче, и Отец помог Ему перенести все страдания.

«Он и тебе поможет, — подумала про себя Сузанка, — и не только тебе и Илонке, но и мне тоже...»

За разговором они не заметили, как пришли на мельницу. Все были рады их видеть, особенно Даниш. Он всегда говорил, что не может слышать Слово Божье, и считал, что старой веры ему вполне достаточно. Он не предполагал, что через несколько дней в своей душевной борьбе найдет утешение у тех, кто не остался в той вере, в которой родился, а искал Господа. И Иисус нашел их и сказал: «*Се, творю все новое*»².

Даниш не мог знать, что, когда он будет лежать больной и слабый, в его доме соберутся Павел Муртин, Сузанка Грубик, Ян Терновский, Имрих, Юдка и принесут ему истину Божью. Но теперь это было так. Неисповедимы пути Господни!

¹ Мф. 26:42.

² Отк. 21:5.

Даниш лежал с закрытыми глазами, и присутствующим казалось, что он задремал. Но, несмотря на головную боль, Даниш размышлял о том, что произошло с их семьей. Раньше здесь лишний раз не вспоминали о Спасителе, а теперь только и говорили о Нем, словно все были преданы этой святой Личности. Даниш слышал, как все молились о нем, как переживали, что если он не уверует, то погибнет навеки. Он тоже стал мысленно молиться и просить о милости. Это было его первой чистосердечной молитвой, потому что все прежние были лишь словами, не исходившими из сердца.

Когда друзья закончили молиться, он сам попросил их прочитать что-нибудь из Библии. Ян передал Павлу Священное Писание, и тот раскрыл 15-ю главу Евангелия от Луки, где говорилось о заблудшей овце, о потерянной драхме, о блудном сыне и его радостном возвращении к отцу.

Даниш снова закрыл глаза. На душе у него было легко, как никогда, будто с него сняли тяжелый груз. От слабости он уснул, и ему приснилось, будто он и есть тот блудный сын, ко-

торый вернулся домой к своему отцу, и что все это происходило где-то далеко, в прекраснейшем месте, и отцом был Бог.

Увидев, что Даниш заснул, друзья начали прощаться. Ян решил идти вместе с Павлом, а Имрих пошел провожать Сузанку.

— Мне не выразить словами, как я обрадовался, когда ты зашла в наш дом, — взяв Сузанку за руку, признался Имрих. — Я знаю, что ты пришла к Юдке, но ты и мне доказала, что не чураться нас, Леготских.

Сердце девушки учащенно забилося. Она поняла, что наступил момент, о котором она молилась, и ей нужно теперь принять решение на всю дальнейшую жизнь, потому что позднее у нее не хватит решимости. Она подняла голову и посмотрела в красивое и взволнованное лицо Имриха.

— Сузанка, — наклонился к ней Имрих, — много времени прошло с тех пор, как ты отказалась от меня. И ты была права, сегодня я благодарен тебе за это. Несчастье ожидает ту девушку, которая выйдет замуж за пьяницу. Но теперь, когда я перестал выпивать и, если Гос-

подь помилует, никогда не буду пить, прошу тебя: будь моей. Даниш тоже уверует в Иисуса Христа, и наш дом станет раем на земле. Если ты станешь моей женой, на мельнице перестанут ругаться, потому что Катерине с Юрием будет перед тобой стыдно. А если отец иногда выругается, то мы потерпим. Да и к мельнице мы не привязаны. Прошу тебя, Сузанка, будь моей! Скажи «да»! Можно мне у твоей матери попросить твоей руки?

— Можно, — ответила Сузанка, опустив голову, чтобы он не увидел, как она побледнела. — Но свадьбу сыграем после уборки урожая.

— Как хочешь, Сузанка, лишь бы ты стала моей! — торжествовал молодой человек, обнимая девушку. — Знаешь, последние дни, особенно сегодня, меня тревожило такое странное чувство, что я тебя не достоин и что ты меня оставишь. Не знаю, устоял бы я в вере, если бы тебя не было рядом со мной. Но если мы будем вместе, я тебе во всем смогу довериться, и Бог поможет мне устоять, что бы ни случилось.

Несмотря на не утихнувшую в душе боль, Сузанка радовалась. Она поняла, что была права, когда думала, что без ее поддержки Имрих не устоит. Поняла, какое счастье спасти человека, пожертвовав для этого собственным счастьем. Ведь Иисус Христос отдал Свою жизнь и за недостойных.

Сегодня Имрих засиделся у Сузанки. У ее матери не было причины запирать перед ним дверь, и он извинился перед ней за свой прошлый визит. Затем он попросил у матери Сузанки руки ее дочери, прежде чем, как велит обычай, придет к ним сватов. Мать очень удивлялась тому, что Имрих так изменился, и радовалась, видя, что и дочь стала другой. Она сидела и разговаривала с Имрихом, но это был такой чистый разговор, который можно было вести в церкви.

Прощаясь, Имрих выпросил у Сузанки поцелуй, и было видно, как он его осчастливил. А в прежние времена он бы раньше полуночи не ушел от нее.

Матушка Грубик долго не могла заснуть в эту ночь и видела, что сначала дочь долго стоя-

ла на коленях у своей кровати, а затем подошла к окну. Выражение ее бледного лица, при свете луны напоминавшего икону, было кратким, в глазах блестели слезы. Немного позже мать подошла к мирно спящей дочери и увидела, что руки у Сузанки сложены, как будто для молитвы.

«Что с ней произошло? — спрашивала она, любуясь своей дочерью. — Стала ли Сузанка такой из-за новой веры или заболела? Ее прямо не узнать». Вдруг губы дочери зашевелились, и когда мать к ней наклонилась, то услышала слова: «Да, Иисус Христос, Ты его спасешь, и я тоже хочу ему помочь».

Из глаз матери покатались слезы. Поцеловав дочь, она тихонько легла в свою постель.

Любовь Христа

В тот вечер на свете не было более счастливого человека, чем Имрих Леготский. Он спешил домой таким радостным, каким может быть только жених. По дороге он встретил Яна Терновского, возвращавшегося от Муртиных в свою хижину,

так как на мельнице уже могли обходиться без него.

— Я провожу тебя, — предложил ему Имрих. — Сегодня мне все равно не уснуть.

— Отчего тебе второй день подряд не спится? — спросил друг, шагая рядом с ним.

— Знаешь, Янко, от счастья!

— От счастья?

Ян взглянул в радостно возбужденное лицо Имриха, и оно невольно напомнило ему лицо Андрея в тот момент, когда тот рассказывал ему о своем большом счастье — Илонке.

— Скоро ты сам от других обо всем узнаешь, но я хочу, чтобы ты поделил со мной мою радость, — пояснил Имрих. — Ты знаешь, что я долго ходил к Сузанке Грубик, но и другие парни тоже к ней ходили. Потом она попросила меня прогнать их от нее, а мне разрешила остаться. В последнее перед моим покаянием воскресенье я пришел к ней пьяным. Она меня прогнала и пригрозила, что не выйдет за меня замуж. С тех пор я с ней об этом больше не говорил. Сегодня я проводил ее домой и попросил ее руки, и она дала мне согла-

сие. После уборки урожая, если на то будет воля Божья, мы сыграем свадьбу.

Потом Имрих рассказал Яну о своих сомнениях: как он боялся, что Сузанка оставит его и без нее он вряд ли бы устоял в вере. Он не ждал от друга ответа или совета, а был просто рад, что может с кем-то поделиться переживаниями. Если бы Имрих знал, какую боль причиняют другу его признания, то не стал бы так хвалиться своим счастьем и говорить о планах на будущее.

Если бы среди ясного неба вдруг грянул гром, Ян не так бы этому удивился, как внезапному открытию истины, что Сузанка — невеста Имриха. Понимая, что друг не может без нее жить, Ян хорошо представил себе счастливую жизнь Имриха с Сузанкой: пока он на работе, она хозяйничает дома, как это было во время болезни Юдки. Точно так же он представлял и собственную семейную жизнь, когда сегодня после полудня спешил на мельницу, чтобы объяснить с Сузанкой.

Но теперь у него остались только эти мечты... Она любила Имриха. Ему сегодня лишь показалось, что она благосклонна к нему. Нет,

она любила Имриха и будет ему принадлежать. Ян не знал, что ответить другу. К счастью, они встретили старого мельника, и Имрих с отцом отправились домой.

По дороге Имрих подумал, что нужно сказать отцу о своем намерении, чтобы все было, как положено.

— Отец, — начал он, — вы давно хотели, чтобы я женился. И вот, выполняя вашу волю, я сегодня обручился с Сузанкой Грубик.

— Знаешь, Имрих, — ответил мельник, почесывая за ухом, — ничего такого я тебе не велел. Я уже выбрал для тебя девушку. Зачем тебе такая пустышка, которая только и умеет, что шить?

— Знаете, отец, — вскипел Имрих, — мне не нужно девушки с приданым. Я люблю Сузанку, и она мне дороже всех на свете. О другой я не хочу слышать, даже если она окажется самой богатой и красивой. Я и раньше не гонялся за богатством, а сейчас тем более.

— Не говори глупости, — поморщившись, перебил его мельник, хотя знал, что не удастся уговорить сына. — Около снопов хорошо собирать колосья, но если ты женишься против

моей воли, тогда добывай свой хлеб сам и кормись со своей Сузанкой ее ремеслом.

Имрих хотел возмутиться, но сдержался.

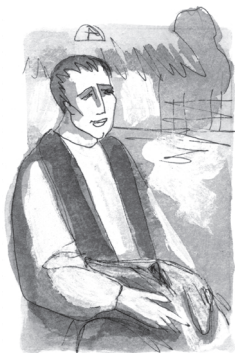
— Не беспокойтесь, прокормимся без вас. А если вам жалко кузницы, то я в ней не буду работать. После свадьбы мы с Сузанкой можем переехать в Топлово. У нее там есть домик, и я в пристройке к дому сделаю новую кузницу.

Мельник испугался. Кто тогда будет работать в поле? Без Имриха будет трудно.

— Я ведь не гоню тебя, — уже по-дружески заговорил он. — Но мне не нравится, что ты выбрал девушку, которая ничего не умеет.

— Не говорите зря, вы ее не знаете. Конечно, она не такая работница, как Катерина, но Бог не создал всех людей одинаковыми. Шитьем она больше зарабатывает, чем Катерина в поле. Если бы все женщины ходили за скотом или работали на полях, кто бы тогда занимался шитьем и рукоделием?

Отцу пришлось согласиться с сыном, и про себя старик с удивлением отметил, что Имрих не ругается, как обычно, а говорит очень толково.

— Поступай, как хочешь. Мое дело тебя предупредить. Потом не жалуйся. Когда хочешь сыграть свадьбу?

— После уборки урожая. Но вам, отец, ничего не нужно готовить. Мать Сузанки хочет, чтобы свадьба была у них.

— Ладно, об этом поговорим позже, Грубик мне не указ, — сказал мельник, гордо выпрямившись.

Отец и сын молча шли домой, думая каждый о своем.

В это время Ян Терновский сидел около своей хижины. Его верный пес, добрый друг Дунчо, уткнувшись головой в колени хозяина, лизал ему руки. Но Ян не замечал Дунчо и чувствовал себя таким одиноким! Оглядываясь вокруг, он старался смириться с мыслью, что ему раз и навсегда надо привыкнуть к одиночеству. Как-то он сказал Андрею, что Господь подчас освобождает сердце от всего, чтобы

Самому занять в нём место. Так вот теперь Он освободил и его, Яна, сердце. Не сбылась прекрасная мимолётная мечта о земном счастье, о любви. Его счастье расцвело, как цветок весной, но ночной заморозок погубил его в пору цветения.

Он вопрошал своего Господа: «Почему это случилось со мной? Почему Ты допустил это? Мне было так хорошо с Тобой, у меня в сердце был рай. Лучше бы я никогда не встречал Сузанку! Однако, как сказал Имрих: «Без Тебя мы были бы слепы». Разве мне мало, что я смогу им послужить? Разве мне за это нужна награда на земле? Или я завидую Имриху? Разве я говорил, что без этой девушки не устою в вере? Нет, Господи, я ее очень люблю, но Ты мне дороже! Я знаю, что не перестану любить Сузанку, но я также знаю, что Ты убережешь меня от греха. Я не хочу завидовать Имриху. Сохрани меня, Господи, от зависти. Сделай так, чтобы они с Имрихом никогда не узнали о моей любви, чтобы между

ними никогда не возникло такого отчуждения, иначе они больше не придут ко мне. Имрих будет меня избегать. А если он будет мне доверять, я до конца своей жизни смогу им служить. Неправда, что на земле человек не сможет быть счастливым, если не получит того, чего желал, если он пожертвует своим счастьем ради другого. О нет! Истинное, единственное и непреходящее счастье — это Ты, Господи, а Тебя у меня никто не отнимет».

Ян упал на колени и в молитве еще раз навсегда отдал сердце своему любящему Господу. Он даже не подозревал, как дорого заплатила любимая им девушка за мир и покой, наполнявшие теперь его сердце. Если бы Ян знал, что его земная любовь была взаимной, то его сердце горело бы огнем любви. Но если огонь не поддерживать, он угаснет.

«Поверь мне, Ян, — недавно говорил ему Павел, — я страдаю вдвойне, потому что страдает Илонка. Я уже неделю не виделся с нею. Наверное, она тоскует по мне, как и я по ней, и просит Бога, чтобы Он помог».

Разве Ян не испытывал раньше такие же чувства? Но теперь он всегда будет спраши-

вать о Сузанке, говорить с ней, не опасаясь, что это причинит ей боль. Ян не знал, какое благо сделала сегодня для него Сузанка, когда скрыла свою любовь к нему.

Прошло две недели с того воскресенья, когда Даниш впервые обратился к Господу. Много воды утекло за это время из ручья около мельницы. Оба брата Леготских выздоровели. Юрий снова работал на мельнице и остался таким же безбожником, как прежде, и все так же сквернословил при каждой неудаче.

Даниш работал дома. Люди говорили, что Юдка воздала ему по пословице «Кто в тебя бросит камень, тому подай хлеба». Она усердно ухаживала за мужем. Но и он был очень внимателен, таким добрым к ней его не видели даже после их свадьбы.

Люди поговаривали, что болезнь изменила Даниша. Но они не знали, что он не просто изменился, а прямо-таки воскрес из мертвых. Старый Даниш умер, теперь рядом с любимой женой жил новый Даниш. Юдке не приходи-

лось больше отстаивать Божьи заповеди, теперь они вместе выполняли их.

К Юрию приехали на каникулы сын и вызванная Яном из города дочь. Сын почти все время проводил в лесу и шалил, как говорили старики, по молодости, над всеми командовал, даже над дедом. Дочь на каждый палец надела по колечку, сделала завивку и ходила разряженная, как дама. Мать не заставляла ее работать и гордилась своей красавицей дочерью. А старый мельник злился на внучку, но она его не боялась, так как в городе разучилась уважать старших. Она привыкла делать все по-своему. Нередко расстроенный старик приходил к своей младшей снохе, чтобы найти у нее утешение.

Старый мельник видел, что Даниш изменился и теперь не говорил жене ни одного плохого слова. Они вместе читали Слово Божье, и старик не препятствовал этому, а все чаще оставался у них, чтобы послушать. С тех пор как на мельнице побывал Ян Терновский, старик на его веру смотрел иначе.

Да, необычная была у Яна вера. Она изменяла каждого, кто к ней обращался. Примером

тому были сыновья старого Леготского. Постепенно в доме привыкли к тому, что братья изменились, и все пошло своим чередом.

А у Муртиных случилось большое горе, и все односельчане жалели Андрея. Когда он с Илонкой должен был идти в церковь, чтобы объявить о своей помолвке, Илонка заболела, заразившись у своей крестной.

Матушка Звара плакала над дочерью, и Андрей был безутешен. Про Павла женщины рассказывали, что он в лесу больше никого не штрафует и у него такой болезненный вид, будто он нездоров.

— Илонка вряд ли выживет, — говорили женщины, навещавшие ее, — уже лежит, как мертвая, ничего не видит и не слышит. Только иногда откроет глаза и смотрит вокруг, будто ищет кого-то. И, подумать только, Сузанка Грубик сидит около нее день и ночь.

Так говорили женщины, но они не знали настоящей причины болезни Илонки. А матушка Звара поняла, что причиной являлась не только лихорадка, но и другая глубокая причина, тщательно скрываемая дочерью. Но даже если бы болезнь была связана с лихорадкой,

разве не мать в этом виновата? Ведь это она послала свое дитя к родственнице, чтобы разлучить ее с Павлом? А теперь вдруг Илонка умрет?

В объятиях смерти

Был жаркий полдень. Глухие раскаты грома предвещали приближение грозы. Эти раскаты и слышал молодой лесник, неподвижно лежавший под деревом. Рядом с ним была раскрыта его верная спутница — Библия. Он не читал ее сегодня. Ему вдруг показалось, что в этой книге он не найдет ни слова утешения для своей скорбящей души. Его Илонка лежала при смерти, а он даже не мог быть рядом с ней. Разве ему нельзя все бросить и поспешить к ней? Служба в лесничестве не была для него помехой. Но как он мог прийти к Илонке и не подать ей руки, не упасть у ее постели на колени с отчаянной мольбой: «Боже мой, не отнимай ее у меня!»? Ему казалось, что его объятия защитили бы Илонку от смерти. Но он не мог ее обнять, потому что она принадлежала Андрею.

«Нет, это несправедливо! — возмущалось все его существо. — Она предназначена мне, а так как не может стать моею, Иисус забирает ее к Себе. Я бы смирился с тем, что Христос берет ее к Себе, где царит правда, где все уподобятся ангелам. О, как бы я хотел ее там увидеть! Но как мне жить на земле, если Илонки не будет со мной? Боже мой! Боже мой! — молился Павел. — Дай мне хоть немного побыть с ней, чтобы проститься, прежде чем она уйдет навсегда! На одно мгновение верни ей сознание, чтобы она узнала меня».

Павел встал с земли и поднял книгу, чтобы пойти домой. Сверкнула молния, вдалеке громыхнул гром, и порыв сильного ветра закачал деревья. В лесу дождя еще не было, но вокруг все уже потемнело. Рядом с Павлом в одинокое дерево с ужасным треском ударила молния, и оно загорелось. От каждого раската грома Павел вздрагивал, чего раньше с ним не случалось. Возможно, оттого что его одолевали жуткие мысли. Что если Бога нет и его вера напрасна? Если Бога нет, то нет и вечности. Стало быть, не будет и встречи с Илонкой? Не

лучше ли тогда приставить к сердцу ружье и покончить с горемычной и жалкой жизнью?

Но молния, освещавшая окрестность, казалась, предостерегала его: *«Не верь, Бог велик, свят и всемогущ!»*. *«Бог наш есть огонь поядующий!»*¹.

«О Боже, помоги мне, избавь меня от сомнений!» — воскликнул Павел, прижав к себе Священное Писание. Над облачным небом было еще другое небо, и там ожидало его блаженство, которое такой дорогой ценой добыл Христос на Голгофе. И это блаженство ожидает всех тех, кто уверовал в Иисуса, оно ожидает и Илонку. Ян, навестивший вчера Муртинных, спросил: «Илонка, любишь ли ты Иисуса Христа?» И в ответ она радостно закивала головой, прижав руки к своему сердцу.

Да, она любила Господа. Чтобы исполнить Его волю, она хочет стать женой Андрея, а теперь Господь забирает ее к Себе. «Хотя бы Он подождал, пока я ее не увижу», — подумал Павел и пустился бегом к дому.

А там была скорбь. Состояние Илонки было очень тяжелое. Никакие лекарства уже

¹ Евр. 12:29.

не помогали. Рядом с ней были Сузанка Грубик и Ян Терновский. Позднее пришли Юдка с Имрихом. Увидев, как Илонка страдает, они начали молиться, чтобы Господь облегчил ее страдания, если на то воля Божья. Притихшие и беспомощные, они стояли у постели умиравшей Илонки. Ян держал за руку Андрея и с состраданием смотрел в растерянное лицо друга.

Тяжело видеть смерть молодого человека, особенно потому, что с ним умирает его земное счастье. Вдруг Илонка открыла глаза и обвела всех взглядом. Видно было, что она кого-то искала.

— Что тебе, мое дитяtko? — склонилась над ней плачущая мать.

— Где Павел? — спросила Илонка с такой тоской, что у всех собравшихся слезы показались на глазах.

— Здесь я, Илонка, — услышала она в ответ, и Павел, не обращая внимания на присутствующих, подошел к девушке.

— Ты пришел?! — воскликнула Илонка.

Павел приподнял ее на постели и прижал к себе.

— Я пришел, Илонка, только ты не уходи от меня. Я не могу видеть, как ты умираешь.

— Ах, дай мне умереть, — просила она, — так будет лучше. Я Андрея люблю, очень люблю. Я хотела избавить его от скорби, отпла-

тить ему за добро, которое он для меня сделал. Но это причиняет тебе боль, а я без тебя не могу жить. Я еще мало знаю о рае, но Иисус Христос будет со мной. Он нашел меня и возьмет меня к Себе.

Все присутствующие плакали и не услышали, что ответил Павел. Только Андрей не плакал. Он высвободил свою руку из руки Яна и вышел из комнаты. На улице была гроза, и Андрею казалось, будто молнии указывали на него, а гром гремел: «В этом горе виноват только ты, ты!»

«О, почему я не оставил Илонку Павлу? Она была такая добрая и хотела уберечь меня от страданий. Но она любит брата и хочет теперь умереть, чтобы не видеть его мучений.

Павел так меня любил, что хотел отдать ее мне, хотя Бог создал их друг для друга. Теперь она умирает, потому что я хотел ее сделать своей. О Боже! — воскликнул Андрей. — Помилуй меня, грешника, не забирай у нас Илонку, я обещаю Тебе, что отдам ее Павлу. Я хочу, чтобы она была счастлива! Не забирай ее у нас!»

— Андрей, где ты? — позвал его Имрих. — Заходи, Илонка уже отходит.

Когда Андрей бросился к умирающей, ему показалось, что Павел в объятиях держит спящую.

— Илонка! Илонка, не умирай! Я оставляю тебя Павлу, только не умирай! — плача, взмолился Андрей.

Глаза девушки открылись, и дрожь пробежала по ее телу.

— Не умирай! — еще раз крикнул Андрей. — Я отдаю тебя брату.

Отблеск счастья мелькнул на лице девушки, и блаженная улыбка появилась у нее

на губах. Взглянув на братьев, она потеряла сознание. Все подумали, что она скончалась, и не смели больше ее тревожить.

Но Илонка была жива и слышала, как Павел сказал: «Возьми ее, Господь Иисус Христос, и унеси в Свое Царство». Она была счастлива, что Андрей перестал думать только о себе и своем счастье, вернув брату то, что тому подарил Бог. И тогда Врач Небесный отдал Муртиным самое дорогое, что было у них на земле.

Илонка очнулась, ее дыхание восстановилось, и все увидели, что она жива. Это было невероятно.

Когда все встали после молитвы, к которой призвал Ян, Андрей бросился к Павлу на шею со словами:

— Брат, ради ран Христа прошу — прости меня. Прости, что я хотел отобрать у тебя Илонку, но я ее так сильно любил, что не хотел верить, что ты ее любишь. При свидетелях я возвращаю ее тебе. Только бы она осталась жива, лишь бы я увидел ее счастливой! Я устрою вам свадьбу и буду радоваться, глядя на ваше счастье.

— Да вознаградит тебя Сам Иисус Христос за твое благодеяние, — ответил Павел, обнимая брата. — Сам Господь и наши друзья свидетели тому, что ты вернул мне Илонку не по моему требованию, а добровольно, по любви.

Это было чудное мгновение, потому что любовь восторжествовала над эгоизмом. Радовались ангелы и Господь, Который сказал: «*Заповедь новую даю вам, да любите друг друга...*»¹.

Истинное счастье

Наступила осень. С полей убрали урожай, но ветви фруктовых деревьев еще гнулись под тяжестью плодов. Деревья шелестели разноцветной листвой, и в такую пору было приятно прогуляться по лесу.

У Леготских были теперь три снохи, и две младшие любили друг друга, как сестры. У них все было общим, и между ними никогда не вспыхивало ссор, как и между их мужьями. Трудно было определить, кто из молодых Ле-

¹ Ин. 13:34.

готских лучший супруг — Даниш или Имрих — и которая из снох лучшая жена.

Старый мельник радовался женитьбе Имриха. Прежде он никогда не был так хорошо одет, как теперь, потому что Сузанка обшивала всех в доме, особенно наряжая мужа и свекра, не чаявшего в ней души. Часто он усаживался возле жены Имриха и смотрел, как она работает. Сузанка доказала ему, что может справиться с любым делом.

Жена Юрия не смела с ней обращаться так, как с Юдкой. Во-первых, она боялась Имриха, а во-вторых, Сузанка умела покорять сердца людей, и ее любовь распространялась на всех Леготских. Даже сын и дочь Юрия с нею были послушными. Но дочь Юрия надолго не задержалась дома. Работать она не хотела, простая пища ей была не по вкусу, да еще отец ругал ее за городские наряды. И Катерина, решив, что все равно здесь не найдется жениха для дочери, отпустила ее в город.

Лучше всех у Леготских жилось Иосику. Он не знал, кого больше любить: мамочку или тетю Сузанку — и старался радовать каждую

из них. Порой, когда все садились в кружок, Юдка говорила: «Сузанка, ты — как солнышко в нашем доме». К ее мнению присоединялся Даниш, а Имрих тем более. Последний просто светился от счастья и был таким добрым, что во всей округе трудно было найти человека, который мог бы с ним в этом сравниться. Все знавшие его прежде не переставали удивляться.

А как Сузанка? Если бы ее спросили, счастлива ли она с Имрихом, она бы с чистым сердцем ответила «да». Она сознавала, что, пока она рядом с Имрихом, Иисус Христос ею доволен, а в этом и есть ее счастье. Она чувствовала благословение Божье, потому люди так к ней и льнули. Ее охотно слушали, когда она рассказывала о Боге, любили с нею беседовать. Имрих не мешал жене делать людям добро. Если она приходила к нему в кузницу и говорила, что тому или иному человеку нужна его помощь, он откладывал свою самую срочную работу ради того, чтобы помочь им.

Матушка Грубик наслаждалась Сузанкиным счастьем. Она радовалась, что у нее такой

хороший зять и он благодарен ей за то, что она вырастила для него хорошую жену. Но мать знала, что не она является воспитателем дочери, и постепенно поняла, как для Сузанки исполнились слова: *«Лишь в вечернее время явится свет»*¹. Для ее дочери началась новая жизнь.

В доме Муртиных всем распорядилась молодая хозяйка. Люди удивились, что на свадьбе у Муртиных женихом был не Андрей, а Павел, который в своем нарядном крестьянском костюме повел невесту к алтарю. Свой городской костюм он продал, потому что больше ничем не хотел отличаться от брата, следуя велению Христа: *«И кто хочет между вами быть первым, да будет вам рабом»*². Павел не хотел больше возвышаться над другими, и люди снова потянулись к нему, стали уважать и любить.

Муртины жили в любви и согласии. Павел с Илонкой трудились дружнее, чем прежде, и Андрей делал все, чтобы выполнить свое обе-

¹ Зах. 14:7.

² Мф. 20:27.

щание радоваться их счастьем. Возвращаясь из леса, Павел с радостью обнимал брата. Даже в детстве они не любили друг друга так сильно, как теперь. И матушка Звара тоже полюбила зятя.

Андрей был счастлив. С ним произошло то, что предсказывал ему Ян: Иисус Христос освободил его сердце от всего, чтобы занять его полностью. Андрей принял Иисуса Христа в свое сердце, и Он заменил ему все. Теперь Муртин вместе с другими изучал Слово Божье и с этой целью два или три раза в неделю приходил к Яну Терновскому. Всем нравилось собираться у Яна, в его хижине было очень уютно и чувствовалась истина слов Христа: *«Се, Я с вами!..»*¹. С молодыми людьми приходила матушка Грубик. Вместе они учились познавать волю Божью, чтобы потом ее исполнять.

Так как Ян остался один, Господь исполнил Свое обетование: *«Не бойся, ибо Я — с тобою»*². Здесь Господь жил со Своим слугой и дарил свет и любовь людям. Ян полностью от-

¹ Мф. 28:20.

² Ис. 41:10.

Кристина Рой

дал свое сердце Господу, и Господь даровал ему много земной любви: у Яна были четыре брата и три сестры, которые его часто навещали. Когда он оставался один, то чувствовал радость и счастье, которые словами трудно описать. Его не поняли бы даже близкие друзья, так как счастье, исходящее от постоянного присутствия Господа, обретают лишь те души, которые от всего сердца могут сказать: «Иисуса Христа одного для меня довольно!»

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>От издателей</i>	3
<i>Т. Лимаренко. Дорога в Небо.</i>	
Вступительная статья	5
<i>Принятые в книге сокращения</i>	11
У подножия Муртина	13
Возвращение	25
У Леготских	37
В Топловой долине	53
Посещение	62
Чужой	70
В горах	80
Тревожные раздумья	96
Страдания ради Христа	113
Трудности	130
Воспоминания	150
Прекрасная жизнь	164
Тяжелое испытание	174
Земное счастье	185

Кристина Рой

Освобождение	192
В церкви	203
Разрушенные мечты	211
Право матери	235
Зараженные	243
Большая победа	257
Любовь Христа	277
В объятиях смерти	288
Истинное счастье	295

ЧИТАЙТЕ
В НОВОЙ СЕРИИ КНИГ
Кристины Рой

И стал Свет! (Автобиография)

Счастье

Мальчик-рыбак из Галилеи

С ним был Бог

В надежных руках

Пробуждение

Пропавшие

Вновь обретенный рай

Детский христианский журнал
«ТРОПИНКА»

красочный и интересный
выходит 6 раз в году
распространяется по подписке

**Каждые два месяца
в новом номере «Тропинки»:**

- истории из Библии;
- детские стихи и песни;
- кроссворды и загадки;
- поучительные истории из жизни;
- рассказы о жизни в библейские времена;
- письма, стихи и другие творческие работы читателей.

Если Вы хотите выписывать «Тропинку», пришлите свою заявку по адресу:

СОМХМ, а/я 1039,
г. Владикавказ,
Россия, 362003.

(Подписчик
оплачивает
только почтовые
расходы.)

*До встречи на
страницах журнала
«Тропинка»!*

Братья Павел и Андрей Муртины живут душа в душу. Но их добрые братские отношения подвергаются трудному испытанию в тот момент, когда оба влюбляются в одну девушку.

Через верующего человека они узнают живого Бога и решают следовать за Спасителем. Но как быть с чувствами? Восстановится ли их братская любовь? Будут ли они вновь счастливы и в чем настоящее счастье? Именно о пути к настоящему счастью рассказывает эта история.